

Том 1, № 1
2004

Учредитель
Государственный университет
Высшая школа экономики

Главный редактор
Т.Н. Ушакова

Редакционная коллегия
К.А. Абульханова-Славская
Н.А. Алмаев
Т.Ю. Базаров
В.А. Барабанщиков
А.К. Болотова
А.Н. Гусев
А.Л. Журавлев
Е.А. Климов
А.Н. Лебедев
Д.А. Леонтьев
Д.В. Люсин
Н.Б. Михайлова
В.Ф. Петренко
А.Н. Подьяков
В.А. Пономаренко
И.В. Равич-Щербо
И.Н. Семенов
Е.А. Сергиенко
И.Е. Сироткина
Е.Н. Соколов
Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.)
А.М. Черноризов
В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.)
А.Г. Шмелев

Отв. секретарь *Е.С. Жукова*
Переводы *А.В. Александровой*
Корректурa *С.В. Назаровой*
Компьютерная верстка
К.И. Алексеев

Адрес издателя и распространителя:
101990, Москва, ул. Мясницкая, 20.
Тел. 134-08-77; факс 134-08-31
E-mail: id.hse@mail.ru

Перепечатка материалов только
по согласованию с Редакцией

© ГУ ВШЭ, 2004 г.

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Т.Н. Ушакова. К читателям 3

Философско-методологические проблемы

В.Д. Шадриков. О предмете психологии
(мир внутренней жизни человека). 5

Специальная тема выпуска: Психология чужого (**Б. Шефер** – редактор специальной темы)

Д.В. Ушаков. Введение 20

Б. Шефер, М.Скарабис, Б. Шлёдер. Социально-
психологическая модель восприятия чужого:
идентичность, знание, амбивалентность. 24

М. Скарабис, Р. Шульце, Б. Шефер. Роль
экономических и символических факторов идентичности
в формировании отношения к чужим группам. 52

**М. Скарабис, Н. Балингхорст, Р. Шульце,
Б. Шефер.** Восприятие чужого как фактор
возникновения амбивалентных чувств 70

М. Скарабис. Конфликт ценностей
и амбивалентность чувств. 79

Практическая психология

Д. Дайл, Дж. Канджеми, К. Ковальски. Транс-
формирующее действительность лидерство 96

Психология и общество

Н. Форман, Р. Роулз. Этические проблемы
в психологии: британский опыт. 110

Научная жизнь

Д.В. Люсин. Размышления о двух психологических
конференциях 2003 г.: Восьмой европейский
конгресс по психологии и Одиннадцатая встреча
Международного общества по изучению
индивидуальных различий. 124

Резюме выпуска на европейских языках. 127

Vol. 1, № 1
2004

Publisher

State University
Higher School of Economics

Editor

T.N. Ushakova

Editorial Board

K.A. Abulkhanova-Slavskaja

N.A. Almaev

T.Yu. Bazarov

V.A. Barabanschikov

A.K. Bolotova

A.N. Goussev

A.M. Chernorisorov

E.A. Klimov

A.N. Lebedev

D.A. Leontjev

D.V. Lioussine

N.B. Michailova

V.F. Petrenko

A.N. Poddiaikov

V.A. Ponomarenko

I.V. Ravitch-Scherbo

I.N. Semenov

E.A. Sergienko

V.D. Shadrikov (Vice Editor)

A.G. Shmelev

I.E. Sirotkina

E.N. Sokolov

D.V. Ushakov (Vice Editor)

A.L. Zuravlev

Managing Editor *E.S. Zukova*

Translation *A.V. Alexandrova*

Copy editing *S.V. Nazarova*

Page settings *K.I. Alekseyev*

Address of the Publisher:

ul. Myasnitskaya, 20,

101990, Moscow, Russia.

Tel. 134-08-77; fax 134-08-31

E-mail: id.hse@mail.ru

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner.

© SU HSE, 2004

PSYCHOLOGY
the Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

T.N. Ushakova. Address to the Readers 3

Theory and Philosophy of Psychology

V.D. Shadrikov. The subject matter of psychology
(The inner world of human life) 5

Special Theme of the Issue: Psychology of strangeness
(B. Schäfer – Guest Editor of the Special Theme)

D.V. Ushakov. Foreword 20

B. Schäfer, M. Scarabis, B. Schlöder. Identität,
Wissen, Ambivalenz – Ein sozialpsychologisches Modell
der Erfahrung des Fremden 24

M. Scarabis, R. Schulze, B. Schäfer. Ökonomische
und symbolische Identitätsdiskrepanzen als Determinanten
von Ambivalenz gegenüber Fremdgruppen 52

**M. Scarabis, N. Balinghorst, R. Schulze,
B. Schäfer.** Das Erleben von Fremdheit als Determinante
subjektiver Ambivalenz 70

M. Scarabis. Wertinkosistenz, Wertkonflikt
und Ambivalenz. 79

Practical Psychology

D. Dile, J. Cangemi, C. Cowalski. Transformational
Leadership: A Brief Overview 96

Psychology and Society

N. Forman, R. Rowles. Ethical Issues in Psychology:
the UK Experience 110

Scientific Life

D.V. Lioussine. Reflections on two psychological confe-
rences of 2003: the Eighth European Congress of Psycho-
logy and the Eleventh Biannual Meeting of the Internatio-
nal Society for the Study of Individual Differences . . . 124

Summary of the Issue 127

К ЧИТАТЕЛЯМ

**УШАКОВА
Татьяна
Николаевна –
член-корр. РАО,
доктор
психол. наук,
профессор,
главный
редактор
журнала**

Уважаемые читатели!

Перед вами пилотный выпуск нового журнала, который будет издаваться на факультете психологии Государственного университета – Высшей школы экономики. Издание предназначено для профессиональных психологов – преподавателей, исследователей и практиков, независимо от их специализации. Надеемся поддерживать высокую планку качества публикуемых отечественных и зарубежных работ.

Журнал ориентируется на специалистов в разных областях. В любом его номере каждый профессиональный психолог, исследователь, преподаватель или практик, независимо от специализации, должен найти для себя несколько интересных материалов. Поэтому мы стремимся к публикации широких работ общего значения, которые привлекут психологов, даже если они не являются специалистами в той кон-

кретной области, которой посвящена статья. Это касается как теоретического, так и экспериментального разделов журнала.

В последнее десятилетие существенно возросла доля психологов, занятых в работах по различным ветвям практики. Журнал откликнется на потребность психологической аудитории в современных практических знаниях и посвятит этой сфере специальную рубрику.

Отдельно выделена методическая рубрика, поскольку сегодня создание и грамотное применение психологических методов и методик составляет одну из наиболее важных сфер деятельности психолога. К сожалению, валидность и надежность многих используемых у нас методик оставляет желать лучшего. В рубрике будут публиковаться тесты, а также рассматриваться проблема их валидности и прочих психометрических характеристик, обсуждаться общие проблемы психодиагностики, применения тестов на практике.

Специальная рубрика предназначена для преподавателей вузов, которые интересуются проблемой представления психологических знаний для студентов. Последнее десятилетие характеризовалось тем, что большинство психологов-исследователей стало вести преподавательскую работу. Важность рубрики диктуется как большим количеством вузов, выпускающих

психологов, так и проблемой повышения качества преподавания.

Наконец, еще одна рубрика посвящена теме «Психология и общество». Эта тема касается всех читателей-психологов, вне зависимости от специализации. Сегодня психология стала довольно модной наукой, но отношения ее с обществом отнюдь не просты. Журнал будет систематически освещать эту тему.

Мы ставим своей целью привлечение лучших работ не только из России, но и из-за рубежа. Советская психология по сравнению с психологической наукой «буржуазных» стран имела существенную специфику. При этом она была в значительной мере закрытой – контакты происходили в основном в верхних эшелонах. В результате сложились как те области, где отечественная психология сильна, так и те, где она отстает от лучших международных образцов.

Западная психология к сегодняшнему дню опережает российскую по двум основным направлениям. Во-первых, это культура эмпирической работы, включающая организацию исследования, статистические методы обработки данных. Особенно высокая статистико-математическая культура характерна для молодого поколения западных ученых. В ря-

довых работах применяются такие методы, как мета-анализ, линейно-структурное моделирование и т.д., которые в России доступны лишь горстке наиболее продвинутых исследователей.

Во-вторых, на Западе достиг значительного совершенства такой жанр, как операционализированная теория среднего уровня. Модели отдельных когнитивных процессов (памяти, внимания, восприятия, речи) и когнитивной системы в целом, личности, социальных процессов, поведения занимают промежуточное положение между конкретными объяснительными схемами, проверяемыми в отдельных исследованиях, и глобальными обобщениями и обычно называются теориями среднего уровня.

Журнал будет стремиться представить на своих страницах наиболее интересные достижения иностранных коллег в тех сферах, где они особенно сильны. В то же время у российской психологии есть свои козыри – это не только традиционно высокая культура мышления, но и отечественные научные школы.

В целом задача нового журнала – дать оперативную и взвешенную информацию о самых лучших достижениях в разных областях психологической науки в России и за рубежом.

Философско-методологические проблемы

О ПРЕДМЕТЕ ПСИХОЛОГИИ (МИР ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА)

В.Д. ШАДРИКОВ

Шадриков Владимир Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, действительный член РАО, член Нью-Йоркской академии наук и Калифорнийской школы профессиональных психологов, вице-президент Российского психологического общества. Он является создателем и руководителем научной школы в области психологии способностей. Ему присуждены звания заслуженного работника высшей школы, почетного профессора ЯГПУ, почетного профессора ЯГУ, он лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования (1998), премии Президиума РАН им. С.Л. Рубинштейна за цикл научных работ по психологии способностей (1996). В настоящее время является директором Института содержания образования ИРО ГУ–ВШЭ, научным руководителем факультета психологии ГУ–ВШЭ. В 1985–2001 гг. занимал пост заместителя министра.

Резюме

Системное определение предмета психологии приводит к необходимости обращения к внутреннему психическому миру человека. О реальности последнего говорят повседневный опыт и факты экспериментов с электрическим раздражением глубинных структур мозга. В статье анализируется зарождение и развитие внутреннего мира у ребенка. Рассматривается репрезентация внешнего мира во внутреннем. Утверждается тезис о тождественности понятий внутреннего мира и души человека. Формулируются законы функционирования внутреннего мира. Раскрытие закономерностей формирования и развития внутреннего мира, его проявления в поведении рассматривается как важнейшая задача психологии.

Определить предмет науки достаточно сложно. Не только психология, но и многие другие науки длительное

время изучали свой предмет, четко его не определяя. Психология здесь находится в особом положении. Вначале

предметом психологии считалась душа. Но понятие это разрабатывалось, в основном, в теологии. Встав на строго научные позиции, психология ушла от своего предмета – души.

Сегодня, как и в 1946 г., вслед за С.Л. Рубинштейном, обычно предмет психологии определяют как специфический круг явлений, включающий наши восприятия, мысли, чувства, наши стремления, намерения, желания и т.п. Но Рубинштейн добавлял, что предметом психологии является все то, что составляет внутреннее содержание нашей жизни и что в качестве переживания как бы непосредственно нам дано. Однако эта мысль Рубинштейна осталась в отечественной психологии практически не проработанной. Именно на этом вопросе мы и хотели бы остановиться.

Определяя предмет психологии через перечисления отдельных психических явлений, мы остаемся на позициях аналитического подхода. Однако системная методология требует перехода к поиску целого, что составило бы предмет психологии и позволило бы подойти к изучению психики индивида. Предпосылки для такого подхода как теоретические, так и экспериментальные созрели.

Две группы фактов говорят нам о том, что существует реальная внутренняя жизнь человека: это повседневный опыт и экспериментальные данные. Мы часто, характеризуя того или иного человека, говорим: живет в мечтах, живет в прошлом, весь в планах на будущее, ушел в себя, живет внутренней жизнью и т.д. Все, что мы в этом случае подразумеваем, относится к внут-

ренней жизни реального человека. Хотелось бы подчеркнуть, что, говоря о внутренней жизни, мы подразумеваем не отдельные процессы мотивации, представления, воображения, чувства, интеллектуальные качества, а интуитивно понимаем реальный процесс, происходящий с нами и в нас. Это и процесс реальной жизнедеятельности, и самостоятельный процесс, связанный с реальной жизнью, но и не зависящий от нее. Скромный и застенчивый человек может глубоко и эмоционально переживать события своей жизни, а деятельный и общительный быть внутренне бедной личностью. Внутренний мир человека и его внутренняя жизнь составляют сущность личности.

Вторая группа факторов, подтверждающих возможность реальной внутренней жизни, – экспериментальные данные, связанные с электрическим раздражением глубинных структур мозга (ЭРМ). Эксперименты с ЭРМ открыли новую страницу экспериментальной нейрофизиологии и предоставили интересный материал психологии. Опыты показали, что электрические раздражения отдельных структур мозга приводят к актуализации прошлого опыта, при этом, что особенно важно подчеркнуть, воспроизводимый эпизод жизни представлялся не как воспоминания, а как реальное ощущение. Так, например, при электрическом раздражении височной доли мозга участвующие в эксперименте слышали звуки музыки. Иногда это был определенный мотив, который человек узнавал и мог понять, а в некоторых случаях ему казалось, что в комна-

те включали радио или проигрыватель. Звук воспринимался не как воспоминание, а как реальное ощущение, когда можно было различать отдельные инструменты оркестра и слова песни. Эти галлюцинации не были застывшими, они разворачивались во времени как реальный процесс. При электрическом раздражении мозга вспоминались не только предметные события, но и эмоции, испытанные при том или ином реальном восприятии. Раздражение отдельных структур влияет на дружелюбие и разговорчивость, порождает агрессивность и тормозит отдельные поведенческие реакции.

Анализируя совокупность фактов, связанных с ЭРМ, Х. Дельгадо делает очень важный вывод: данные, полученные в опытах с ЭРМ, позволяют «предполагать, что нейроны сохраняют полную запись прошлых событий, включая всю сенсорную информацию (зрительную, слуховую, проприоцептивную и т.д.), а также эмоциональное звучание событий» (Дельгадо, 1971, с. 154). Сюда же можно отнести экспериментальные данные, полученные К. Прибрамом и интерпретированные с позиций голографического механизма нейронного процесса (Прибрам, 1975).

Таким образом, появляются экспериментальные предпосылки, позволяющие рассматривать *естественно-научные основы мира внутренней реальной жизни*.

В отечественной психологии длительное время доминировала философская концепция «отражения». Главное внимание уделялось пробле-

ме правильного, адекватного отражения внешнего предметного мира человеком. На этом пути достигнуты большие успехи в области физиологии, нейрофизиологии, нейропсихологии и психологии. Однако вне поля внимания оставался сам внутренний мир человека, внутренняя психическая жизнь. Практически ни в одном учебнике психологии мы не найдем отдельной главы и даже параграфа, посвященных этой проблеме. С позиции концепции «отражения» как психического явления, изучение мира внутренней реальной человеческой жизни ограничивалось (и даже подменялось) исследованием сознания человека.

Вместе с тем именно внутренняя жизнь человека всегда составляла предмет психологии, рассматривалась ли она с позиций психологии сознания или психологии бессознательной детерминации. Значительный вклад в изучение внутренней жизни человека внесли психоанализ З. Фрейда, аналитическая психология К. Юнга, индивидуальная психология А. Адлера и другие направления глубинной психологии.

На предшествующем этапе изучения психики, который можно назвать глобально-аналитическим, происходило постепенное разложение целостного психического: знание было отделено от переживания, восприятие и память от мышления, сознательное от бессознательного, способности от познавательных процессов, качества личности от характера, характер от темперамента, психические состояния от психических процессов, биологическое от социального.

Сегодня настало время перейти от аналитического подхода к синтезу накопленных знаний и представлениям о целостной психике, к реализации системного подхода к изучению психики. Настало время изучения внутреннего мира человека и внутренней психической жизни как реальности.

В настоящей статье сделана попытка взглянуть на внутренний мир человека с позиций различных экспериментальных и эмпирических фактов и теорий; раскрыть содержание понятия «внутренний мир человека», его строение и функции, взаимосвязи между его отдельными частями; рассмотреть, как соотносятся внутренний мир человека и мир внутренней жизни. Ответы на данные вопросы позволят по-новому взглянуть и на всю проблематику личности. Лишь понимание внутреннего мира человека позволит нам понять и объяснить его поступки и поведение.

Зарождение внутреннего мира

Внутренний психический мир человека является частью человеческой жизни. Уже эмбрион реагирует на состояние матери и события внешнего мира. Можно сказать, что он живет одной жизнью с матерью. В постнатальный период эта связь с матерью и внешним миром остается, но принимает другие формы – она регулируется психикой ребенка, которая в этом взаимодействии и развивается.

Первой особенностью этого взаимодействия является то, что оно детерминируется внутренним состоя-

нием младенца, его потребностями и связанными с ними переживаниями¹. Интересно отметить, что современные нейрофизиологические исследования показывают, что в первые 2-3 месяца жизни мозг ребенка пассивен по отношению к среде, активного взаимодействия с внешним миром не происходит (И.А. Скворцов). Ребенок переживает себя, свои состояния и связывает эти состояния с матерью. В этом процессе опредмечиваются его переживания: состояния ребенка, переживания ребенка → удовлетворение за счет объекта вне ребенка. Чувства ребенка связываются с предметным миром, они неразрывны. Подчеркнем, что переживания ребенка едины с его органическими ощущениями, они еще не могут осознаваться, но они в своем единстве и составляют жизнь ребенка. В процессах удовлетворения потребностей предметы внешнего мира приобретают для ребенка значение, смысл и эмоциональную окраску. Внешний предметный мир наделяется значением и переживаниями и выступает в единстве с внутренним миром (переживаниями ребенка). В процессе опредмечивания переживаний формируется единство ребенка и внешнего мира, прежде всего его единство с матерью.

Как уже отмечалось, длительное время (1930–2000 гг.) в отечественной психологии господствовала точка зрения, согласно которой психические явления рассматривались как отражение

¹ Механизм происхождения, функционирования и развития эмоций и чувств рассмотрен нами (Шадриков, 2002).

действительности. Главным фактором формирования внутреннего мира выступал внешний мир, окружающая человека среда. «Это отражение действительности человеческим мозгом, – читаем мы в учебнике психологии, – в виде различных психических явлений есть субъективный мир человека, представляющий собой отражение, образ объективного мира, существующего вне нас и независимо от нашего сознания» (Смирнов и др., 1956, с. 9). И хотя С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что «всякий психический факт – это и кусок реальной действительности и отражения действительности – не либо одно, либо другое, а и одно и другое; именно в том и заключается своеобразии психического, что оно является и реальной стороной бытия и его отражением, – единством реального и идеального» (Рубинштейн, 1946), действительность доминировала в рождении психического. Мысль Рубинштейна о том, что всякое психическое образование это и переживание и знание, не нашла должного развития. Да и не могла найти, так как с позиций психического как отражения действительности первичным является внешний мир. В реальности же, как мы подчеркивали выше, первичным является человек с его переживаниями, которые опредмечиваются.

На учебнике, отредактированном корифеями отечественной психологии, были воспитаны поколения учителей и психологов. Данные позиции сохранялись на протяжении 60–70 лет. Прослеживаются они и в учебниках последнего периода, хотя и в более мягкой форме. Мы же еще раз подчер-

кнем, что внутренний мир начинает формироваться с переживаний человеком самого себя, своих органических ощущений.

С учетом сказанного, *продолжим рассмотрение процесса зарождения внутреннего мира.*

Человек – часть природы. Свое существование он может обеспечить только за счет природы. И чтобы этого достичь, он должен располагать соответствующим знанием о природе и обладать определенными навыками. Знания об окружающем мире всегда функциональны, то есть они получают ребенком в процессе разрешения жизненно важной задачи. Эти знания служат удовлетворению определенной потребности и поэтому всегда сопровождаются переживанием (вспомним Х. Дельгадо). Жизненно важные знания всегда связаны с переживанием. В этих переживаниях отражается личностный смысл знаний, получаемых от взаимодействия человека с внешним миром в процессе жизнедеятельности.

В формирующемся субъективном образе внешний мир раскрывается как «мир для меня» (вещь в себе становится вещью для меня). Предметы внешнего мира связываются с переживаниями и наделяются личностными смыслами. Субъективный образ объективного мира, его формирование включаются в процесс жизни человека, обеспечивают эту жизнь, являются ее частью. И происходит это без обязательного осознания явлений психики (хотя на определенном этапе они начинают осознаваться). Нас гораздо в большей мере интересует не сам субъ-

ективный образ, а его включенность во внутренний мир человека.

Репрезентация внешнего мира во внутреннем

Внешний мир представлен в формирующемся внутреннем мире в различных языковых² отображениях. Прежде всего он предстает субъекту в его чувственных *ощущениях* и *восприятиях* и в виде ощущений, восприятий и переживаний включается во внутренний мир. Вполне естественно утверждение, что разные чувства отражают различные стороны объективного мира, они с этой целью и сформировались в процессе эволюции человека. Следовательно, разные чувства дадут нам различную картину мира. С особой стороны, но тесно связанной с восприятием, внешний мир будет представлен на языке потребностей человека, насыщен определенными личностными смыслами и переживаниями.

Внешний мир может быть представлен субъекту на языке движений, действий и деятельностей, связанных с определенными целями и мотивами. Он может быть представлен знаниями и символами, имеющими различное значение и смысл, различную эмоциональную насыщенность.

Наконец, внешний мир описывается на языке слов, наделенных определенным значением, которое у субъекта насыщается различным смыслом, ценностями и переживаниями. Одно и то же

² Под языком мы будем понимать любую знаковую систему.

словесное описание по-разному воспринимается различными лицами в зависимости от их жизненного опыта. Слово многозначно. Поэтому внешний мир, описанный словами, во внутреннем мире у различных субъектов представлен по-разному.

Из сказанного становятся ясными вся сложность репрезентации внешнего мира и богатство внутреннего мира человека. При этом многообразии языков представления внешнего мира не лишает внутренний мир целостности.

Единство и независимость внешнего и внутреннего миров

Внешний мир един с внутренним, ибо во внешнем мире опредмечиваются потребности человека. В деятельности и через деятельность предметы внешнего мира приобретают определенное значение и личностный смысл, а формирующийся образ внешнего мира всегда носит черты оперативного образа.

В потоке жизни, состоящем из действий и поступков, идет постоянная смена информационных моделей, обеспечивающих конкретные действия и поступки. Актуальные модели переходят в потенциальные, которые в своем единстве составляют внутренний мир. Актуализация потенциальных моделей, составляющих внутренний мир, происходит по функциональному принципу, сформулированному С.Л. Рубинштейном для процессов припоминания. «Этим функциональным принципом в частности объясня-

ется, по-видимому ... повседневный и все же как будто парадоксальный факт: мы часто помним, что мы чего-то не помним; при припоминании забытого, если нам подвернется не то, что мы стараемся вспомнить, мы сейчас же сознаем или чувствуем: нет, это не то. Таким образом, мы знаем, что мы забыли, хотя казалось бы, что, раз это забыли, мы этого не знаем. В действительности у нас в этих случаях обычно есть некоторое функциональное знание о связях, в которых стоит забытое нами. Припоминая, мы очень часто ищем носителя определенных, более или менее ясно осознанных функций, связей. В процессе припоминания мы из них исходим, и, когда нам как будто вспоминается забытое, мы проверяем, то ли нам вспомнилось, что мы хотели припомнить, по тому, как всплывшее в памяти входит в эти связи. Отождествляя всплывшее в памяти с искомым или отвергая его как не то, что мы хотели припомнить, мы в значительной мере базируемся на некотором смысловом контексте, из которого исходит припоминание» (Рубинштейн, 1946, с. 294).

В данной пространной цитате нам хотелось бы, во-первых, подчеркнуть, что отдельные блоки информации во внутреннем мире связаны друг с другом функциональными связями и составляют единое целое – внутренний мир. Во-вторых, в конкретные моменты времени мы не только не помним того, что включено в память, но и с трудом это можем актуализировать. Но оттого что мы не помним чего-то, не следует, что этого не содержит наша память.

В своем порождении внутренний мир тесно связан с внешним миром, но одновременно *внутренний мир самостоятелен*, существует независимо от внешнего мира. Это внутренний мир человека, проживающего свою жизнь.

Но проживает свою жизнь человек во внешнем мире. Поэтому нам хотелось бы подчеркнуть еще раз единство внешнего и внутреннего миров. Это единство особенно убедительно доказывается исследованиями явлений депривации. Различные формы депривации: сенсорной, эмоциональной, двигательной, социальной, всегда приводят к нарушению нормального функционирования психики. Обеднение отношений с внешним миром приводит к задержкам психического развития как в интеллектуальном, так и в эмоциональном аспектах. Широко известны результаты исследований детей в условиях детских учреждений, когда при нормальных биологических факторах развития наблюдаются обедненные социальные контакты, недостаток эмоциональных отношений. В этих условиях проявляется общая задержка развития ребенка.

В условиях депривации у человека усиливается потребность в ощущениях и переживаниях, что осознается в форме сенсорного эмоционального голода. Активизируются процессы воображения, нарушается ритм сна и бодрствования, развиваются гипнотические состояния. Снижаются показатели функционирования практически всех познавательных процессов, наблюдаются иллюзии и галлюцинации.

Внутренний мир и душа человека

Переживания человека пронизывают все идеальные компоненты психической деятельности. Это относится и к образам восприятия, и к информации памяти, и к процессам принятия решений, разрешения жизненных ситуаций и деятельностных задач. Другими словами, все идеальные компоненты психологической системы деятельности связаны с переживаниями. Следовательно, вся информация, составляющая содержание внутреннего мира, будет пронизана переживаниями. Это есть принципиальное отличие информации внутреннего мира человека от информации, циркулирующей в любой технической системе, в том числе в системах искусственного интеллекта. Внутренний мир человека представляет собой *потребностно-эмоционально-информационную* субстанцию, формирующуюся при жизни человека на основе его индивидуальных свойств и качеств.

И если внутренний мир человека может существовать относительно самостоятельно от внешнего мира, то он не может быть отделен от человека. Внутренний мир, как мы уже отмечали, начинает формироваться с восприятия своих потребностей и переживаний, и в дальнейшем своем существовании он не отделим от потребностей и переживаний конкретного человека. Проживание жизни и есть с внутренней стороны поток изменений внутреннего мира, в каждый момент жизни вплетенный в реальные действия и поступки, обеспечивающий эти действия и поступки. В силу сказанного можно

заключить, что внутренний мир человека – это живой мир, и потребностно-эмоционально-информационная субстанция, представляющая внутренний мир, – это живая субстанция.

Можно сказать, что эта потребностно-эмоционально-информационная субстанция и есть *душа человека*. Эта душа живет в единстве с телом и относительно независима от внешнего мира. Подчеркнем еще раз, что душа живет и может сама себя рефлексировать, может в каждый момент времени проживать всю жизнь или отдельные события. С этой точки зрения душа живет вне времени.

Говоря о душе как субстанции, не сводимой к ее проявлениям: отдельным ощущениям, восприятиям, мыслям, чувствам, стремлениям, желаниям, духовным состояниям, мы фактически реализуем принципы системного подхода. Целое не сводится к частям его составляющим, целое обладает новыми системными качествами. Одновременно душа как субстанция не существует отдельно от своих проявлений, вне психических явлений. Как отмечает Г.И. Челпанов, «наш психический организм не представляет простого механического соединения отдельных частей, а тоже представляет нечто целое, единое, вроде организма. Этому единству присуще *постоянство* и *относительная неизменность*, а это именно и суть, те свойства, которые характеризуют субстанцию» (Челпанов, 1994).

При обращении к понятию души вспоминаются слова С.Л. Франка, который писал: «Будущий историк нашей современной духовной культуры,

вероятно, с удивлением отметит как один из характернейших ее признаков отсутствие в ней какого-либо определенного и принципиального учения о сущности человеческой души и о месте человека и его духовной жизни в общей системе целого» (Франк, 1997, с. 6). Прекрасное обозначение «психология» – учение о душе, пишет далее Франк, было просто незаконно похищено и использовано как титул для совсем иной научной области; оно похищено так основательно, что, когда теперь размышляем о природе души, о мире внутренней реальности человеческой жизни как таковой, то занимаемся делом, которому суждено остаться безымянным или для которого надо придумывать какое-нибудь новое обозначение (Франк, 1997, с. 8).

Понятие души используется в двух аспектах: как внутренний, психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т.д. и, в теологическом плане, как бессмертное, нематериальное начало, существующее независимо от тела, связывающее человека с Богом.

«В русском языке слово душа дает наивысшую частотность употребления в значении внутренний психический (психологический) мир человека. В своем религиозном значении – “нематериальное начало” – оно употребляется гораздо реже, – пишет С.Г. Тер-Минасова. Показательны в этом смысле данные “Словаря языка А.С. Пушкина”. Слово душа – чемпион по частотности употребления у Пушкина. При этом абсолютное большинство употреблений этого слова – 510 раз – приходится на значение внутренний пси-

хический мир человека. В значении же нематериальное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти, оно употреблено всего 44 раза. 510 и 44 – разница впечатляющая. Причем в языке А.С. Пушкина, так что это нельзя отнести за счет советской антирелигиозной пропаганды» (Тер-Минасова, 2000, с. 164–165).

Слово «душа» вполне достойно того, чтобы его восстановить в правах как научное понятие. И предметом психологии может стать душа человека в ее научном понимании.

В заключение еще раз подчеркнем, что весь внутренний мир человека замкнут на него самого, это внутренний мир конкретного индивида и он целостен. Нарушения целостности и функциональности внутреннего мира человека ведут к различным аномалиям в поведении, которые определяются как различные психопатологические синдромы.

Законы функционирования внутреннего мира

Длительное время, начиная с Декарта, европейская наука развивалась под влиянием идей детерминизма. В классической картине мира законы природы выражают определенность, т.е. при заданных начальных условиях мы можем с определенностью предсказать будущее или восстановить прошлое. Аналогичным было утверждение, что наука занимается изучением причин, а не случая. Кант возвел универсальный причинный детерминизм в критерий любого научного знания. Однако дан-

ная точка зрения все большим количеством ученых начинает подвергаться сомнению. В наиболее яркой и доказательной форме это высказано И. Пригожиным (Пригожин, 2000).

Изучение физики неравновесных процессов привело к выводу о фундаментальной роли вероятностей. «Нам необходимы, – писал Пригожин, – не только *законы*, но и *события*, которые привносят в описание природы элемент радикальной новизны... Человечество достигло поворотного пункта – начала новой рациональности, в которой наука более не отождествляется с определенностью, а вероятность – с незнанием» (Пригожин, 2000, с. 12–13).

Весьма примечательно, что представители точных наук пришли к этому выводу в конце двадцатого столетия. Для представителей философии и психологии позиции жесткого детерминизма всегда создавали методологические трудности в описании поведения человека. Например, как разрешить проблему свободы выбора и ответственности. Если поведение человека детерминировано внешними факторами и у него нет свободы выбора, то он не ответственен за свои поступки. Но если он свободен в выборе и несет ответственность за свой выбор, то его поведение не детерминировано. Следовательно, нарушается фундаментальный признак науки.

Отказ от требований жесткого детерминизма открывает перед психологией новые возможности. Именно с позиций вероятностного подхода, признавая роль и закона и события, мы можем подойти к описанию функционирования внутреннего мира человека.

Первый закон, который можно сформулировать, будет звучать так: «*Внутренний мир человека эволюционирует и функционирует по вероятностным законам*». Развитие внутреннего мира осуществляется по закономерностям, отражающим внешние воздействия. Но не меньшую роль в его становлении играют отдельные события. Можно с определенным основанием утверждать, что в жизни человека есть только цепь событий и именно они определяют характерные особенности его внутреннего мира. Один поступок может изменить всю жизнь человека, все его мировосприятие. И мы недооцениваем роль и значение поступка и случая в развитии личности. Обычно мы обращаемся к типичному и постоянному в жизни человека, когда пробуем раскрыть причины формирования его личностных качеств, в то время как не меньшее значение имеют отдельные события и поступки этого человека, которые в силу их событийного характера выпадают из поля нашего внимания. В результате поведение человека становится для нас неожиданным, непредсказуемым. В то же время во внутреннем мире были для этой неожиданности основания, оставленные отдельными событиями. Нам еще только предстоит осознать фундаментальную роль случая в развитии внутреннего мира. Законы в психологии должны формироваться не столько на определенности, сколько на *возможности*.

Второй закон, описывающий функционирование внутреннего мира, можно сформулировать так: «*Нельзя предсказать величину воздействия на*

внутренний мир любых возмущений начальных условий. Даже незначительные, казалось бы, события могут иметь большой отсроченный эффект. Случайно сказанное слово может остаться незамеченным, а может вызвать цепь размышлений, приводящих в движение весь внутренний мир человека. С обозначенных позиций внутренний мир человека следует отнести к *неустойчивым* системам. Это дает возможность при описании внутреннего мира использовать методы, используемые для изучения неустойчивых систем (Пригожин, 2000). Законы, описывающие неустойчивые системы, носят статистический характер.

Неустойчивость внутреннего мира имеет следствием не только непредсказуемость поведения человека, но и объясняет такое явление, как творчество и новации. Именно отсутствие жесткой детерминации порождает новые состояния и мысли.

Третий закон можно сформулировать так: «*Внутренний мир человека является самоорганизующейся системой*». Внутренний мир стремится в своей самоорганизации к устойчивому состоянию, которое характеризуется устранением чувства неопределенности и неудовлетворенности, стремлением перейти на стереотипные формы поведения. Последнее отражает передачу управления поведением с более высокого уровня (уровня сознания) на более низкий уровень (уровень бессознательного и подсознательного). Устойчивое состояние нарушается мотивацией и внешними воздействиями, часто ставящими новые задачи перед индивидуумом, которые нельзя ре-

шить с помощью отработанных форм поведения (стереотипов). В процессе самоорганизации у системы внутреннего мира остается много состояний «выбора», которые и проявляются в новациях и творчестве.

В качестве особого фактора, нарушающего внутреннее равновесие, выступает воздействие одного человека на другого. Внутренний мир, отраженный в мыслях и чувствах одного человека, воздействует на внутренний мир, мысли и чувства другого человека. В результате изменяется внутренний мир обоих взаимодействующих субъектов. С позиций самоорганизации становятся понятными попытки определить структуру внутреннего мира и уровня функционирования психики. Самоорганизация всегда проявляется в структурировании целого.

Четвертый закон характеризует необратимость состояний внутреннего мира. Он может быть сформулирован так: «*Во внутреннем мире нет эквивалентности между прошлым и будущим, между которыми стоит «настоящее»*». Развитие внутреннего мира отражает *стрелу времени* и характеризуется *необратимостью*. Человек никогда не может стать таким, каким он был, как бы он к этому ни стремился. С высказанных позиций нуждается в уточнении высказывание С.Л. Франка о невременности душевной жизни человека, который в любой момент времени может пережить любой момент своей жизни.

В своих воспоминаниях человек действительно может вернуться к определенным периодам и отдельным событиям своей жизни, но он не может

вернуться к внутреннему миру, характеризующему его в эти моменты, и воспоминание идет всегда с позиций настоящего внутреннего мира с соответствующими оценками и переживаниями. Утверждение Франка о том, что мы в мире знаний возвышаемся над временем и живем в вечности, представляет собой скорее образное выражение. Живем мы всегда в настоящем. Наше прошлое входит в наше настоящее преобразованным в процессах самоорганизации внутреннего мира. Прошлое же человечества включается через знания в наш внутренний мир, и мы можем его воспринимать только с позиций настоящего состояния нашего внутреннего мира. Такая трактовка знания делает во многом понятной его значение в текущем внутреннем мире. Это значение определяется личностным смыслом знания.

Индивидуальные проявления внутренней жизни

Проведенные исследования показывают, что внутренний мир человека индивидуален. Он определяется всем жизненным путем человека, его наследственностью, характером отношений с другими людьми, различными деятельностями, которые реализует человек, воспитанием и обучением (образованием).

Внутренний мир – саморазвивающийся, ведущий диалог с самим собой. Наиболее емко и адекватно внутренний мир отражается в понятии «душа» человека. Внутренний мир целостен, и в силу саморазвития его нельзя по-

знать полностью. Для субъекта, как и для внешнего наблюдателя, он всегда останется вещью в себе. Даже анализ всего жизненного пути, сколь подробно бы мы его ни проводили, не изменяет этого положения. Процедуры, применяющиеся в психоанализе, способны установить действие травмирующего фактора, но не позволяют раскрыть процесс становления внутреннего мира во всем его многообразии. Поэтому столь ясной становится необъяснимость и непредсказуемость поведения человека, которую отмечают многие психологи. В отдельные моменты жизни человек способен на взлеты самопожертвования и героизма, но он же способен и на безнравственные поступки.

Вместе с тем следует отметить и другую тенденцию: стремление к определенным фиксированным программам поведения, обеспечивающим минимизацию психических затрат³. Это наблюдается с акта построения движения (по Н.А. Бернштейну) до целостной деятельности, в которой автоматизируются все ее компоненты: информационная основа деятельности, планы и программы, процедуры принятия решения и исполнительных действий. Суть автоматизации заключается в том, что управление психическими процессами распределяется по раз-

³ Возможно в этом проявляется и действие архетипов. Первобытный человек жил в относительно стабильных условиях, к которым были приспособлены его жизненные стереотипы (программы поведения). Нарушение стабильности воспринималось как угроза.

личным уровням функционирования психики. То же самое наблюдается и в поведенческих актах. Устоявшиеся формы поведения, которые, как правило, относятся к типичным условиям, рассматриваются окружающими как *индивидуальные качества* конкретного человека. Эти качества могут касаться типичных форм отношения к другим людям, и самому себе; к эмоциональным характеристикам поведения; к интеллектуальным показателям, интересам, установкам и т.д. Важно подчеркнуть, что в индивидуальных качествах проявляются лишь *устойчивые формы* душевной жизни, характерные для типичных жизненных ситуаций.

В практических исследованиях устойчивые формы душевной жизни – личностные характеристики – определяют с помощью тестов.

Вопросы, содержащиеся в различного рода опросниках, адресуются обследуемому, и он дает ответы, характерные для его поведения в стандартных условиях (даже в том случае, когда не затрагивается моральная самооценка поведения). Но, как мы видели, стандартная ситуация не отражает всего многообразия внутреннего мира и факторов, связанных с душевной жизнью.

Как отмечает А. Анастаси, «в своем настоящем виде большинство личностных тестов следует рассматривать либо как средство для клинической оценки, либо как инструмент для исследования» (Анастаси, 1982, т. 2, с. 123).

В настоящее время число личностных тестов измеряется сотнями. Различия авторов в подходах к проектированию тестов проявляются в теоретических взглядах, формулировке, со-

ставе, отборе и группировке заданий, включаемых в тест. Эти подходы нельзя охарактеризовать ни как взаимозаменяемые, ни как взаимоисключающие. Они отражают взгляды авторов на личность, а еще точнее, на те аспекты целостного внутреннего мира человека, которые для них доступны в понимании и исследовании. Во многом выбор аспектов личности определяется практическими задачами, которые пробуют разрешить с помощью конкретных тестов.

«Душа как отражение мира и человека, – писал К. Юнг, – настолько многообразна, что существует бесконечное множество аспектов ее рассмотрения... Каждый выхватывает свой собственный фрагмент мира и сооружает для своего частного мира собственную частную же систему, зачастую с герметическими стенами» (Юнг, 1994, с. 111). Это чрезвычайно важное методологическое замечание. Все подходы к описанию личности, которые мы имеем в психологической науке, являются частными случаями, индивидуальными попытками описать внутренний мир человека. Описания эти настолько верно отражают душу человека, насколько тонко и точно их автор сумел выделить группы душевных факторов и характеризовать их. В основе любых описаний лежат эмпирические факты и, прежде всего, это содержание сознания. В разуме же нет ничего, чего бы не было ранее в чувствах.

Психолог должен ясно представлять себе, что сегодня нет единого подхода к описанию души, внутреннего мира человека. И это отсутствие од-

ной психологии личности не есть стремление разных ученых заявить о себе, а есть отражение реальной сложности проблемы. И чем глубже мы проникаем в проблему, тем с большими трудностями сталкиваемся.

Заключение

Обращение к внутреннему миру и внутренней жизни человека является ключевым моментом в понимании самого человека.

Рассматривая процесс формирования внутреннего мира, мы отмечаем, что исходным моментом выступают потребности ребенка и связанные с ними переживания. Ребенок переживает себя, свои потребности и состояния. Он выступает здесь еще как биологическое существо, как индивид. Одновременно подчеркнем, что истоки отношений ребенка с внешним миром заключены в самом ребенке. И в этом проявляется активное начало формирующегося внутреннего мира. В процессе опредмечивания потребностей и переживаний внешний мир присваивается ребенком в виде образов и знаний, формируется единство ребенка и внешнего мира. Формирующийся внутренний мир одновременно становится и миром внутренней жизни. Это живой внутренний мир, в основе которого лежат потребности и переживания человека. Переживания пронизывают все идеальные компоненты психической жизни, все содержание внутреннего мира человека. Внутренний мир человека представляет собой

мационную субстанцию, формирующуюся при жизни человека, на основе его индивидуальных природных качеств. Как мы уже отмечали ранее, эта потребностно-эмоционально-информационная субстанция может рассматриваться как душа человека. «Важно отметить, что то, что делается или совершается в душевной жизни, не делается ни с нами, ни нами, по той простой причине, что в душевной жизни как таковой, не существует отдельного “мы”, отличного от того, что делается. То, что делается в душевной жизни и есть мы сами» (Франк, 1997, с. 101).

Как было показано выше, внутренний мир человека отражает весь его жизненный путь, деятельности, которыми он овладел, поступки, которые совершил, весь внешний мир в его функциональном значении и личностном смысле. Но при этом на каждом этапе развития внутренний мир не теряет своей активности, своего творческого начала. Человек свободен поступать в любой момент своей жизни так, как его побуждает его внутренний мир, его потребности, чувства, переживания и мысли. В меру этой свободы он несет ответственность за свои поступки. Общество же оценивает его поступки по нормам морали и нравственности с учетом традиций и обычаев, социальных норм и законов, с учетом условий, в которых человек совершал тот или иной поступок. Нельзя объяснить поведение человека, исходя из внешних условий. Обладая свободой выбора, человек учитывает эти условия. Человек свободен в своих поступках. Эта свобода есть внешнее выражение его душевной жизни и в опре-

деленной мере отражение внутреннего мира человека. Но только в определенной мере, так как проявление внутреннего мира в различных условиях различно.

Сегодня становится ясно, что если не исходить из внутреннего мира чело-

века, то нельзя полноценно объяснить любое психическое явление и реальное поведение людей. Задача психологии заключается, прежде всего, в раскрытии закономерностей формирования и развития внутреннего мира и его проявлений в поведении.

Литература

Анастаси А. Психологическое тестирование. М.: Педагогика, 1982.

Дельгадо Х. Мозг и сознание. М.: Мир, 1971.

Прибрам К. Языки мозга. М.: Прогресс, 1975.

Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Москва-Ижевск, 2000.

Психология / Под ред. А.А. Смирнова (гл. ред.), А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и Б.М. Теплова. М.: Учпедгиз, 1956.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000.

Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997.

Челпанов Г.И. Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. М.: Институт психологии РАО, 1994.

Шадриков В.Д. Введение в психологию (эмоции и чувства). М., 2002.

Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс-Универс, 1994.

---

*Специальная тема выпуска:
Психология чужого*

Приглашенный редактор – Б. Шефер

**ВВЕДЕНИЕ: ПРОБЛЕМА ЧУЖДОГО И ЧУЖОГО
В ТРУДАХ НЕМЕЦКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГОВ**

Д.В. УШАКОВ

Ушаков Дмитрий Викторович, заместитель главного редактора журнала *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, редактор раздела *Специальная тема выпуска*, заведующий лабораторией Института психологии РАН, Первый вице-президент Евроталанта (Европейского комитета по образованию одаренных и талантливых детей), кандидат психологических наук.

В свое время Нобелевский лауреат Г. Саймон сказал, что красивое исследование включает два компонента – хорошую проблему и хорошие методы. Совместить эти компоненты очень сложно: хорошую, большую проблему трудно операционализировать, а хорошие, точные методы трудно применить к серьезной проблеме. Одна из областей психологии, где такое совмещение в последнее время все чаще удаётся и где рождаются красивые исследования, – это социальная психология.

Эту интеллектуальную красоту совмещения большой проблемы и точных методов мы видим в публикуемых ниже работах немецких ученых.

Большая проблема, которую они поднимают, это проблема чужого. «Свой-чужой» – это различие красной нитью проходит через нашу социальную жизнь. Мусульмане – христиане, москвичи – кавказцы, коммунисты – демократы – все эти различия имеют тенденцию к тому, чтобы люди, относящие себя к одной из частей этих

дихотомий, рассматривали представителей другой части как чужих.

Современный мир характеризуется возрастающей интеграцией (глобализацией), сопровождающейся перемешиванием людей различных этносов и вероисповеданий и, вместе с тем, усложнением взаимосвязей и поляризацией по многим жизненно важным вопросам. Эта интеграция и усложнение взаимосвязей оборачиваются сложным и запутанным делением людей на группы, а также полным эмоционального накала и трагических обстоятельств взаимодействием этих групп.

Социальная психология уже давно поняла важность проблемы деления на группы и сопутствующих им феноменов. Вслед за трактовкой этой проблемы в духе анализа реальных групповых противоречий пришел когнитивный подход Таджфела и Тернера. В этом подходе было открыто много любопытного, например феномен минимальной группы: ингрупповой фаворитизм возникает даже тогда, когда испытуемые делятся на группы по чисто формальному признаку – цвету бантика в петлице. Таджфел и Тернер разработали концепцию, согласно которой групповые явления – результат категоризации. Чтобы ориентироваться в мире, мы должны делить других людей на категории и относить себя к какой-либо из них, в результате чего мы приписываем себе те свойства, которыми наделяется наша категория. Дальше вступает в действие механизм поддержания самооценки: когда мы приписываем большую ценность свойствам, принадлежащим нашей

группе, по сравнению с другими, мы тем самым удовлетворяем свою потребность в поддержании благоприятного образа себя. Оказывается, по Таджфелу и Тернеру, что фаворитизм – это следствие не реальных противоречий групп, а нашей потребности в поддержании самооценки.

В рамках когнитивного подхода Таджфела и Тернера чужое может быть понято – как то, что относится к аутгруппе, то есть группе, от которой мы себя отделяем. Подход немецкой школы, возглавляемой Берндом Шефером, намного тоньше. Необходимо в первую очередь отметить два основных отличия. Во-первых, чужое рассматривается не как статичное явление, а как процесс. Во-вторых, в казалось бы монолитном явлении чужого выделяется целый спектр различных вариантов.

Здесь уместно одно филологическое замечание. Известна любовь немецких мыслителей к словотворчеству и игре слов в области научной терминологии – достаточно назвать Г. Гегеля или М. Хайдеггера. Эти возможности допускаются могучей словообразовательной системой немецкого языка. Что же касается нашей темы, то здесь происходит совсем другое. Кажется, что если бы Б. Шефер «русскому языку был искусен», он нашел бы в нем очень адекватное его мыслям различие: чужой – чуждый. Эти два слова не только однокоренные, но и близкие по смыслу, так что даже носители русского языка их порой путают. И все же эти слова различаются. Чужой человек это не то, что чуждый человек. Чужая мысль – не

обязательно чуждая. Слово чужой означает принадлежность кому-то другому, чуждый – несоответствие нам, нашему внутреннему стержню, нашим ценностям.

Концепция Б. Шефера основывается на той идее, что чужой – это понятие, находящееся вне различения «чуждый – близкий по духу, свой». Марсианин – классический образец, прототип чужого. Мы понятия не имеем о том, каковы марсиане. Но это не означает нашего плохого к ним отношения, аутистической дискриминации. Мы можем, с одной стороны, иметь настороженность по отношению к ним, а с другой – ожидать приятных сюрпризов. Это и есть амбивалентность, описываемая Шефером. По мере знакомства наше отношение к чуждому объекту, пройдя ряд сложных этапов, описываемых Б. Шефером, может стать отношением к чуждому, а может не стать.

На память приходит повесть А. Камю, название которой переводится на русский как «Чужой», или «Посторонний». Во французском оригинале стоит слово «L'étranger», первое значение которого – иностранец. Во французском и английском иностранец происходит от того же корня, что и странный (étranger – étrange, stranger – strange). Так же, как, кстати, и в русском: странный – это сторонний, находящийся в стороне. Иностранец происходит из иной, чуждой страны (стороны). И во всех трех языках слова происходят из одного корня: странный – strange – étrange.

В повести Камю чужой, или посторонний, погибает, вызвав ненависть

окружающих его людей. Б. Шефер стремится более дифференцированно рассмотреть этот вопрос. Очень важна еще одна мысль Б. Шефера: в определенный момент знакомства в чужом заключен огромный разрушительный потенциал для нашей самоидентичности. Чужое несет какие-то неизвестные ценности, к которым нам еще предстоит отнестись, а значит – поставить на карту свою идентичность. Фактически теория Б. Шефера говорит о тех процессах, которые происходят в личности при столкновении с новым, но новым не просто в плане техники, а в плане ценностей.

Современная психологическая теория, сколь бы последовательной и глобальной она ни была, обязательно должна допускать четкую операционализацию и процедуры экспериментальной проверки. Перед нами сложная гуманитарная теория, описывающая весьма тонкую материю – нюансы отношений людей. Мастерство исследователя заключается в том, чтобы перевести тонкость психологического описания в плоскость объективного анализа, оцифровать, «поверить алгеброй». Б. Шефер и его коллеги разработали целую серию хитроумных экспериментальных приемов, позволяющих проверять их теоретические построения. В текстах статей хорошо описаны экспериментальные методы и сложные процедуры статистической обработки, к которым прибегают немецкие исследователи.

Безусловно, представляемые здесь работы соответствуют самым высоким стандартам современного психологического исследования. Все же их

чтение не лишено трудностей. В предисловии к своей «Критике чистого разума» еще в XVIII веке И. Кант писал о «не утерянных еще традициях немецкой основательности». Эти традиции и сегодня не потеряны, что мы видим в обстоятельном и серьезном изложении исследований немецкими коллегами. Это безусловно составляет одну из сторон величия немецкой науки, однако она не делает легким ознакомление с трудами немецких ученых.

Кроме того, непростым является язык, поскольку немецкие термины далеко не всегда допускают однозначный перевод на русский.

Все же читатель, не пожалевший труда на то, чтобы вникнуть в публикуемые ниже статьи, несомненно обнаружит в них интеллектуальную красоту и несравненно большее богатство содержания, чем то, что удалось отразить в этом кратком введении.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВОСПРИЯТИЯ ЧУЖОГО: ИДЕНТИЧНОСТЬ, ЗНАНИЕ, АМБИВАЛЕНТНОСТЬ

Б. ШЕФЕР, М. СКАРАБИС, Б. ШЛЁДЕР

Бернд Шефер (Bernd Schäfer) – профессор психологии (full professor for psychology), работает в области социальной психологии в Институте психологии IV (Social Psychology, Personality Psychology, Organizational Psychology) при Вестфальском университете Вильгельма в г. Мюнстер, Германия (Westfälische Wilhelms-University). Он изучал психологию и социологию в университетах Вены, Бонна, Кельна и Праги с 1963 по 1968 г. Степень доктора философии (Ph.D.) получил в 1971 г. и занял полный профессорский пост в Мюнстере в 1976 г. после хабилитации в Бонне. В 2001 г. он получил звание почетного профессора в Государственном университете гуманитарных наук (Москва). Его основные интересы лежат в области социальных аттитюдов, стереотипов и предубеждений.

Мартин Скарабис (Martin Scarabis) – научный ассистент в группе проф. Шефера в Университете Мюнстера. Интересуется проблемой обработки социальной информации, амбивалентности отношений, автоматическими ассоциациями и скрытыми аттитюдами. Его исследования ассоциативных процессов и социального поведения поддержаны грантом Немецкого исследовательского общества. Совместно с другими внешними организациями он занимается приложением социально-психологических знаний к области исследования рынка, маркетинга и пищеобеспечивающего поведения. Мартин Скарабис получил диплом психолога в Университете Мюнстера в 1997 г., Ph.D. – в 2001 г. Он является членом Общества по изучению личности и социальной психологии.

Бернд Шлёдер (Bernd Schlöder) – социальный психолог, получил диплом психолога и степень доктора философии (Ph.D.) в Бонне за диссертацию последовательности теорий (consistency theories). Хабилитацию по теме ценности и изменения ценностей проходил в 1991 г., будучи ассистентом профессора Шефера в Университете Мюнстера. В 1991–1997 гг. был профессором-ассистентом на факультете психологии Мюнстера. Затем читал лекции в университетах Бонна, Дортмунда, Бохума по организационной и педагогической психологии. Проводит исследования в области социальных аттитюдов, ценностей, коммуникации, личностной идентичности. В настоящее время Бернд Шлёдер разрабатывает проект реформирования обучения в Университете Бонна.

Резюме

Восприятие чужого в современных социально-психологических исследованиях – новая тема. Основываясь на философском и социологическом подходах, Шефер и Шлёдер представили модель восприятия чужого (Schäfer, Schlöder, 1994).

В рамках этой концепции чужое понимается в контексте самопонимания и самоопределения (идентичности) воспринимающего человека или социальной структуры. В качестве главных компонентов идентичности рассматриваются предписывающие, то есть направляющие поведение компоненты собственного знания, которые, будучи связаны с социальными ценностями, относятся также и к потребности в признании.

Предполагается, что чужое сигнализирует об отклонении от главных аспектов идентичности человека и тем самым ставит под сомнение его собственную идентичность. Из-за недостатка информации и опыта контактов с чужим человеком индивид какое-то время не может решить, как следует понимать это отклонение – как благоприятный шанс или как опасность. В результате возникает амбивалентная реакция. Наряду с этой неосведомленностью в узком смысле в данной модели рассматриваются также последующие этапы восприятия чужого, которые, однако, приводят к возникновению других по качеству реакций (безразличия или негативного и позитивного отношения).

1. Проблема восприятия чужого в социальной психологии

Чужой человек и восприятие чужого – это тема, которой в классических областях исследования социальной психологии не уделяется должного внимания. Поэтому понятие чужого в психологии недостаточно разработано (Thomas, 1993a). Работы, которые можно отнести к традиции немецкой социологии, например, Зиммеля (Simmel, 1908) и Шютца (Schütz, 1944/1972), также едва ли оказали здесь свое стимулирующее воздействие. И, наоборот, во многих социально-научных и культурологических дисциплинах имеется множество публикаций, посвященных этому феномену. В качестве общей характери-

стики чужого из имеющейся литературы (ср. сборники Münkler, 1997; Schäffter, 1991; Wierlacher, 1993) можно почерпнуть следующее:

1. Чужое представляет собой *проблему ориентировки в новой ситуации*: ощущение чужого возникает тогда, когда не могут быть успешно применены испытанные способы интерпретации и поведения. Шютц (Schütz, 1944/1972) характеризует чужака как человека, «который ставит под сомнение чуть ли не все, что кажется близким и несомненным членам группы» (с. 59).

2. Чужое *относительно*: оно не является устойчивым свойством людей или объектов – это понятие относительное. Его можно понять только

с позиции того, кто его так характеризует, или, как полагает Шустер: «Оно в чрезвычайной степени зависит от системы координат, в которой определяется чужое, от перспективы, в которой оно рассматривается, от масштаба, который при этом закладывается» (Schuster, 1996, с. 207).

3. Чужое *нестабильно*: ощущение чужого варьирует в зависимости от опыта соприкосновения с предметом или человеком.

4. Чужое связано с аффективной *амбивалентностью*: оно «привлекает и пугает» одновременно. Как утверждает Шефтер, «все модусы переживания чужого крайне амбивалентны» (Schäffter, 1991, с. 24).

1.1. Основные моменты в социально-психологических исследованиях чужого

Проблема восприятия чужого имеет точки соприкосновения с психологией межкультурных различий, изучением аккультурации, социальной психологией предубеждений и стереотипов, а также с концепцией социальной репрезентации.

В психологии *межкультурных различий* (Thomas, 1993b) речь идет об изучении культурных условий, вследствие которых возникают проблемы ориентации в отношениях между «чужими» группами (например, между немцами и китайцами, американцами и японцами), и об устранении этих проблем посредством предоставления знаний и обучения соответствующим формам поведения. В сущности,

мы здесь имеем дело с феноменом чужого, обусловленным культурными причинами. Хотя на примере межкультурных исследований рассматривается стандартный случай восприятия чужого, имеющий, кроме того, значительную общественную релевантность, переживание чужого постичь здесь в полном объеме не удастся. Ограничения этого подхода связаны с тем, что здесь не проводится общий анализ предпосылок и последствий переживания чужого и в значительной степени оставляется без внимания то, что, несмотря на имеющиеся в распоряжении знания о людях или вещах, впервые созданных в собственной культуре, ощущения чужого могут сохраняться.

В работах, посвященных изучению *аккультурации* (Berry, 1980; Bourhis, Moise, Perreault, Senecal, 1997), освещаются проблемы ассимиляции и интеграции этнических и культурных групп, переселившихся в другие страны. Исследователи исходят из того, что аккультурация представляет собой своего рода стрессовую ситуацию, предполагающую необходимость нахождения стратегии ее преодоления. Предметом изучения здесь являются форма, предпосылки и последствия конкретных стратегий обеих сторон и их совместимость. Во многих работах рассматриваются связанные с аккультурацией установки немцев по отношению к туркам, полякам, итальянцам и т.д. и предпосылки возникновения позитивных или негативных установок. Почти все исследования проведены как корреляционные и поэтому мало пригодны для анализа причин-

но-следственных связей. Также и теоретические подходы к аккультурации до сих пор не представляют собой систему, которая позволила бы предсказывать возникновение тех или иных реакций.

Еще одним направлением исследований, в котором определенную роль играет проблема чужого, является *изучение стереотипов и предубеждений*. Функция стереотипов состоит в том, чтобы снабдить человека ожиданиями, объяснениями, оценками и предпочтениями в поведении. Благодаря этому стереотипы редуцируют ощущение чужого. То же самое относится и к предубеждениям. «В предубеждениях чужой человек или чужое становится доступным пониманию, конкретным и предсказуемым. Таким образом, чужой человек становится составной частью нашего мира» (Schäfer, Schlöder, 1994, с. 84). Эта идея связана с понятием *социальной репрезентации*, которое было введено в социальную психологию Московичи (Moscovici, 1973) (ср. Schlöder, 1988). Объектом исследований теории социальной репрезентации являются общие знания в разных группах людей. Переживание чужого представляет собой исходный пункт развития таких социальных репрезентаций (Moscovici, 1988, с. 234). Хотя понятие чужого здесь систематически не разрабатывается, из рассуждений Московичи можно заключить, что переживание чужого присуще всем сообществам. Речь идет о фактах и событиях, которые вначале не доступны обсуждению и оценке (например новые технологии, такие, как Интер-

нет). С точки зрения понимания чужого и формы его анализа этот подход в целом близок концепции чужого, разрабатываемой Шефером и Шлёдером. Правда, поскольку в данном случае анализ относится к сообществам, то значение здесь имеют не столько индивидуальные позиции, сколько общественные реакции.

Помимо этих общих моментов, существуют отдельные социально-психологические работы, относящиеся непосредственно к восприятию чужого (Bornewasser, 1995; Graumann, 1997; Mummendey, 1993). В них используются подходы к описанию частных аспектов чужого (например, системно-теоретические рассуждения или концепции из области исследования взаимодействия между группами), однако само переживание чужого не объясняется.

1.2. Ступенчатая модель восприятия чужого Шефера и Шлёдера

В своей концепции чужого Шефер и Шлёдер пытаются учесть особенности восприятия чужого человека и предсказать реакции на конкретные ситуации общения с ним (Schäfer, Schlöder 1994; Schäfer, 1993; 1998). Эта концепция помогает, например, объяснить повседневный опыт, что одни чужие люди и группы людей вызывают симпатию, а другие – антипатию, причем в худшем случае дело доходит до насилия. Данная модель представляет собой интегративную модель восприятия чужого, в которой

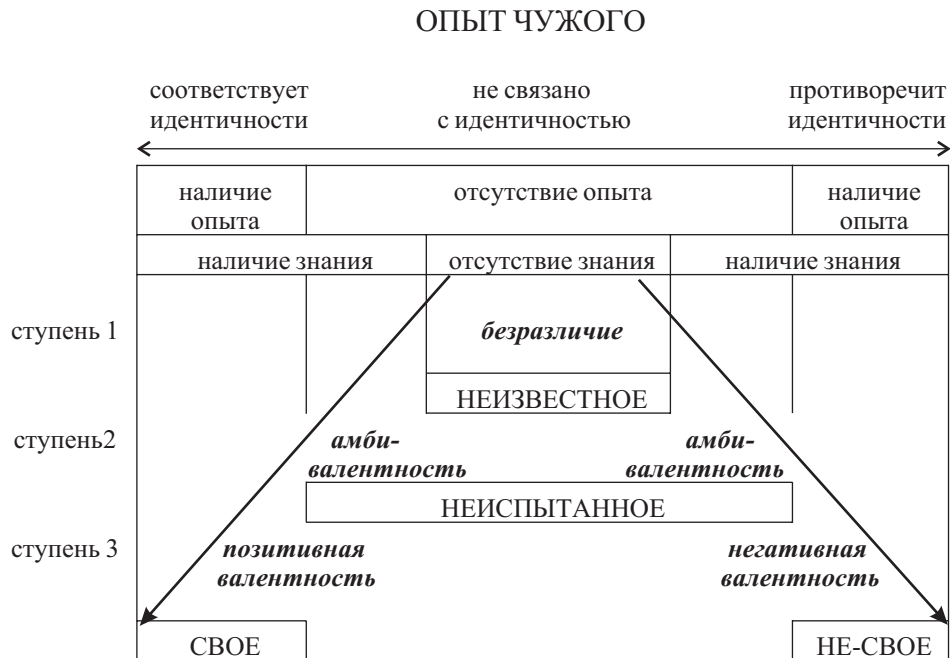

Рис. 1. Ступенчатая модель этапов восприятия чужого

учитываются, объясняются и связываются между собой вышеупомянутые характеристики чужого. Рис. 1 иллюстрирует ступенчатую модель восприятия чужого.

Используя понятия соответствия или несоответствия чужого идентичности, «неизвестного», «неиспытанного» и «своего/не своего», модель рассматривает три значения слова «чужой», которые встречаются как в научной литературе, так и в обыденной речи. Они рассматриваются в дальнейшем, после чего более подробно поясняется понятие чужого, характеризующееся соотношением трех переменных величин (знания, опыта, отношения к идентичности).

Чужое как неизвестное

Прежде всего, под чужим понимается все, что является неизвестным. Чужое – это *неизвестное*. Так, например, Михельс пишет: «Чужое – это репрезентант неизвестного. Неизвестное связано с отсутствием ассоциаций и содержит в себе зачатки антипатии» (Michels, 1925/1968, с. 303). Здесь выражено широко распространенное предположение о существовании антипатии к неизвестному (ср. также социобиологические подходы к объяснению нетерпимости, Baldwin, 1998, с. 26–32). В отличие от этой позиции Шефер и Шлёдер в качестве типичной формы реакции на неизвестное ожидают не не-

гативный аффект (антипатию), а безразличие (см. рис. 1, ступень 1).

Чужое как неопытное

На второй ступени восприятия чужого находится *неопытное* (рис. 1, ступень 2). Явления, о которых у человека имеются знания, но которые им не освоены, тоже могут восприниматься как чужие (Münkler, 1997; Nassehi, 1995). Хотя в этом случае свойства и формы поведения постороннего объекта известны, однако в конкретных условиях они не испытаны и не пережиты.

На уровнях неизвестного и неопытного чужое, в сущности, определяется как (пока еще) не вошедшее в знания человека и как (пока еще) не приобретенный опыт. Ощущение чужого в этом смысле может исчезнуть благодаря приобретению нового знания и нового опыта и является временным.

Чужое как «не свое»

Третье значение понятия чужого выявляется при более детальном рассмотрении аспекта отнесенности чужого к самому индивиду. В данной модели оно обозначается как *не свое*, или чужое. «Не свое» отличается по качеству от неизвестного и плохо знакомого тем, что оно имеет отношение к главным особенностям человека, которые можно обозначить как «свое». Подобного отношения в первых двух случаях нет, или же из-за недостатка знания и недостатка опыта оно не воспринимается. На этом значении чужо-

го в классическом анализе делал акцент Георг Зиммель (Simmel, 1908). «Не свое» можно определить как несоответствие главным особенностям самого человека. Поэтому восприятие «не своего» связано с отрицательной валентностью, то есть сопровождается негативной реакцией, а восприятие «своего» – с положительной (рис. 1, ступень 3).

Чужое как угроза идентичности

Особая проблематика восприятия чужого возникает в результате определенной констелляции трех переменных – неизвестного, освоенного и отношения к «своему». Чужое в более специфическом и узком смысле как просто неизвестное и неопытное означает, что данное положение вещей пока воспринимается как «свое», но процесс познания еще не продвинулся настолько далеко, чтобы «другой» был бы провозглашен «своим». Это состояние обозначается как *угроза идентичности*, связанная с противоречивыми чувствами. Шефер (Schäfer, 1998) утверждает:

«Угроза идентичности означает, что существует состояние неопределенности, независимо от того, соответствуют ли (потенциально) притязания чужака меркам и нормам воспринимающего человека или им противоречат. Чужое связано с неопределенностью, причем не важно, означает ли оно благоприятные возможности или угрозу для собственной идентичности. Следовательно, восприятие чужого основывается на специфиче-

ской взаимосвязи переменных известности, испытанности и соответствия или несоответствия идентичности» (с. 380).

Сходное понятие чужого использует Бауманн. Он понимает чужака как человека, который выпадает из привычного разделения на друзей и врагов по причине своей непонятности и временно выступает в роли того, о ком пока судить невозможно (Baumann, 1998, с. 25).

В ходе дальнейшего общения с другим человеком могут быть получены дополнительные сведения или возникнуть переживания, которые будут соответствовать или не соответствовать идентичности, то есть характеристикам, приписываемым собственному «я», и будут иметь четкую положительную или отрицательную валентность. Решающим фактором для приобретения социальными отношениями эмоциональной окраски является, следовательно, то, что хотя бы один человек чувствует, что нечто свое «задето» другим человеком. Как это происходит, обсуждается в дальнейшем. Но сначала понятия «своего» и «не своего» следует более подробно характеризовать через их отношение к личной и социальной идентичности и ввести в теоретическую систему понятий.

2. Идентичность как характерная совокупность предписывающих представлений

Идентичность – это центральный момент в проблеме чужого. В концеп-

ции Шефера и Шлёдера (Schäfer, Schlöder, 1994) – как и в других концепциях идентичности (например, Aboud, 1979; Breakwell, 1986), – хотя и придается определенное значение самоопределению, или самосознанию, вследствие разграничения того, что человек считает своим и чужим, тем не менее, эти понятия не играют такой важной роли, как в других подходах (Tajfel, Turner, 1986). В связи с вопросом о национальной идентичности Шефер и Шлёдер выделяют два важных компонента знания человека о самом себе:

«Ориентирующее знание [...] – это знание, оценка, суждение о социальных данностях; оно служит действующему человеку для выбора линии поведения. Его функция состоит в структурировании внешнего мира с точки зрения поведения, и, следовательно, оно связано с намерениями, целями и ценностями действующего человека» (Schäfer, Schlöder, 1990, с. 317, курсив авторов).

«Самоопределение происходит в результате того, что человек или коллектив связывает себя определенными ценностными ориентациями и тем самым берет на себя обязательства, причем такое взятие на себя обязательств может происходить в той или иной степени сознательно или спонтанно» (там же, с. 318, курсив авторов).

Соответственно, в качестве важной характеристики, образующей идентичность, выступают *ценности*.

2.1. Ценности и стандарты идентичности как основа социальной ориентации

Вышеупомянутые характеристики ориентирующего знания и самоопределения, данные Шефером и Шлёдером (Schäfer, Schlöder, 1990), имеют непосредственное отношение к классическому анализу Клюкхона (Kluckhohn, 1954). Клюкхон определяет ценности следующим образом: «*Ценность – это концепция, явная или скрытая, являющаяся отличительной особенностью индивида или характеристикой группы, которая влияет на выбор доступных способов, средств и форм поведения*» (с. 395, курсив наш). Вслед за Грауманном и Виллигом (Graumann, Willig, 1983), Олпортом (Allport, 1955), Р. Г. Тернером (Turner, 1968), Оссорио и Дэвисом (Ossorio, Davis, 1968), а также Хабермасом (Habermas, 1976), ценностям приписывается функция обеспечения идентичности. Основной вопрос, который нас здесь интересует, это то, насколько такие концепции принятых ценностей могут рассматриваться в качестве главных характеристик идентичности, обеспечивающих основу для *социальной ориентации и самоопределения*. Более подробные и вместе с тем тщательные описания социальных ценностей можно найти, например, в теоретических работах Лаутманна (Lautmann, 1969) и Шлёдера (Schlöder, 1993), а также в обзорной статье Грауманна и Виллига (Graumann, Willig, 1983).

Констатируя, что ценности влияют на выбор способов, средств и целей

поведения, Клюкхон (Kluckhohn, 1954) подчеркивает этим функцию ценностей, которая заключается в мотивировании поведения и структурировании действий. Сначала кажется непонятным, каким образом абстрактное «представление о желаемых ценностях» может обеспечивать конкретную ориентацию поведения. Подобно тому, как научные конструкты в процессе операционализации становятся доступными наблюдению, здесь нужно исходить из того, что на более конкретном уровне, чем уровень ценностей как таковых, должны существовать представления о том, каким образом следует действовать в соответствии с желаемыми ценностями, а какое поведение ценности не соответствует. На этот момент обращает внимание Моррис (Morris, 1956), разделяя ценности на *оперативные* и *представляемые*. Грауманн и Виллиг также считают, «что ценности только тогда могут выполнять мотивирующую и регулирующую поведение функцию, когда они символически представлены в конкретной, сознательно воспринимаемой ситуации в конкретизированной форме» (Graumann, Willig, 1983, с. 354). Из различных психологических теорий поведения известно, что хотя люди обладают общими представлениями о том, к каким конечным состояниям они стремятся, тем не менее эти представления нуждаются в конкретизации, чтобы иметь возможность регулировать реальное поведение (см. обзор Gollwitzer, Bargh, 1996; Pervin, 1989; Martin, Tesser, 1996). Эту проблему Брендл и Хиггинс пытаются очертить с помощью понятий *высоко-*

и низкоидентичных целей (Brendl, Higgins, 1996). Ценности как представления о желаемом можно также понимать как общие целевые состояния (Kluckhohn, 1954; Rokeach, 1973), из которых вытекают более конкретные цели, относящиеся к поведению (Maio, Olson, 2000), или определяется валентность альтернатив поведения (Feather, 1990; 1995; Lewin, 1963). Например, ценность «справедливость» может выражаться в различных формах поведения. Если принцип потребности в справедливом распределении гласит, что каждый человек должен зарабатывать по своим потребностям, то принцип равенства требует, чтобы все люди получали одинаково много, а принцип личного вклада – чтобы всем воздавалось по их труду. Это *дедуктивное* заключение Шлёдер описывает как форму обоснования ценностных суждений (Schlöder, 1993).

Такие ценностные суждения, выведенные из общепризнанных принципов, являются *стандартами идентичности*. Они характеризуют *относящиеся к главным ценностям человека, структурирующим поведение, ситуационно специфические мерки мышления, суждения и поведения, которые определяют идентичность*. Таким образом, описанные Томасом культурные стандарты следует понимать как частный случай стандартов идентичности, так как они характеризуют масштабы культурной идентичности (Thomas, 1993a; 1996). Поскольку такие стандарты относятся к ценностям, которые формируют идентичность человека как индивида или как части общества и служат критериями пове-

дения, ориентированного на ценности, они воспринимаются как обязывающие («обязанность через убеждение», Schlöder, 1993, с. 108).

Из-за того, что стандарты идентичности связаны с потребностью в признании, они называются *предписывающими* и тем самым отграничиваются от *описательных* аспектов, которые не связаны с притязанием на признание. Такое высказывание, как «общественное равенство женщины и мужчины предполагает, что при предоставлении рабочих мест претендентам женского пола должно отдаваться предпочтение», выражает обязывающее требование. И наоборот, такое высказывание, как «моим детям восемь и двенадцать лет», имеет чисто описательный характер. Понятия «описательный» и «предписывающий» в этом значении иногда встречаются в философии (например, Hare, 1972), но лишь в редких случаях их можно обнаружить в психологических концепциях. Чайлдини, Рено и Каллгрэн (Cialdini, Reno, Kallgren, 1990), введя понятия «описательный» и «инъюнктивный» (они предпочитают этот термин понятию «предписывающий»), выделяют два аспекта значения норм (ср. также Minihoва, 1998). Понятие «описательный» они используют в таких случаях, в которых норма обозначает «среднюю величину» человеческого поведения (*norms of is*), тогда как под «инъюнктивными» они понимают такие нормы, которые обязывают (*norms of ought*). Роквич разделяет описательные, оценочные и предписывающие убеждения (Rokeach, 1973; 1975). Описательные убеждения – те, которые можно

верифицировать или фальсифицировать, тогда как оценочные убеждения выражают суждение «хорошо» или «плохо», а предписывающие убеждения указывают на состояние оценивания с точки зрения желаний человека (по существу, такие убеждения выступают как ценности). Физер использует те же понятия, рассматривая (связанную с половыми ролями) «Я»-концепцию (Feather, 1984). Предписывающими являются такие признаки, которые связаны с компонентами долженствования. Это означает, что не все оценочные суждения являются предписывающими – они могут быть и просто описательными, если имеют для идентичности человека несущественное значение, в частности, если они являются выражением субъективных предпочтений, которые не основываются на более общих ценностных ориентациях (например: «Мне больше нравится красное вино по сравнению с белым»). Подобное разграничение суждений по критерию их отнесенности к ценностям известно из так называемых теорий *функциональных, ценностно-экспрессивных и утилитарных установок* (Katz, 1960; Smith, Bruner, White, 1956; Snyder, De Bono, 1989) и, соответственно, *символических и инструментальных установок* (Abelson, Prentice, 1989; Herek, 1986; 1987). Стандарты идентичности – в отличие от предпочтений, основанных на сиюминутных интересах или потребностях, – основываются на общих ценностях (см. работы Шлёдера и Цанны, в которых рассматриваются *обоснование цели и средства*, а также *обоснование ценностей* (Schlöder, 1993; Zanna,

1988; 1994)). Они ситуационно специфичны, поскольку их значимость проистекает из связи с ценностями, а не представляет собой следствие сиюминутного настроения или неудовлетворенной потребности.

Дифференциация ценностей и стандартов встречается также на операциональном уровне. Если при заполнении опросников ценностей (например, Rokeach, 1973) испытуемых просят расположить ценности по степени важности или указать их значение по рейтингу (Braithwaite, Law, 1985; Schwartz, 1996), то иногда отдельные ценности репрезентируются различными утверждениями (Feldman, 1988; Harding, Philips, 1986; Katz, Hass, 1988; Mellema, Bassili, 1995; Rettig, Pasamanick, 1959). Фельдман обосновывает этот подход следующим образом: «[...] Ценности всегда связаны с совокупностью убеждений, соединяющих их с социальными правилами» (с. 421). Это наглядно представлено на рис. 2, иллюстрирующем представление Катца и Хесса.

Вышеприведенный пример показывает, что в стандартах идентичности специфицируются не только идеальные, но и материальные цели и выводы («богатые нации имеют моральную обязанность делиться с более бедными странами»). Поскольку обладание материальными благами понимается как выражение осуществления релевантных идентичности ценностей (например, право на одежду, жилье, средства существования), речь идет о требованиях, которые также относятся к предписываемому компоненту личной или социальной идентичности (ср.

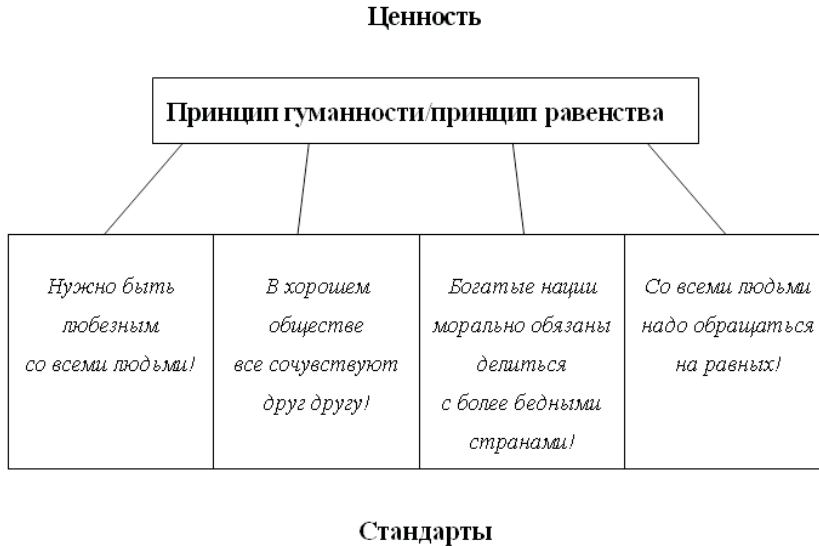

Рис. 2. Соотношение ценностей и стандартов идентичности (по: Katz, Nass, 1988)

также понятие *ценностных ожиданий*¹ у Гурра – Gurr, 1970). От них необходимо отличать такие данности, которые хотя тоже имеют материальный характер, однако из-за отсутствия отношения к ценностям не воспринимаются как обязывающие, например, интересы, мотивированные чисто финансово. Так, учащиеся, вероятно, будут воспринимать умеренные взносы в больничную кассу как требование, являющееся выражением их права на получение врачебной помощи, тогда как поход в кино будет восприниматься ими как нечто приятное, но не как обязательное. Стандарты идентичности,

¹ «Ценностные ожидания – это вещи и условия жизни, по поводу которых люди считают, что они правильно названы» (Gurr, 1970, с. 24).

проясняющие идеальное значение ценностей, здесь называются *идеально-символическими*; стандарты идентичности, проясняющие материальное значение ценностей, называются *материально-экономическими*.

Поскольку в стандартах идентичности содержатся материальные аспекты, они имеют существенное значение для «Я»-концепции. Это подчеркивалось еще Джемсом, который проводил понятийное различие между *социальным «Я»*, *духовным «Я»*, *чистым Эго* и *материальным «Я»*² (James, 1890/1950, с. 292) (см. также Cantril, 1947, 117).

² К материальному «Я» Джемс причисляет тело самого человека, его одежду, семью, дом, а также различное имущество, в том числе относящееся к духовной жизни.

На этой же основе приводит свои аргументы Белк: «...Ключ к пониманию того, что означает собственность, состоит в том, что [...] мы относимся к нашей собственности как к части нас самих» (Belk, 1988; 1991, с. 139). Он обсуждает роль личной собственности как выражение собственной идентичности и, кроме того, дифференцирует по содержанию, какие виды собственности особым образом выполняют эту функцию. Аналогичную позицию отстаивают Абельсон и Прентис, придерживающиеся функционалистских концепций установок (Abelson, Prentice, 1989; Prentice, Carlsmith, 2000). В этой связи, в частности, интересна их мысль о соответствии убеждений и предметов собственности («убеждения сродни собственности»). На образующую идентичность функцию собственности указывает также Хан (Hahn, 1997).

В рассуждениях подобного рода часто на переднем плане стоит аспект объектов, называемый Хаублом (Hauubl, 2000) *коммуникативным*, то есть вопрос о том, что именно тот или иной предмет говорит о его владельце (см. также Csikszentmihalyi, Rochberg-Halton, 1989; Grewal, Mehta, Kardes, 2000; Wicklund, Gollwitzer, 1985). Согласно разработанной здесь концепции идентичности, подобные предметы, напротив, нужно причислять к собственности в феноменологическом смысле; их идеальное распределение и обладание могут обосновываться с точки зрения общепризнанных ценностей. Этот аспект Хаубл называет *регулятивным*. Например, в Германии владение оружием предполагает разрешение со стороны властей. Люди, не имеющие ли-

цензии на владение оружием и приобретение боеприпасов, не имеют права им владеть. И, наоборот, в США право на владение стрелковым оружием считается выражением основного права.

Регулятивные и коммуникативные аспекты стандартов идентичности служат ориентации людей в социальном мире. В дальнейшем будет конкретизировано второе понятие, используемое Шефером и Шлёдером (Schäfer, Schlöder, 1990), – самоопределение.

2.2. Ценности и стандарты идентичности как основа самоопределения

Согласно Клюкхону, ценности характеризуют индивидов или социальные сообщества (Kluckhohn, 1954). Бабад, Бирнбаум и Бенне утверждают: «Человека *определяют* биосоциальные свойства, но он *определяет себя* посредством ценностной ориентации [...]» (Babad, Birnbaum, Benne, 1983, с. 229, курсив авторов). Идея о том, что и социальные группы, и индивиды могут отличаться своими ценностными представлениями, встречается и в психологических исследованиях ценностей. Так, например, Херрманн описывает ценности как «различные у разных людей, относительно стабильные предпочтения индивидуальных оценок» (Herrmann, 1982, с. 35). Аспект групповой специфичности ценностей рассматривается в работах, посвященных сравнительному изучению культур (Hofstede, 1980; Schwartz, Bilsky, 1987; Triandis, 1995). С точки зрения отдельных авторов он даже является

основополагающим для объяснения понятия культуры (Parsons, Shills, 1954; Nunner-Winkler, 1997).

Ценности понимаются как центральный параметр при описании межличностных и социальных различий прежде всего потому, что они не признаются или не принимаются всеми людьми или культурами в равной степени. Этот аспект определяется понятием *ценности, релевантной идентичности*. Его можно понимать в двух значениях. Людей можно классифицировать как похожих или различающихся, основываясь на их индивидуальных ценностных приоритетах, независимо от их принадлежности к социальным сообществам. Эта гипотеза, относящаяся прежде всего к области дифференциальной психологии, означает, что только определенные ценности из совокупности всевозможных ценностных ориентаций людей принимаются в качестве главных руководящих принципов жизни (индивидуальная ценностная центральность). Анализ ценностей с точки зрения их значения для процессов интеракции и коммуникации в социальных сообществах (идентичность в социальном смысле) присущ, скорее, социально-психологическому подходу. По аналогии с этим разграничением Шлёдер обсуждает социальный параметр ценностей, а также отношение ценностей к личности или к «Я»-концепции индивидов (Schlöder, 1993; 1995). Из его анализа вытекает, что обе точки зрения нельзя строго отделить друг от друга – они соотносятся между собой в динамическом смысле.

Однако для людей или социальных образований ценности могут быть ха-

рактерными также и на уровне стандартов идентичности. Даже тогда, когда два человека, заполняя опросник, отдадут предпочтение ценности справедливости по сравнению с другими ценностями, они могут обладать различными стандартами. Шлёдер говорит также об индивидуализации ценностей (Schlöder, 1993), а Клюкхон – об *идиосинкратических ценностях* (Kluckhohn, 1954). Лупфер, Уикс, Доан и Хьюстон показали, что в научных концепциях справедливости эксплицитные стандарты, которые могут считаться объективированными общественным знанием, играют определенную роль в повседневных суждениях обычных людей и даже используются в применении к конкретной ситуации (Lupfer, Weeks, Doan, Houston, 2000). То же самое относится к социальным образованиям: права человека как канон обязывающих ценностей государства в отдельных государственных конституциях истолковываются по-разному. Причина этого заключается в том, что в случае вышеописанного выведения стандартов идентичности из ценностей речь идет не о формально-логической дедукции, а об истолковании, основывающемся на историческом развитии общества и, соответственно, на личном жизненном опыте человека (Nunner-Winkler, 1997, с. 392; Lantermann, 1998).

Согласно этим представлениям, индивиды и социальные группы приобретают идентичность, во-первых, благодаря избирательной позитивной позиции по отношению к желательным ценностям (ценностям, релевантным идентичности) и, во-вторых, благодаря обусловленному жизненными со-

бытиями и биографией истолкованию и соответствующей конкретизации абстрактных ценностных представлений (стандарты идентичности).

Подытоживая, можно констатировать, что в соответствии с представленным пониманием идентичности разграничение между личной и социальной идентичностью, имеющее фундаментальное значение для теории социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1986), здесь имеет подчиненное значение, а относящееся к «я» человека знание критериев можно дифференцировать как описательное и предписывающее, а также как относящееся и к материально-экономической стороне жизни, и к идеально-символической. В этом контексте понятие идентичности можно охарактеризовать следующим образом:

Ядром идентичности является относящееся к самому человеку знание, которое в связи с релевантными идентичности ценностями приобретает предписывающий характер. Идентичность человека или социального образования определяется специфической совокупностью идеально-символических и материально-экономических стандартов идентичности. Наряду с этими главными компонентами идентичности (ценностями и стандартами) личное или социальное «я» содержит также описательные, периферические компоненты, которые характеризуются тем, что хотя они и воспринимаются как относящиеся к «я», тем не менее, не имеют отношения к ценностям и поэтому не имеют «характера долженствования».

3. Расхождение с идентичностью и дефицит знания как детерминанты угрозы идентичности

Как уже отмечалось, чужое как угроза идентичности предполагает, что собственные стандарты идентичности ставятся под сомнение чужим явлением или человеком, и вследствие недостатка знания возникает ощущение неопределенности. Эту чуждость можно обсуждать с точки зрения предписывающих представлений. Оба важных аспекта – противопоставление идентичности и знание – нельзя рассматривать отдельно друг от друга. Поэтому в дальнейшем они будут обсуждаться во взаимосвязи.

3.1. Расхождение с идентичностью

Расхождения с идентичностью связаны со стандартами идентичности. Ценности проявляются в виде ценностных суждений в поведении и в этом качестве воспринимаются также и у других людей. Самой общей форме расхождения со стандартами идентичности соответствуют следующие высказывания: человек А утверждает: «Смертная казнь – это хорошо», человек Б утверждает: «Смертная казнь – это плохо». В данном случае непонятно, на чем основываются эти суждения. В целом можно только говорить о совпадении и расхождении с идентичностью. Здесь имеет место несовместимость в том смысле, что оба высказывания не могут быть одновременно верными. Согласно Бар-Талю и Гева, этот случай следует рассматри-

вать в качестве важной причины социальных конфликтов между людьми (Bar-Tal, Geva, 1986). Угрозы идентичности в смысле не проясненной взаимосвязи ценностей со стандартами идентичности здесь ожидать нельзя. Дифференциация на неясное и однозначное, позитивное или негативное расхождение с идентичностью возможны только при более специфических ценностных суждениях.

Ценностные суждения и связанные с ценностями установки, как правило, не только выражаются, но и обосновываются, то есть не только утверждается, что некие мероприятия или объекты хороши или плохи, но, кроме того, указывается, по каким меркам делается такая оценка (Schlöder, 1993). Кроме того, в полемике между людьми, оценивающими социальные события, часто можно наблюдать, что один человек обосновывает свое согласие тем, что обсуждаемый факт обнаруживает позитивную связь с определенной ценностью и поэтому трактуется позитивно (например, *смертная казнь оправдана*), однако другой человек не высказывает совершенно противоположную мысль, а в своем суждении скорее ссылается на другую ценность или стандарт (например, *смертная казнь негуманна*). Расхождение заключается здесь не в том, что используются разные понятия *ценности*, а в том, что обсуждаемый факт относят к «диапазону действия» (Lautmann, 1969) *разных* ценностей. В этом состоит главное предположение *теории обоснования ценностей* (Eiser, 1987; Kristiansen, Matheson, 1990; Kristiansen, Zanna, 1988; 1994). В приведенном примере

точка зрения других людей может непосредственно отвергаться как неприемлемая, если уже стало ясно, что, например, при оценке смертной казни в основу суждения была положена ценность «справедливость», но не ценность «человечность». Здесь при оценке не принимается в расчет ценность, релевантная идентичности, которая в соответствии с собственными предписывающими представлениями, безусловно, должна лежать в основе этой оценки. Вместо этого в основу кладется ценность, которая, согласно собственным предписывающим представлениям, в этом случае не должна приниматься в расчет. В соответствии с концепцией чужого в данном случае следует исходить из того, что «другое» причисляется к области «не своего» и поэтому оценивается негативно. Этот аспект становится еще более понятным, если он, как будет сделано далее, рассматривается с точки зрения содержания и структуры знания о людях и группах.

3.2. Знание о людях и группах

В модели восприятия чужого знание о чужих людях, группах или данностях дифференцируется по разным критериям (количественный: известность и испытанность; качественный: описательное знание или предписывающее). Кроме того, знания об индивидах и группах людей могут относиться к самым разным содержательным аспектам. В табл. 1 представлены работы разных авторов, в которых рассматриваются соответствующие аспекты данной проблемы.

Таблица 1. Категории знания о чужом человеке

	Категория и описание	Соответствие
1.	Характеристика явления Знание о непосредственно воспринимаемых особенностях других людей, например, цвет волос, цвет глаз, цвет кожи, фигура, одежда, язык и т.д.	Физические и биологические характеристики (Park, 1986); физическая информация (Prentice, 1990); внешний вид (van Dijk, 1987) физические признаки (Milhabet, Monteil, 1995); комплекция, черты лица, язык (Mullen, Rozell & Johnson, 2000)
2.	Демографические сведения Знание имени, происхождения, статуса, вероисповедания, отношений с другими людьми...	Демографическая информация (Park, 1986; Prentice, 1990); происхождение (van Dijk, 1987); социальное положение (Milhabet, Monteil, 1995)
3.	Формы поведения Знание о поведении другого человека	Манеры поведения и членство в организациях (Park, 1986); манеры поведения (Prentice, 1990, Milhabet & Monteil, 1995)
4.	Представления и убеждения Знание о ценностях, стандартах, нормах, установках, целях другого человека	Установки, чувства, убеждения (Park, 1986); частная информация (Prentice, 1990); социокультурные качества (van Dijk, 1987); символические убеждения (Bell, Esses, Maio, 1996); групповые убеждения (Bar-Tal, 1990, 1998); знания о культуре (Stephan, Stephan, 1985)

При выявлении угрозы идентичности важную роль играют такие знания, которые вызывают непосредственную оценку объекта как соответствующего идентичности (своего) или не соответствующего ей (не своего). Эти знания препятствуют появлению чувства неуверенности, характерного для ощущения угрозы идентичности. Сюда прежде всего следует отнести знания, приведенные в табл. 1 под пунктом 4 в качестве *представлений и убеждений*. Например, Эссес, Хэддок и Занна определяют «символические убеждения» следующим образом: «Это убеждения в том, что социальные группы нарушают или поддерживают тщательно оберегаемые ценности и нормы» (Esses, Haddock, Zanna, 1993, с. 139).

В ряде работ удалось показать, что воспринимаемые отклонения от собственных ценностей (Biernat, Vescio, Theno, 1996; Schwartz, 1996), норм (De Ridder, Tripathi, 1992), мировоззрений (Greenberg, Solomon, Pyszczynski, 1997) или убеждений (Rokeach, Evans Smith, 1960), как правило, ведут к негативным реакциям и оценкам, тогда как сходство в целом (Byrne, 1969), особенно тогда, когда оно относится к ценностям (Lea, 1982), ведет к появлению симпатии. В согласии с этими данными находится «модель плюрализма ценностей» (Tetlock et al., 1996; Fiske, Tetlock, 1997) и теория структуры систем убеждений Рокича (Rokeach, 1960), где в качестве главного компонента выделены ценности в

форме предписывающих убеждений. Показано, что люди располагают не только представлениями о желаемых ценностях, о том, что правильно и приемлемо (*beliefs*), но и убеждениями, какие вещи ошибочны и должны быть отвергнуты (*disbeliefs*). Это разграничение встречается также в определении ценностей: «Ценность – это стойкая вера в то, что определенная форма поведения или конечное состояние существования в личном или социальном плане является *предпочтительным по сравнению с противоположной формой* поведения или конечным состоянием существования» (Rokeach, 1973, с. 5, курсив автора; ср. также различие между *целями сближения и избегания* в работе Emmons, Kaiser, 1996). Также и стандарты идентичности указывают не только на то, какие цели нужно преследовать и каким образом, но и на то, какие цели и способы действия не соответствуют собственной идентичности («не свое»). Основываясь на теории систем убеждения Рокича (Rokeach, 1960), можно утверждать, что у человека уже имеются в распоряжении различные представления в виде «beliefs» или «disbeliefs». Согласно Фиске и Тетлоку, люди могут опираться на «правила исполнения» для выбора определенных стандартов (Fiske, Tetlock, 1997). Таким образом, появляется «иммунитет» в отношении отклоняющихся представлений, которые расцениваются как ошибочные. Это означает, что даже тогда, когда описательные знания, относящиеся к категориям, приведенным в табл. 1 (*характеристики явления, демографические сведения и*

формы поведения), скудны или вообще отсутствуют, то есть по многим аспектам имеется неизвестность или плохое знакомство, то это не будет вызывать сомнения в идентичности, если в действие вступают *представления и убеждения*, непосредственно указывающие, что это «не свое».

Следовательно, аспект недостаточного знания должен относиться к главным стандартам оценки другого человека, значимой для ощущения идентичности. Аналогичная мысль вытекает из работ, посвященных влиянию социальных меньшинств (к которым часто можно причислить чужаков). Так, например, Московичи пишет: «[...] оно [меньшинство] вводит совершенно новые аспекты проблемы или объекта и ставит под сомнение существующие ценности, тем самым нарушая внутреннюю (межиндивидуальную) устойчивость и обращая ясные, несомненные факты в мучительную неопределенность» (Moscovici, 1985, с. 386). Московичи считает, что при таких условиях создается интрапсихическая конфликтная ситуация, а потому при угрозе идентичности в понимании Шефера и Шлёдера (Schäfer, Schlöder 1994) можно ожидать возникновения амбивалентных чувств (ср. также Scarabis, 2000).

4. Амбивалентность как аффективная реакция на чужого человека

В рамках очерченной концепции чужого амбивалентность – это способ реагирования, характерный для восприятия чужого. Хотя термин «амбивалент-

ность» в качестве конструкта появляется в различных областях психологического исследования (Brömer, 1999, 4 etc.; Jonas, Brömer, Diehl, 2000, 37 etc.), тем не менее нет единообразия в его использовании, и редко можно встретить подходы к его эмпирическому пониманию. Исключение составляют современные исследования установок (Alvarez, Brehm, 1995; 1997; Brömer, 1999; Gönner, Sherlock, Orbell, 1998; Jonas, Diehl, Brömer, 1997; Maio, Bell, Esses, 1996; Moore, 1973; 1980; Sparks, Hedderley, Shepherd, 1992; Tourangeau, Rasinski, D'Andrade, 1991; Vallacher, Novak, Kaufman, 1994; Zaller, Feldman, 1992). В данной работе наряду с определением понятия амбивалентности обсуждается также проблема ее измерения, что можно рассматривать как важный момент в развитии ее понимания и разработке подходов к операционализации амбивалентности.

Понятие амбивалентности

В когнитивно ориентированном исследовании установок амбивалентность трактуется как одновременное появление позитивных и негативных оценок по отношению к воспринимаемому объекту (Bargh, Chaiken, Gollwitzer, Pratto, 1992; Brömer, 1999). При условии, что положительные и отрицательные аспекты оцениваемого концепта известны, непоявление амбивалентных реакций объясняется такими «когнитивными механизмами», как торможение (Bargh et al.) или избирательное использование тенденции оценивания (McGregor, Newby-Clark,

Zanna, 1999). В статье Цаллера и Фельдмана (Zaller, Feldman, 1992) представлены «аксиомы», поясняющие основные предположения работ, где парадигма переработки социальной информации применяется к феномену амбивалентности установки (Devine, Hamilton, Ostrom, 1994; Strack, 1988). Цаллер и Фельдман постулируют следующее:

Аксиома амбивалентного отношения: Большинство людей обладают противоположными мнениями по большинству вопросов, то есть их рассуждения могут привести к решению проблемы любым способом (с. 585).

Аксиома ответа: Обычно индивиды отвечают на предлагаемые вопросы, усредняя наиболее понятные, «бросающиеся в глаза» в момент ответа суждения, причем эта понятность детерминирована аксиомой *доступности* (с. 586, курсив в оригинале).

Аксиома доступности: Доступность любого суждения зависит от стохастического процесса его появления в сознании человека, причем недавно обдумывавшиеся суждения будут появляться с несколько большей вероятностью (с. 586).

Таким образом, амбивалентность можно охарактеризовать тем, что в определенный момент времени люди связывают одновременно позитивные и негативные свойства с одним понятием. Согласно Йонасу и др., это должно быть частым случаем, а согласно аксиоме амбивалентности (см. выше) – даже правилом (Jonas et al.,

2000). В рамках социокогнитивной модели установки Пратканиса (Pratkanis, 1989; Pratkanis, Greenwald, 1989) утверждается, что в случае обсуждения спорных объектов в основе установки лежит биполярная когнитивная репрезентация, содержащая как аргументы «за», так и аргументы «против». Это, однако, сопровождается не амбивалентными, а стабильно позитивными или негативными установками. Также из исследования стереотипов известно, что люди, обладая знаниями, не всегда принимают их в расчет при вынесении социальных суждений (ср. гипотезу о диссоциации [Devine, 1989], а также Wood, 2000, с. 548–549).

При более строгом понимании амбивалентности наряду с непоследовательными оценочными реакциями и субъективно ощущаемой конфликтностью учитывается также феноменологический компонент. При этом амбивалентность не может пониматься как выражение простого знания о положительных и отрицательных сторонах обсуждаемого аспекта – скорее, она должна возникать тогда, когда обе сто-

роны в равной мере субъективно принимаются в расчет при вынесении суждения. Учитывая это, Уилсон, Линдси и Скулер определяют амбивалентность как «[...] случай, когда доступны позитивные и негативные оценки, которые рассматриваются как правомерные и которые в конечном счете приводят к субъективному состоянию конфликта» (Wilson, Lindsey, Schooler, 2000, с. 107).

Измерение амбивалентных установок

Предположение, что установки могут содержать одновременно как позитивные, так и негативные тенденции, оказало существенное влияние на измерение установок. Если обычно исследователи упускали из виду, что люди могут высказываться по поводу того или иного вопроса одновременно положительно и отрицательно, то при исследовании амбивалентности были созданы инструменты, которые позволяют это выявить. Кроме того, посто-

Таблица 2. Сопоставление понятий амбивалентности

	Амбивалентность как оценочная непоследовательность (широкое понятие)	Амбивалентность как выражение субъективного конфликта (узкое понятие)
McGregor et al., 1999	<i>потенциальная амбивалентность</i>	<i>амбивалентность чувств</i>
Jonas et al., 2000	<i>амбивалентность в структурном смысле</i>	<i>амбивалентность в мета-установочном смысле</i>
Maio, Esses, Bell, 2000	<i>непоследовательность</i>	<i>амбивалентность</i>
Cacioppo, Gardner, Berntson, 1997	<i>бивалентность</i>	<i>амбивалентность</i>

янно указывалось на сложность интерпретации таких реакций, которые на биполярных шкалах относятся к средней категории. В частности, данные Клопфера и Мэддена свидетельствуют о том, что наряду с классической интерпретацией индифферентности, выбор нулевой точки также может осно-

вываться на амбивалентных установках (Klopfers, Madden, 1978; 1980).

Существуют три формата, пригодных для выявления амбивалентных установок: косвенное, прямое и открытое измерение. Они будут представлены в последующих статьях.

Литература

- Abelson, R. P. (1959). Modes of resolution of belief dilemmas. *The Journal of Conflict Resolution*, 3, 343-352.
- Abelson, R. P. & Prentice, D. A. (1989). Beliefs as possessions: A functional perspective. In A. R. Pratkanis & S. J. Breckler (Eds.), *Attitude structure and function. The third Ohio State University volume on attitudes and persuasion* (pp. 361-381). Hillsdale: Lawrence Erlbaum.
- Aboud, F. E. (1979). Self: An identity, a concept, or a sense. In L. H. Strickland (Ed.), *Soviet and Western Perspectives in Social Psychology* (pp. 235-254). Oxford: Pergamon.
- Allport, G. W. (1955). *Becoming*. New Haven: Yale University Press.
- Alvarez, R. M. & Brehm, J. (1995). American ambivalence towards abortion policy: Development of a heteroskedastic probit model of competing values. *American Journal of Political Science*, 39, 1055-82.
- Alvarez, R. M. & Brehm, J. (1997). Are Americans ambivalent towards racial policies? *American Journal of Political Science*, 41, 345-374.
- Babad, E. Y., Birnbaum, M. & Benne, K. D. (1983). *The social self. Group influences on personal identity*. Beverly Hills: Sage.
- Baldwin, J. R. (1998). Tolerance/intolerance: A multidisciplinary view of prejudice. In M.L. Hecht (Ed.), *Communicating pre-judice* (pp. 24-56). Thousand Oaks: Sage Publications.
- Bargh, J. A., Chaiken, S., Gendler, R., & Pratto, F. (1992). The generality of the automatic attitude effect. *Journal of Personality and Social Psychology*, 62, 839-912.
- Bar-Tal, D. (1990). *Group Beliefs. A Conception for Analyzing Group Structure, processes, and behavior*. New York: Springer.
- Bar-Tal, D. (1998). Group Beliefs as an Expression of Social Identity. In S. Worchel, J.F. Morales, D. Páez & J.C. Deschamps (Eds.) *Social Identity. International Perspectives* S. 93-113. London: Sage.
- Bar-Tal, D. & Geva, N. (1986). A cognitive basis of international conflicts. In S. G. Worchel & W. Austin (Eds.), *Psychology of Intergroup Relations*. (pp. 118-133). Chicago: Nelson-Hall.
- Bassili, J. N. (1996). Meta-judgmental versus operative indexes of psychological attributes: The case of measures of attitude strength. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71, 637-653.
- Baumann, Z. (1998). Moderne und Ambivalenz. In U. Bielefeld (Hrsg.), *Das Eigene und das Fremde. Neuer Rassismus in der alten Welt?* (S. 23-49). Hamburg: Hamburger Edition.
- Belk, R. W. (1988). Possessions and the extended self. *Journal of Consumer Research*, 15, 139-168.

- Belk, R. W. (1991). The ineluctable mysteries of possessions. *Journal of Social Behavior and Personality*, 6, 17-55.
- Bell, D.W., Esses, V.M., & Maio, G.R. (1996). The utility of open-ended measures to assess intergroup ambivalence. *Canadian Journal of Behavioral Science*, 28, 12-18.
- Berry, J. W. (1980). Acculturation as varieties of adaption. In A. Padilla (Ed.), *Acculturation: Theory, models and some new findings*. Boulder: Westview Press.
- Biernat, M., Vescio, T. K. & Theno, S. A. (1996). Violating American values: A "value congruence" approach to understanding outgroup attitudes. *Journal of Experimental Social Psychology*, 32, 387-410.
- Bornewasser, M. (1995). Motivationale Hintergründe von Fremdenfeindlichkeit und Gewalt. In S. Müller, H.-U. Otto & U. Otto (Hrsg.), *Fremde und Andere in Deutschland. Nachdenken über das Einverleiben, Einebnen, Ausgrenzen* (S. 87-102). Opladen: Leske & Budrich.
- Bourhis, R. Y., Moise, C. L., Perrreault, S. & Senécal, S. (1997). Immigration und Multikulturalismus in Kanada : Die Entwicklung eines interaktiven Akkulturationsmodells. In A. Mummendey & B. Simon (Hrsg.), *Identität und Verschiedenheit: Zur Sozialpsychologie der Identität in komplexen Gesellschaften* (S. 63-107). Bern: Huber.
- Braithwaite, V. A. & Law, H. G. (1985). Structure of human values: Testing the adequacy of the Rokeach Value Survey. *Journal of Personality and Social Psychology*, 49, 250-263.
- Breakwell, G. (1986). *Coping with threatened identities*. London: Methuen.
- Breckler, S. J. (1994). A comparison of numerical indexes for measuring attitude ambivalence. *Educational and Psychological Measurement*, 54, 350-365.
- Brendl, C. M. & Higgins, E. T. (1996). Principles of judging valence: What makes events positive or negative? In M. P. Zanna (Ed.), *Advances In Experimental Social Psychology* (Vol. 28, pp. 95-160). New York: Academic Press.
- Brömer, P. (1999). *Informationsverarbeitung bei ambivalenten Einstellungen*. Regensburg: Roderer.
- Byrne, D. (1969). Attitudes and attraction. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 4, pp. 35-89). San Diego: Academic Press.
- Cacioppo, J. T., & Berntson, G. G. (1994). Relationship between attitudes and evaluative space: A critical review, with emphasis on the separability of positive and negative substrates. *Psychological Bulletin*, 115, 401-423.
- Cacioppo, J. T., Gardner, W. L. & Berntson, G. G. (1997). Beyond bipolar conceptualizations and measures: The case of attitudes and evaluative space. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1, 3-25.
- Cialdini, R. B., Reno, R. R. & Kallgren, C. A. (1990). A focus theory of normative conduct: Recycling the concept of norms to reduce littering in public places. *Journal of Personality and Social Psychology*, 58, 1015-1026.
- Conner, M., Sherlock, K. & Orbell, S. (1998). Psychosocial determinants of ecstasy use in young people in the UK. *British Journal of Health Psychology*, 3, 295-317.
- Csikszentmihalyi, M. & Rochberg-Halton, E. (1989). *Der Sinn der Dinge*. München: Psychologie Verlags Union.
- DeRidder, R. & Tripathi, R. C. (1992) (Eds.). *Norm violation and intergroup relations*. Oxford: Clarendon Press.
- Devine, P. G. (1989). Stereotypes and prejudice: Their automatic and controlled components. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56, 5-18.
- Devine, P. G., Hamilton, D. L. & Ostrom, T. M. (Eds.) (1994). *Social cognition: Impact on*

- social psychology*. San Diego: Academic Press.
- Eiser, J. R. (1987). *The expression of attitudes*. New York: Springer.
- Emmons, R. A. & Kaiser, H. A. (1996). Goal orientation and emotional well-being: Linking goals and affect through self. In L. L. Martin & A. Tesser (Eds.), *Striving and feeling. Interactions among goals, affect, and self-regulation* (pp. 79-98). Mahwah: Lawrence Erlbaum.
- Esses, V. M., Haddock, G. & Zanna, M. P. (1993). Values, stereotypes, and emotions as determinants of intergroup attitudes. In D. M. Mackie & D. L. Hamilton (Eds.), *Affect, cognition, and stereotyping: Interactive processes in group perception* (pp. 137-166). San Diego: Academic Press.
- Feather, N. T. (1984). Masculinity, femininity, psychological androgyny and the structure of values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 47, 604-620.
- Feather, N. T. (1990). Bridging the gap between values and action. Recent applications of the expectancy-value model. In E. T. Higgins & R. M. Sorrentino (Eds.), *Handbook of motivation and cognition. Foundations of social behavior* (Vol. 2, pp. 152-192). New York: Guilford Press.
- Feather, N. T. (1995). Values, valences, and choice: The influence of values on the perceived attractiveness and choice of alternatives. *Journal of Personality and Social Psychology*, 68, 1135-1151.
- Feger, H. (1978). *Konflikterleben und Konfliktverhalten*. Bern: Huber.
- Feldman, S. (1988). Structure and consistency in public opinion. *American Journal of Political Science*, 32, 416-440.
- Fiske, A. P. & Tetlock, P. E. (1997). Taboo trade-offs: Reactions to transactions that transgress the spheres of justice. *Political Psychology*, 18, 255-297.
- Gollwitzer, P. M. & Bargh, J. A. (Eds.) (1996). *The psychology of action: Linking cognition and motivation to behavior*. New York: Guilford Press.
- Graumann, C. F. (1997). Die Erfahrung des Fremden: Lockung und Bedrohung. In A. Mummendey & B. Simon (Hrsg.), *Identität und Verschiedenheit. Zur Sozialpsychologie der Identität in komplexen Gesellschaften* (S. 39-62). Bern: Huber.
- Graumann, C. F. & Willig, R. (1983). Wert, Wertung, Werthaltung. In H. Thomae (Hrsg.), *Enzyklopädie der Psychologie: Themenbereich C Theorie und Forschung, Serie 4 Motivation und Emotion, Band 1 Theorien und Formen der Motivation* (S. 312-396). Göttingen: Hogrefe.
- Greenberg, J., Solomon, S. & Pyszczynski, T. (1997). Terror management theory of self-esteem and cultural worldviews: Empirical assessments and conceptual refinements. In M. P. Zanna (Ed.), *Advances in Experimental Social Psychology* (Vol. 29, pp. 61-139). New York: Academic Press.
- Greenwald, A. G., Banaji, M. R., Rudman, L. A., Farnham, S. D., Nosek, B. A. & Rosier, M. (2000). Prologue to a unified theory of attitudes, stereotypes, and self-concept. In J. P. Forgas (Ed.), *Feeling and thinking: The role of affect in social cognition and behavior* (pp. 308-330). New York: Cambridge University Press.
- Grewal, R., Mehta, R. & Kardes, F. R. (2000). The role of the social-identity function of attitudes in consumer innovativeness and opinion leadership. *Journal of Economic Psychology*, 21, 233-252.
- Gurr, T. R. (1970). *Why men rebel*. Princeton: University Press.
- Habermas, J. (1976). *Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus* (S. 63-91). Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
- Hahn, A. (1997). „Partizipative“ Identitäten. In H. Münkler (Hrsg.), *Furcht und Faszination. Facetten der Fremdheit*, S. 115-158. Berlin: Akademie Verlag.
- Harding, B. & Philips, D. (1986). *Contrasting*

- values in *Western Europe*. London: Macmillan.
- Hare, R. M. (1972). *Die Sprache der Moral*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
- Hass, G. R., Katz, I., Rizzo, N., Bailey, J., & Eisenstadt, D. (1991). Cross-racial appraisal as related to attitude ambivalence and cognitive complexity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 17, 83-92.
- Haubl, R. (2000). Be-dingte Emotionen. Über identitätsstiftende Objekt-Beziehungen. In H.A. Hartmann & R. Haubl (Hrsg.), *Von Dingen und Menschen. Funktion und Bedeutung materieller Kultur* (S. 7-36). Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.
- Herek, G. M. (1986). The instrumentality of attitudes: Toward a neofunctional theory. *Journal of Social Issues*, 42, 99-114.
- Herek, G. M. (1987). Can functions be measured? A new perspective on the functional approach to attitudes. *Social Psychology Quarterly*, 50, 285-303.
- Herrmann, T. (1982). Wertorientierung und Wertwandel. Eine konzeptuelle Analyse aus dem Blickwinkel der Psychologie. In H. Stachowiak & T. Ellwein (Hrsg.), *Bedürfnisse, Werte und Normen im Wandel* (Bd. 2, S. 29-71). München: Fink.
- Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences*. Beverly Hills: Sage.
- James, W. (1890/1950). *The principles of psychology*. Dover: Dover Publications.
- Jonas, K., Brömer, P. & Diehl, M. (2000). Attitudinal ambivalence. In W. Stroebe & M. Hewstone (Eds.), *European Review of Social Psychology* (Vol. 11, pp. 35-74). Chichester: Wiley.
- Jonas, K., Diehl, M. & Brömer, P. (1997). Effects of attitudinal ambivalence on information processing and attitude-intention consistency. *Journal of Experimental Social Psychology*, 33, 190-210.
- Kaplan, K. (1972). On the ambivalence-indifference problem in attitude theory and measurement: A suggested modification of the semantic differential technique. *Psychological Bulletin*, 77, 361-372.
- Katz, D. (1960). The functional approach to the study of attitudes. *Public Opinion Quarterly*, 24, 163-204.
- Katz, I. & Hass, R. G. (1988). Racial ambivalence and American value conflict: Correlational and priming studies of dual cognitive structures. *Journal of Personality and Social Psychology*, 55, 893-905.
- Klopper, F.J. & Madden, T.M. (1978). The "cannot decide" option in Thurstone-type attitude scales. *Educational and Psychological Measurement*, 38(2), 259-264.
- Klopper, F. J. & Madden, T. M. (1980). The middlemost choice on attitude items: Ambivalence, neutrality, or uncertainty? *Personality and Social Psychology Bulletin*, 6, 97-101.
- Kluckhohn, C. (1954). Values and value-orientations in the theory of action. In T. Parsons & E. A. Shils (Eds.), *Toward a general theory of action*. 3rd ed. (pp. 388-433). Harvard: University Press.
- Kristiansen, C. M. & Matheson, K. (1990). Value conflict, value justification, and attitudes toward nuclear weapons. *Journal of Social Psychology*, 130, 665-675.
- Kristiansen, C. M. & Zanna, M. P. (1988). Justifying attitudes by appealing to values: A functional perspective. *British Journal of Social Psychology*, 27, 247-256.
- Kristiansen, C. M. & Zanna, M. P. (1994). The rhetorical use of values to justify social and intergroup attitudes. *Journal of Social Issues*, 50(4), 47-65.
- Lantermann, E-D. (1998). Werthaltungen im Kontext. In K. C. Klauer & H. Westmeyer (Hrsg.), *Psychologische Methoden und Soziale Prozesse* (S. 328-351). Lengerich: Papst.
- Lautmann, R. (1969). *Wert und Norm. Begriffsanalysen für die Soziologie*. Köln: Westdeutscher Verlag.

- Lea, M. & Duck, S. (1982). A model for the role of similarity of values in friendship development. *British Journal of Social Psychology*, 21, 301-310.
- Lewin, K. (1963). *Feldtheorie in den Sozialwissenschaften*. Bern: Huber.
- Lupfer, M. B., Weeks, K. P. Doan, K. A. & Houston, D. A. (2000). Folk conceptions of fairness and unfairness. *European Journal of Social Psychology*, 30, 405-428.
- Maio, G. R., Bell, D. W. & Esses, V. M. (1996). Ambivalence and persuasion: The processing of messages about immigrant groups. *Journal of Experimental Social Psychology*, 32, 513-536.
- Maio, G. R., Esses, V. M. & Bell, D. B. (2000). Examining conflict between components of attitudes: Ambivalence and inconsistency are distinct constructs. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 32, 58-70.
- Maio, G. R. & Olson, J. M. (2000). What is a "value-expressive" attitude? In G. R. Maio & J. M. Olson (Eds.), *Why we evaluate: Functions of attitudes* (pp. 249-269). Mahwah: Lawrence Erlbaum.
- Martin, L. L. & A. Tesser, A. (Eds.) (1996). *Striving and feeling. Interactions among goals, affect, and self-regulation*. Mahwah: Lawrence Erlbaum.
- McGregor, I., Newby-Clark, I. R. & Zanna, M. P. (1999). "Remembering" dissonance: Simultaneous accessibility of inconsistent cognitive elements moderates epistemic discomfort. In E. Harmon-Jones & J. Mills (Eds.), *Cognitive dissonance: Progress on a pivotal theory in social psychology* (pp. 325-353). Washington: APA.
- Mellema, A & Bassili, J. N. (1995). On the relationship between attitudes and values: Exploring the moderating effects of self-monitoring and self-monitoring schematicity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 21, 885-892.
- Michels, R. (1925). Materialien zu einer Soziologie des Fremden. In *Jahrbuch für Soziologie*, 1968 (Bd. 1, S. 269-319). Frankfurt a.M.: Sauer und Auvermann.
- Milhabet, I. & Monteil, J.M. (1995). Activés évaluatives libre: une illustration expérimentale du concept de double connaissance et du poids évaluatif sur l'impression formée. *Les Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*, 25, 52-67.
- Minihová, B. (1998). Problems of dilemmas solutions in the context of social norms. *Studia Psychologica*, 40, 352-356.
- Moore, M. (1973). Ambivalence in attitude measurement. *Educational and Psychological Measurement*, 33, 481-483.
- Moore, M. (1980). Validation of the Attitude Toward Any Practice scale through the use of ambivalence as a moderator variable. *Educational and Psychological Measurement*, 40, 205-208.
- Morris, C.W. (1956). *Varieties of Human Value*. Chicago: University Press.
- Moscovici, S. (1973). Foreword. In C. Herzlich & D. Graham (Eds.), *Health and illness. A social psychological analysis* (pp. ix-xiv). London: Academic Press.
- Moscovici, S. (1985). Social Influence and Conformity. In G. Lindzey & E. Aronson (Eds.), *The Handbook of Social Psychology*. (Vol. 2, pp. 204-273). New York: Random House.
- Moscovici, S. (1988). Notes towards a description of Social Representations. *European Journal of Social Psychology*, 18, 211-250.
- Mullen, B., Rozell, D. & Johnson, C. (2000). Ethnophobias for ethnic immigrant groups: Cognitive representation of 'the minority' and 'the foreigner.' *Group Processes and Intergroup Relations*, 3, 5-24.
- Mummendey, A. (1993). Fremde im Spiegel sozialer Vorurteile. In Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg (Hrsg.), *Erfahrungen des Fremden* (S. 127-138). Heidelberg: Heidelberger Verlagsanstalt.

- Münkler, H. (Hrsg.) (1997). *Furcht und Faszination. Facetten der Fremdheit*. Berlin: Akademie Verlag.
- Nassehi, A. (1995). Der Fremde als Vertrauter. *Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 47, 443-463.
- Nisbett, R. E., & Wilson, T. D. (1977). Telling more than we know: Verbal reports on mental processes. *Psychological Review*, 84, 231-259.
- Nunner-Winkler, G. (1997). Zurück zu Durkheim? Geteilte Werte als Basis gesellschaftlichen Zusammenhalts. In W. Heitmeyer (Hrsg.), *Was hält die Gesellschaft zusammen? Bundesrepublik Deutschland: Auf dem Weg von der Konsens- zur Konfliktgesellschaft* (Bd. 2, S. 360-402). Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
- Osgood, C.E., Suci, G.J. & Tannenbaum, P.H. (1957). *The measurement of meaning*. Urbana: University of Illinois Press.
- Ossorio, P. G. & Davis, K. E. (1968). The self, intentionality and reaction to evaluations. In C. Gordon & K. Gergen (Eds.), *The self in social interaction* (pp. 355-370). New York: Wiley.
- Park, B. (1986). A Method for Studying the Development of Impressions of Real People. *Journal of Personality and Social Psychology*, 51(5), 907-917.
- Parsons, T. & Shills, E. A. (1954). Systems of value-orientation. In T. Parsons & E. A. Shils (Eds.), *Toward a general theory of action*. 3rd ed. (pp. 159-189). Harvard: University Press.
- Pervin, L. A. (1989). *Goal concepts in personality and social psychology*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum.
- Pratkanis, A.R. (1989). The cognitive representation of attitudes. In A. R. Pratkanis & S. J. Breckler (Eds.), *Attitude structure and function. The third Ohio State University volume on attitudes and persuasion* (pp. 71-98). Hillsdale: Lawrence Erlbaum.
- Pratkanis, A. R. & Greenwald, A. G. (1989). A sociocognitive model of attitude structure and function. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 22, pp. 245-285). San Diego: Academic Press.
- Prentice, D. A. (1990). Familiarity and differences in self- and other-representations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 59, 369-383.
- Prentice, D. A. & Carlsmith, K. M. (2000). Opinions and personality: On the psychological functions of attitudes and other valued possessions. In G. R. Maio & J. M. Olson (Eds.), *Why we evaluate: Functions of attitudes* (pp. 223-248). Mahwah: Lawrence Erlbaum.
- Priester, J. R. & Petty, R. E. (1996). The gradual threshold model of ambivalence: Relating the positive and negative bases of attitudes to subjective ambivalence. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71, 431-449.
- Rettig, S. & Pasamanick, B. (1959). Changes in moral values among college students: A factorial study. *American Sociological Review*, 24, 856-863.
- Riketta, M. (2000). Discriminative validation of numerical indices of attitude ambivalence. *Current Research in Social Psychology*, 5(4).
- Rokeach, M. (1960). *The open and the closed mind*. New York: Basic Books.
- Rokeach, M. (1973). *The nature of human values*. New York: Free Press.
- Rokeach, M. (1975). *Beliefs, attitudes, and values*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Rokeach, M., Evans, R. I & Smith, P. W. (1960). Two kinds of prejudice or one. In M. Rokeach (Ed.), *The open and the closed mind* (pp. 132-168). New York: Basic Books.
- Scarabis, M. (1997). *Identitätsdiskrepanz, Potenz und die Erfahrung des Anderen*. Münster: Unveröffentlichte Diplomarbeit.

- Scarabis, M. (2000). Sozial- und differentialpsychologische Aspekte des Erlebens und der Verarbeitung von identitätsrelevanten Wertkonflikten. Münster: Dissertation.
- Scarabis, M., Bahlinghorst, N., Schulze, R. & Schäfer, B. (dieses Heft). *Das Erleben von Fremdheit als Determinante subjektiver Ambivalenz*
- Scarabis, M., Schulze, R. & Schäfer, B. (dieses Heft). *Ökonomische und symbolische Identitätsdiskrepanzen als Determinanten von Ambivalenz gegenüber Fremdgruppen*. Universität Münster: Unveröffentlichtes Manuskript.
- Schäfer, B. (1983). Semantische Differential Technik. In H. Feger & J. Breidenkamp (Hrsg.) Datenerhebung, Hogrefe, Göttingen, 1983, Seiten 154-221 Series: Enzyklopaedie der Psychologie, Themenbereich B, Serie I, Band 2.
- Schäfer, B. (1993). Das Fremde als Herausforderung von Identitätsansprüchen. *Ethik & Unterricht*, 4, 2-8.
- Schäfer, B. (1998). Bedingungen der Ambivalenz sozialer Einstellungen. In K.C. Klauer & H. Westmeyer (Hrsg.), *Psychologische Methoden und soziale Prozesse* (S. 372-400). Lengerich: Pabst.
- Schäfer, B. & Schlöder, B. (1990). Nationalbewußtsein als Aspekt sozialer Identität. In P. Leidinger & D. Metzler (Hrsg.), *Geschichte und Geschichtsbewußtsein. Festschrift Karl-Ernst Jeismann zum 65. Geburtstag* (S. 309-348). Münster: Institut für Didaktik der Geschichte.
- Schäfer, B. & Schlöder, B. (1994). Identität und Fremdheit. Sozialpsychologische Aspekte der Eingliederung und Ausgliederung des Fremden. *Jahrbuch für Christliche Sozialwissenschaft*, 35, 69-87.
- Schäffter, O. (Hrsg.) (1991). *Das Fremde. Erfahrungsmöglichkeiten zwischen Faszination und Bedrohung*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Schlöder, B. (1988). Soziale Vorstellungen als Bezugspunkte von Vorurteilen. In B. Schäfer & F. Petermann (Hrsg.) *Vorurteile und Einstellungen. Sozialpsychologische Beiträge zum Problem sozialer Orientierung* (S. 66-98). Köln: Deutscher Instituts-Verlag.
- Schlöder, B. (1993). *Soziale Werte und Werthaltungen. Eine sozialpsychologische Untersuchung des Konzepts sozialer Werte und des Wertewandels*. Opladen: Leske & Budrich.
- Schlöder, B. (1995). Outlines of a social psychological conception of valuation. *Swiss Journal of Psychology*, 54, 173-185.
- Schuster, M. (1996). Ethnische Fremdheit, ethnische Identität. In M. Schuster (Hrsg.), *Die Begegnung mit dem Fremden. Wertungen und Wirkungen in Hochkulturen vom Altertum bis zur Gegenwart. Colloquium Rauricum* (Bd. 4, S. 207-221). Stuttgart: Teubner.
- Schütz, A. (1944/1972). Der Fremde. Ein sozialpsychologischer Versuch. In A. Brodersen (Hrsg.), *Alfred Schütz: Gesammelte Aufsätze* (Bd. 2, S. 53-69). Den Haag: Martinus Nijhoff.
- Schwartz, S. H. (1996). Value priorities and behavior: applying a theory of integrated value systems. In C. Seligman, J. M. Olson & M. P. Zanna (Eds.), *The psychology of values: The Ontario symposium* (Vol. 8, pp. 1-24). Mahwah: Lawrence Erlbaum.
- Schwartz, S. H. & Bilsky, W. (1987). Toward a universal psychological structure of human values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 53, 550-562.
- Scott, W. A. (1966). Measures of cognitive structure. *Multivariate Behavioral Research*, 1, 391-395.
- Sherif, M. (1963). *The psychology of social norms*. New York: Harper Row.
- Sherif, M. & Cantril, H. (1947). *The psychology of ego-involvements*. New York: Wiley.

- Simmel, G. (1908). *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*, S. 685-691. Leipzig.
- Smith, M.B., Bruner, J.S. & White, R.W. (1956). *Opinions and personality*. New York: Wiley.
- Snyder, M. & DeBono, K. G. (1989). Understanding the functions of attitudes: Lessons from personality and social behavior. In A. R. Pratkanis & S. J. Breckler (Eds.), *Attitude structure and function. The third Ohio State University volume on attitudes and persuasion* (pp. 339-359). Hillsdale: Lawrence Erlbaum.
- Sparks, P., Hedderley, D. & Shepherd, R. (1992). An investigation into the relationship between perceived control, attitude variability and the consumption of two common foods. *European Journal of Social Psychology*, 22, 55-71.
- Stephan, W.G. & Stephan, C.W. (1985). Intergroup Anxiety. *Journal of Social Issues*, 41(3), 157-175.
- Strack, F. (1988). Social Cognition: Sozialpsychologie innerhalb des Paradigmas der Informationsverarbeitung. *Psychologische Rundschau*, 39, 72-82.
- Tajfel, H. & Turner, J. C. (1986). The Social Identity Theory of Intergroup Behaviour. In S. G. Worchel & W. Austin (Eds.), *Psychology of Intergroup Relations*. (pp. 7-24). Chicago: Nelson-Hall.
- Tetlock, P. E. (1986). A value pluralism model of ideological reasoning. *Journal of Personality and Social Psychology*, 50, 819-827.
- Tetlock, P. E., Peterson, R. S. & Lerner, J. S. (1996). Revising the value pluralism model: Incorporating social content and context postulates. In C. Seligman, J. M. Olson & M. P. Zanna (Eds.), *The psychology of values: The Ontario symposium* (Vol. 8, pp. 25-51). Mahwah: Lawrence Erlbaum.
- Thomas, A. (1993a). Psychologie interkulturellen Lernens und Handelns. In A. Thomas (Hrsg.), *Kulturvergleichende Psychologie. Eine Einführung* (S. 377-424). Göttingen: Hogrefe.
- Thomas, A. (1993b). Fremdheitskonzepte in der Psychologie als Grundlage der Austauschforschung und der interkulturellen Managerausbildung. In A. Wierlacher (Hrsg.), *Kulturthema Fremdheit: Leitbegriffe und Problemfelder kulturwissenschaftlicher Fremdheitsforschung* (S. 257-281). München: Iudicium.
- Thomas, A. (1996). Analyse der Handlungswirksamkeit von Kulturstandards. In A. Thomas (Hrsg.), *Psychologie interkulturellen Handelns* (S. 107-135). Göttingen: Hogrefe.
- Thompson, M. M., Zanna, M. P. & Griffin, D.W. (1995). Let's not be indifferent about (attitudinal) ambivalence. In R. E. Petty & J.A. Krosnick (Eds.), *Attitude Strength: Antecedents and consequences* (pp. 361-386). Mahwah: Lawrence Erlbaum.
- Tourangeau, R., Rasinski, K. A. & D'Andrade, R. (1991). Attitude structure and belief accessibility. *Journal of Experimental Social Psychology*, 27, 48-75.
- Triandis, H. C. (1995). *Individualism and collectivism*. Boulder: Westview Press.
- Turner, R.H. (1968). The self-conception in social interaction. In C. Gordon & K. Gergen (Eds.), *The self in social interaction* (pp. 93-106). New York: Wiley.
- Vallacher, R. R., Nowak, A. & Kaufman, J. (1994). Intrinsic dynamics of social judgment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67, 20-34.
- Van Dijk, T. A. (1987). *Communicating Racism. Ethnic Prejudice in Thought and Talk*. Newbury Park: Sage.
- Wenzlaff, R. M. & Wegner, D. M. (2000). Thought Suppression. *Annual Review of Psychology*, 51, 59-91.

- Wicklund, R. A. & Gollwitzer, P. M. (1985). Symbolische Selbstergänzung. In D. Frey & M. Irle (Hrsg.), *Theorien der Sozialpsychologie. Band 3: Motivations- und Informationsverarbeitungstheorien* (S. 31-55). Bern: Huber.
- Wierlacher, A. (Hrsg.) (1993). *Kulturthema Fremdheit. Leitbegriffe und Problemfelder kulturwissenschaftlicher Fremdenheitsforschung*. München: Iudicium.
- Wilson, T. D., Lindsey, S., & Schooler, T. Y. (2000). A model of dual attitudes. *Psychological Review*, 107, 101-126.
- Wood, W. (2000). Attitude Change: Persuasion and Social Influence. *Annual Review of Psychology*, 51, 539-570.
- Zaller, J. & Feldman, S. (1992). A simple theory of the survey response: Answering questions versus revealing preferences. *American Journal of Political Science*, 36, 579-616.

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СИМВОЛИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ИДЕНТИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЯ К ЧУЖИМ ГРУППАМ

М. СКАРАБИС, Р. ШУЛЬЦЕ, Б. ШЕФЕР

Мартин Скарабис (Martin Scarabis) – научный ассистент в группе проф. Шефера в Университете Мюнстера. Интересуется проблемой обработки социальной информации, амбивалентности отношений, автоматическими ассоциациями и скрытыми аттитюдами. Его исследования ассоциативных процессов и социального поведения поддержаны грантом Немецкого исследовательского общества. Совместно с другими внешними организациями он занимается приложением социально-психологических знаний к области исследования рынка, маркетинга и пищеобеспечивающего поведения. Мартин Скарабис получил диплом психолога в Университете Мюнстера в 1997 г., Ph.D. – в 2001 г. Он является членом Общества по изучению личности и социальной психологии.

Ральф Шульце (Ralf Schulze) – научный ассистент в Психологическом институте г. Мюнстера. Его научные интересы лежат в области социальной психологии, индивидуальных различий, личности и исследовательских методов. Он концентрируется на проблемах аттитюдов, поведенческих взаимодействий, индивидуальных различий в когнитивной мотивации, социальном, практическом и эмоциональном интеллекте, структурных моделях интеллекта и мета-анализе. Свой диплом психолога Ральф Шульце получил в Университете Манхейма в 1995 г. С 1997г. работает в группе проф. Шефера в Мюнстерском университете. В 2001 г. он получил исследовательскую премию Университета. В настоящее время работает над книгой о развитии и применении мета-анализа.

Бернд Шефер (Bernd Schäfer) – профессор психологии (full professor for psychology), работает в области социальной психологии в Институте психологии IV (Social Psychology, Personality Psychology, Organizational Psychology) при Вестфальском университете Вильгельма в г. Мюнстер, Германия (Westfälische Wilhelms-University). Он изучал психологию и социологию в университетах Вены, Бонна, Кельна и Праги с 1963 по 1968 г. Степень доктора философии (Ph.D.) получил в 1971 г. и занял полный профессорский пост в Мюнстере в 1976 г. после хабилитации в Бонне. В 2001 г. он получил звание почетного профессора в Государственном университете гуманитарных наук (Москва). Его основные интересы лежат в области социальных аттитюдов, стереотипов и предрассудков.

Резюме

В данном исследовании рассматриваются амбивалентные реакции, возникающие по отношению к чужим группам. Используются теоретические подходы к изучению установок и концепций из области межгрупповых исследований. Изучается противоречивое отношение к чужим группам и их членам, если они противоречат предписывающим стандартам идентичности воспринимающих людей в качестве детерминанты амбивалентности. Выделяются два разных по содержанию класса стандартов идентичности: идеально-символические и материально-экономические. В экспериментальном исследовании вымышленная чужая группа наделялась свойствами, которые с точки зрения обеих сфер идентичности либо противоречили, либо не противоречили стандартам идентичности воспринимающего человека, либо не имели к ним отношения. В соответствии с гипотезами в условиях противоречия наблюдалась наивысшая степень субъективной амбивалентности отношения. Амбивалентность оценивалась с помощью адаптированной немецкоязычной версии теста «Bivariate Evaluation and Ambivalence Measures» (BEAMs; Cacioppo, Gardner, Berntson, 1997).

В современных концепциях пред-
рассудков и расизма подчеркивается
все большее распространение амбива-
лентных форм реагирования по отно-
шению к социальным меньшинствам
(например, Gaertner, Dovidio, 1986;
Katz, 1981; McConahay, 1986). С нача-
ла 1990-х гг. в рамках социально-пси-
хологического исследования ученые
стали активно заниматься вопросом
многомерности социальных устано-
вок и их измерением (Bargh, Chaiken,
Govender, Pratto, 1992; Breckler, 1994;
1999; Gönner, Sherlock, Orbell, 1998;
Jonas, Diehl, Brömer, 1997; Maio, Esses,
Bell, 1994; Moore, 1973; 1980; Priester,
Petty, 1996; Thompson, Zanna, 1995;
Thompson, Zanna, Griffin, 1995; Vallac-
her, Novak, Kaufman, 1996). Данная
статья продолжает обе линии исследо-
вания и дополняет анализ введением
понятия идентичности.

Общие детерминанты амбивалентных реакций

На базисном уровне предпосылки
амбивалентных оценочных реакций
обсуждаются в рамках «модели оце-
ночного пространства» («Evaluative
Space Model» – ESM; Cacioppo, Bernt-
son, 1994; Cacioppo, Gardner, Berntson,
1997). Согласно предположениям ав-
торов, установки возникают в резуль-
тате активации оценочной позитив-
ности и негативности. Однако в про-
тивоположность классическим кон-
цепциям установки (Osgood, Suci,
Tannenbaum, 1957; Thurstone, 1931)
ESM исходит из того, что оба оценоч-
ных процесса могут быть не только ре-
ципрокно-антагонистическими, но,
кроме того, не зависимыми друг от
друга и коактивированными. В зависи-
мости от того, какой модус оценочной
активации лежит в основе установоч-

ной реакции, возникают разные качества установки. При взаимной активации позитивных и негативных реакций возникает унивалентная, при независимой активации – бивалентная, а при коактивации – амбивалентная установка. Если не активируется ни позитивность, ни негативность, возникает индифферентность. К сожалению, ничего не говорится о том, какого рода условия должны или могут быть при коактивации, независимой или реципрокной активации.

В социально-когнитивных подходах к проблеме установки в качестве важной детерминанты амбивалентных реакций рассматривается наличие противоречивых оценочных убеждений (например, Bargh et al., 1992; Brömer, 1999, Zaller, Feldman, 1992). Объясняются ли этим различия в интенсивности амбивалентных реакций, а также то, *какие* знания, относящиеся к суждению, вступают друг с другом в конфликт или являются противоречивыми, в когнитивно ориентированных подходах к проблемам суждения и установки не обсуждается. Этот момент является главным, например, в «теории распространения амбивалентности» (Katz, Wackenhut, Hass, 1986), в которой рассматриваются детерминанты и последствия амбивалентных реакций на социальные группы и их членов.

Детерминанты амбивалентности по отношению к социальным меньшинствам

Еще в конце 1970-х гг. Катц и сотр. (Katz, 1981; Katz, et al., 1986) в рамках

своей «теории распространения амбивалентности» начали изучать условия возникновения амбивалентных реакций на социальные меньшинства в США. В соответствии с их гипотезой о конфликте норм¹ амбивалентность белых по отношению к цветным американцам объясняется тем, что вследствие общественно-исторического развития белые люди в значительной степени придерживаются так называемой протестантской трудовой этики и, вместе с тем, принципа гуманизма и равенства. При оценке цветных американцев два этих стандарта вступают друг с другом в конфликт: с одной стороны, у цветных людей существуют стереотипные представления, противоречащие протестантской этике; с другой стороны, цветные американцы воспринимаются как ущемленные в общественном плане, что противоречит принципу гуманизма и равенства, важному для белых. Таким образом, согласно «теории распространения амбивалентности», причина возникновения амбивалентных реакций заключается в конфликте ценностных ориентаций, относящихся к представлению человека о

¹ Шефер (Schäfer, 1998) отмечает сходство «теории распространения амбивалентности» с другими концепциями, например, Гертнера и Довидио (Gaertner, Dovidio, 1986), а также Макконахэя (McConahay, 1986) (ср. также Zick, 1997). Поскольку вопросом измерения амбивалентных установок особенно активно занимались также Катц и его сотрудники, мы рассматриваем здесь их концепцию.

себе, который воспринимается как угроза для его «я».

Эссес, Хэддок и Занна в возникновении оценок/установок по отношению к чужим группам подчеркивают также значение так называемых символических убеждений («убеждений в том, что социальные группы нарушают или поддерживают тщательно оберегаемые ценности и нормы») (Esses, Haddock, Zanna, 1993). При противоречивости суждения, то есть при одновременно ощущаемом нарушении и подкреплении различных собственных ценностных представлений, возникает амбивалентность отношения к чужому (Maio, Bell, Esses, 1996). По сравнению с современными концепциями расизма, такими, как концепция Катца и др. (Katz et al., 1986), этот подход является более общим.

Экономические и символические расхождения с идентичностью и амбивалентность по отношению к чужим группам

В концепции идентичности Шефера и Шлёдера (Schäfer, Schlöder, 1990; ср. Schäfer, Scarabis, Schlöder, данный номер журнала), как и в «теории распространения амбивалентности», подчеркивается значение социальных ценностей для самоопределения. По аналогии с концепцией Катца и др. (Katz et al., 1986) предполагается, что общие ценностные представления связаны с более конкретными представлениями о правильных поступках (стандартами идентичности). По своему содержанию эти стандарты идентичности яв-

ляются материально-экономическими или идеально-символическими. Согласно представлениям Шефера и Шлёдера, чужие люди и группы оцениваются по собственным стандартам (Schäfer, Schlöder, 1994; Schäfer, 1998). Если люди встречают нарушение собственных стандартов идентичности, то следует ожидать негативной реакции. При совпадении ценностей чужих людей и собственных нормативных представлений можно предсказать позитивную реакцию. В ряде работ удалось показать, что расхождение ценностей других людей с собственными ценностями (Biernat, Vescio, Theno, 1996; Schwartz, 1996), нормами (De Ridder, Tripathi, 1992), символическими представлениями (Esses et al., 1993; Haddock, Zanna, Esses, 1994), мировоззрением (Greenberg, Solomon, Pyszcynski, 1997) или убеждениями (Rokeach, Evans, Smith, 1960), как правило, ведет к возникновению негативных реакций и оценок. И наоборот, общее сходство (Byrne, 1969) и особенно совпадение ценностей (Lea, 1982) ведут к появлению симпатии. В качестве важного фактора возникновения конфликтных отношений между индивидами и группами людей не раз уже также подчеркивалось значение интересов, связанных с материально-экономической сферой (Esses, Jackson, Nolan, Armstrong, в печати; Sherif, 1966; W. G. Stephan, C. W. Stephan, 1996; W. G. Stephan, Ybarra, Martinez, Schwarzwald, Tur-Kaspa, 1998; Sutter, McCaul, 1993). Однако при определенных условиях в этих случаях возможны и позитивные реакции (Singer, 1997). Реакции человека на такие расхождения определя-

ются ощущением им угрозы для своего «я».

О том, что принцип соответствия и несоответствия ценностей относится также и к нормативным представлениям (это понятие во многом сходно с используемым здесь понятием идентичности, то есть стандартом идентичности), свидетельствуют данные, полученные Скарабисом (Scarabis, 1997). В его исследовании группе респондентов (учащимся) предъявлялась информация, соответствовавшая или не соответствовавшая их материально-экономическим стандартам (введение платы за обучение), которая вызывала ожидаемые реакции (негативность при несоответствии, позитивность при соответствии). Другой группе респондентов (учащимся педагогических курсов) предъявлялись совпадающие или не совпадающие с их представлениями идеально-символические требования (провести школьный урок, основываясь на принципе интеграции или достижения), при этом также наблюдались соответствующие эффекты.

Однако до сих пор ни теоретически, ни эмпирически не изучалась ситуация, где чужие группы характеризуются противоречивостью по отношению к собственным стандартам идентичности из различных сфер (то есть экономической или идеальной), и вызываемыми ими амбивалентными реакциями. В исследовании эффектов «реальных» и «символических» угроз, проведенном В. Дж. Стивенсом, Мартином, Эссесом и К. В. Стивенсом, в ходе эксперимента оба вида угрозы комбинировались друг с другом (W. G. Stephan, Martin,

Esses, C. W. Stephan, 2000). Однако в качестве зависимой переменной рассматривались только негативные оценки, а потому в отношении амбивалентных реакций эта работа остается неинформативной. С учетом очерченных здесь подходов к изучению установок и отношений между группами мы предполагаем, что в последнем отмеченном случае может наблюдаться амбивалентность. Мы не считаем, что воспринимаемая идеально-символическая или материально-экономическая угроза придает суждению воспринимающего человека исключительно негативную направленность, если чужая группа имеет также и позитивные качества.

В данном исследовании проверяется, будут ли у воспринимающего человека возникать амбивалентные реакции, если он обнаруживает расхождение с собственной идентичностью в одной сфере поведения чужой группы и, вместе с тем, совпадение в другой. Основную гипотезу можно выразить таким образом: наиболее явные различия в степени амбивалентности следует ожидать при сравнении случаев, когда с объектом суждения не связаны представления, важные для ощущения человеком своей идентичности, со случаями, когда суждение вступает в противоречие со стандартами, относящимися к обеим областям идентичности. В том случае, если стандарты идентичности касаются обоих классов стандартов и условия их проявления противоречивы (совпадение одних стандартов и расхождение других), амбивалентность будет наиболее сильной.

Метод

План исследования. В основу проверки сформулированных выше предположений был положен экспериментальный план 3×3 (отношение к идеально-символическим стандартам: отсутствие – непротиворечивое – отличающееся; отношение к материально-экономическим стандартам: отсутствие – непротиворечивое – отличающееся).

Операционализация плана исследования. В ходе эксперимента испытуемых снабжали информацией о вымышленной группе. При этом постоянным оставалось описание этой группы как Международного союза студентов, *Society of International Studies (SIS)*, который якобы проявляет инициативу, чтобы в немецкие университеты (в том числе в Мюнстере) приезжали иностранные студенты. В соответствии с планом исследования с содержательной стороны пребывание иностранных студентов связывалось с различными последствиями, которые совпадали или не совпадали со стандартами студентов или этих стандартов никак не касались. С этой целью в рамках предварительного исследования в общей сложности 89 студентам предлагалось оценить отдельные высказывания (Bronsting, 2000; Mersch, 2000). При этом испытуемых просили указать, принадлежат ли к каким-либо областям идентичности – идеально-символической или материально-экономической – те или иные высказывания (например: «Учащиеся в любое время должны иметь возможность пользо-

ваться Интернетом института» или «Преподаватели должны делать все для пользы учащихся»). Испытуемым также давалось несколько более конкретных высказываний, которые нужно было оценить с точки зрения их совместимости с общими стандартами идентичности (например: «Введение оплаты три немецких марки за час пользования институтским Интернетом»).

Чтобы сформулированное в виде требования высказывание можно было рассматривать в качестве стандарта студентов, был установлен критерий: по меньшей мере 80% опрошенных людей должны были дать совпадающую оценку. В качестве несущественной информации для контрольной группы выбирались такие высказывания, где, по мнению большинства опрошенных, ни о каких требованиях речь не шла. Для оценки того, позитивно или негативно относятся сообщенная информация к выявленным стандартам, требовалось, чтобы по меньшей мере 75% опрошенных людей указали, что описанная ситуация соответствует их стандарту или его нарушает. Таким способом были идентифицированы по два высказывания, которые можно рассматривать как совпадающие или как не совпадающие с символическими или материальными стандартами идентичности у учащихся. В качестве не имеющих отношения к идентичности были выделены четыре информационные единицы. Следующие примеры иллюстрируют содержание этих высказываний:

Высказывания, не имеющие отношения к идентичности (иррелевантные):

Чтобы обеспечить встречу гостей, обучающихся разным специальностям, руководители институтов предоставляют в их распоряжение различные помещения. Эти и другие организационные задачи координируются лицами, отвечающими за размещение студентов, по взаимной договоренности, чтобы в течение семестра можно было следовать планам использования помещений.

Чтобы удовлетворять различные кулинарные пристрастия студентов, все столовые и кафетерии пополняют свой ассортимент в течение двухлетней испытательной фазы. Таким образом, гостящие студенты независимо от своего местопребывания в любое время смогут следить за своим питанием.

Расхождение с материально-экономическими стандартами (материальная неконгруэнтность):

Финансирование проекта базируется на установленном плане расходов. При этом часть из них покрывается SIS, тогда как другую часть оплачивает принимающая сторона. Поэтому во время двухлетней испытательной фазы для всех студентов города Мюнстера будет поднята цена на семестровый билет. Это изменение не имеет никакого влияния на дальность действия билета, которая остается прежней.

Чтобы создать дополнительные возможности для финансирования

проекта, устанавливается плата 5 марок в час за пользование университетским Интернетом, которое раньше было бесплатным. Все пользователи должны будут расплачиваться по системе чип-карт.

Совпадение с идеально-символическими стандартами (символическая конгруэнтность):

Во время пребывания гости представляют критерии, по которым можно будет регулярно и систематически оценивать преподавательскую и научную деятельность наших профессоров. Система оценки введена уже во время испытательной фазы, и это позволит постоянно оценивать качество преподавания наших профессоров, а результаты оценки будут регулярно публиковаться.

В сотрудничестве с соответствующими объединениями специалистов находящиеся в гостях студенты осуществляют программу интеграции, которая включает в себя различные мероприятия. Наряду с интеграцией членов SIS эти мероприятия должны предоставить возможность местным студентам устанавливать личные контакты с гостями, которые уже в фазе испытания могут использоваться для собственных поездок за границу.

Комбинируя эти виды информации, можно создать девять экспериментальных условий, полностью репрезентирующих план исследования².

² Полные материалы, относящиеся ко всем условиям, можно получить у авторов.

Основное исследование. В основном исследовании приняли участие 277 студентов Вестфальского университета им. Вильгельма (г. Мюнстер). Частично они были набраны на учебных занятиях, частично – в студенческих общежитиях. Обработка анкет занимала примерно 25 минут. 67,9% выборки были женщины, 31,4% – мужчины, остальные 5 человек никаких сведений о себе не сообщили. Во время исследования 204 человека (73,6%) учились на 1–4-м семестре, остальные – на старших курсах.

Измерение зависимых переменных. Субъективная амбивалентность. Степень субъективно ощущавшейся амбивалентности оценивалась с помощью немецкоязычной версии шкалы амбивалентности теста ВЕАМс (Cacioppo et al., 1997). Испытуемые оценивали шесть прилагательных (*конфликтный, противоречивый, запутанный, раздвоенный, напряженный, неразборчивый*) с точки зрения того, в какой степени они описывают систему оценок и ощущения по отношению к объекту установки (от 1 = вообще нет до 5 = в крайней); α Кронбаха шкалы, равная 0,86, свидетельствует о ее надежности. Интенсивность субъективно ощущавшейся амбивалентности оценивалась каждым человеком по шести пунктам.

Результаты. Тестовые анализы. Поскольку в данном исследовании впервые использовался немецкоязычный адаптированный вариант теста ВЕАМс, был проведен разного рода анализ, чтобы получить качественные психометрические показатели. С этой

целью, кроме шкалы амбивалентности, также использовались разработанные Качиоппо и др. шкалы позитивности и негативности³ (Cacioppo, et al., 1997).

Шкала негативности. Негативная оценка измерялась с помощью немецкоязычной версии шкалы негативности (форма В) из теста ВЕАМс (α Кронбаха = 0,91). Используя метод отдельных биполярных шкал Каплана (Kaplan, 1972), испытуемых просили думать только о негативных ощущениях и оценках по отношению к объекту установки. Затем они должны были оценить восемь прилагательных (*недоброжелательный, нерадостный, непривлекательный, неприятный, отвергающий, карающий, шокирующий, неподобающий*) с точки зрения того, в какой степени они описывают их собственные оценки и ощущения по отношению к объекту установки (от 1 = вообще нет до 5 = в крайней).

Шкала позитивности. Для измерения позитивной оценки использовалась немецкоязычная версия шкалы позитивности (форма В) из теста ВЕАМс, которая по своему формату аналогична шкале негативности (пункты: *позитивный, счастливый, желательный, симпатичный, дружелюбный, хороший, привлекательный, удовлетворяющий*; α Кронбаха = 0,87).

Помимо анализа внутренней непротиворечивости отдельных подшкал, был проведен факторный анализ всех пунктов трех шкал. В отличие от анализа главных компонент, проведенно-

³ Перевод шкал был выполнен Ральфом Шульце.

го при оценке английской версии теста BEAMs (Cacioppo et al., 1997), здесь применялись другие методы, которые более пригодны для анализа BEAMs как инструмента для измерения трех латентных переменных – «позитивности», «негативности» и «амбивалентности». Исходя из предположения, что

с помощью двадцати двух в общей сложности пунктов оцениваются три латентные переменные, которые потенциально между собой коррелируют, был проведен анализ главной оси с наклонным вращением (Oblimin, $\delta = 0$). Для оценки количества связанных с 22 пунктами факторов были исполь-

Таблица 1. Матрица вращения факторов (модели и структуры)

	Факторы		
	негативность	позитивность	амбивалентность
Недоброжелательный	0,737 (0,811)	(-0,471)	(0,412)
Нерадостный	0,741 (0,850)	(-0,480)	(0,505)
Неприятный	0,726 (0,819)	(-0,409)	(0,515)
Непривлекательный	0,411 (0,506)	(-0,469)	
Отвергающий	0,756 (0,850)	(-0,497)	(0,460)
Карающий	0,738 (0,675)		
Шокирующий	0,690 (0,661)		
Неподобающий	0,747 (0,836)	(-0,448)	(0,487)
Счастливый		0,686 (0,609)	
Желанный	(-0,553)	0,582 (0,725)	(-0,419)
Симпатичный	(-0,440)	0,619 (0,694)	
Дружелюбный		0,610 (0,640)	
Хороший	(-0,473)	0,613 (0,704)	
Привлекательный		0,628 (0,600)	
Позитивный	(-0,574)	0,638 (0,774)	(-0,386)
Удовлетворяющий		0,591 (0,591)	
Противоречивый			0,697 (0,702)
Конфликтный	(0,464)		0,643 (0,717)
Запутанный			0,693 (0,681)
Раздвоенный			0,833 (0,805)
Напряженный	(0,420)		0,696 (0,747)
Неразборчивый			0,603 (0,594)

Примечание. Значения, приведенные в скобках, соответствуют структурным коэффициентам. Абсолютные значения < 0,35 не указаны.

Таблица 2. Корреляции между факторами (и шкалами) теста BEAMs

	Позитивность	Негативность	Амбивалентность
Позитивность		-0,451	-0,289
Негативность	-0,589		0,463
Амбивалентность	-0,368	0,513	

Примечание. Корреляции факторов указаны над диагональю, корреляции шкальных значений – под диагональю.

зованы критерий Кайзера-Гутмана, Scree-Plot и параллельный анализ по Хёрну (Hörn, 1965). По всем трем критериям были выделены три одинаковых фактора. Матрица вращения трех факторов (модели и структуры) приводится в табл. 1.

В табл. 1 отчетливо видна предполагаемая схема факторов BEAMs. Пункты общей шкалы получают наибольшую нагрузку в общем факторе и нигде не обнаруживают существенной двойной нагрузки. Уже на основе структурных коэффициентов по сравнению с нагрузками можно определить, что вращение привело к появлению коррелирующих факторов. В табл. 2 показаны интеркорреляции факторов, а также те три шкалы (позитивность, негативность, амбивалентность), которые получились на основе суммации пунктов.

О паттерне корреляций между шкалами, соответствующем значениям, которые приведены в табл. 2, сообщал также Качиоппо (Cacioppo et al., 1997). Основываясь на полученных значениях, можно говорить о том, что корреляции между шкалами в целом соответствуют корреляциям между факторами. Если при этом учесть, что оценки значений факторов во всех случаях

коррелируют с суммарными значениями шкал на уровне выше 0,99, то представляется правомерным в дальнейшем использовать суммарные значения в качестве эквивалентных показателей. На основании корреляций, приведенных в табл. 2, становится также очевидной близость амбивалентности к негативности в противоположность позитивности. Этот результат также согласуется с данными, о которых уже сообщалось в специальной литературе (Cacioppo et al., 1997). Таким образом, приведенные результаты можно рассматривать как первые свидетельства того, что удалось сделать адекватный перевод теста BEAMs, и, следовательно, шкала амбивалентности пригодна для оценки зависимых переменных.

Субъективная амбивалентность в зависимости от отношения признаков SIS к собственным стандартам.

В табл. 3 представлены результаты ANOVA с зависимыми переменными субъективной амбивалентности и постоянных факторов отношения к символической и материальной идентичности. Был выявлен основной эффект (на уровне пограничной достоверности) для первого фактора, а также эф-

Таблица 3. ANOVA для эффектов вариаций связи с идентичностью на субъективно ощущаемую амбивалентность

Источник	df	F	Sig.
Связь с символической идентичностью	2	2,75	0,066
Связь с материальной идентичностью	2	7,84	0,000
Символическая × материальная	4	4,15	0,003
Ошибка	266		

фект (на уровне высокой достоверности) для фактора «отношение к материальной идентичности». Предполагавшийся эффект взаимодействия достоверен на уровне $p < 0,005$.

Характер наблюдаемых эффектов иллюстрирует рис. 1, на котором изображены средние значения выраженности субъективной амбивалентности для отдельных экспериментальных условий. Можно увидеть, что в соответствии с ожиданиями в условиях противоречивого отношения к идентичности (совпадение со стандартами идентичности в символической сфе-

ре – расхождение в материальной; расхождение в символической сфере – совпадение в материальной) степень субъективной амбивалентности оказывается наивысшей.

Статистическая значимость наблюдаемых различий средних значений между разными условиями проверялась с помощью метода Post-hoc-контрастов (Tukey HSD). Оба условия противоречивости достоверно отличаются при вероятности ошибки 5% от контрольного условия (отсутствие отношения к стандартам идентичности в символической сфере – отсутствие отно-

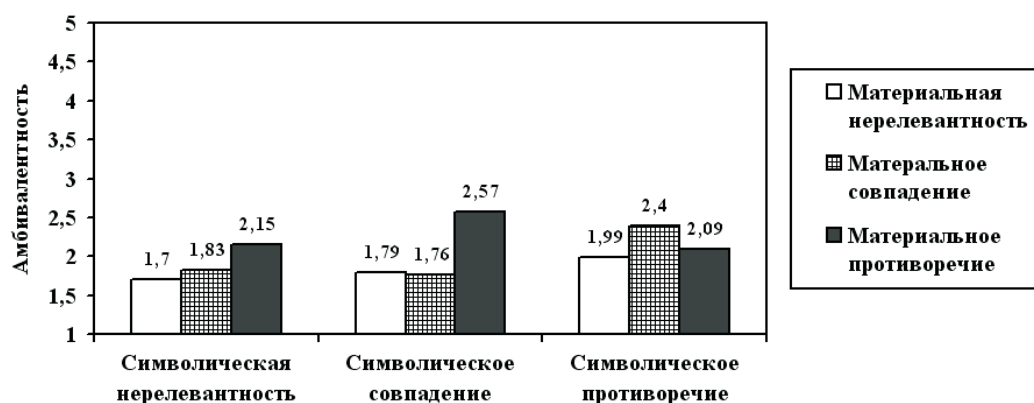

Рис. 1. Субъективная амбивалентность в зависимости от сочетаний символического и материального аспектов идентичности

шения к стандартам идентичности в материальной сфере), при котором наблюдаемая степень субъективной амбивалентности может рассматриваться в качестве базовой линии: контрольное условие или совпадение со стандартами идентичности в символической сфере – несовпадение в материальной, $p < 0,001$, одностороннее; контрольное условие или несовпадение со стандартами идентичности в символической сфере – совпадение в материальной, $p < 0,03$, одностороннее. В критических условиях с противоречивыми инструментальными отношениями значения достоверно друг от друга не отличаются ($p < 0,50$, одностороннее). Различия между условиями противоречивости

по отношению к другим экспериментальным условиям иллюстрирует табл. 4.

Субъективная амбивалентность в обоих условиях противоречивости достоверно не отличается от обоих условий, в которых вымышленная группа характеризовалась требованиями, не совпадающими со стандартами идентичности в материальной сфере (в сочетании с информацией, либо не имеющей отношения к символической сфере, либо противоречащей соответствующим ей стандартам). Кроме того, условие «расхождение со стандартами идентичности в символической сфере – совпадение в материальной сфере» не отличается от условия «расхождение со

Таблица 4. Разность средних значений и статистическая достоверность для обоих условий противоречивости по отношению к другим условиям эксперимента

	Совпадение со стандартами идентичности в символической сфере – расхождение в материальной		Расхождение со стандартами идентичности в символической сфере – совпадение в материальной	
	разность средних значений	достоверность	разность средних значений	достоверность
Совпадение в символической сфере – отсутствие отношения к материальной сфере	0,78	0,001	0,61	0,030
Несовпадение в символической сфере – отсутствие отношения к материальной сфере	0,57	0,040	0,41	0,259
Совпадение в символической сфере – совпадение в материальной сфере	0,81	0,001	0,65	0,018
Отсутствие отношения к символической сфере – несовпадение в материальной сфере	0,41	0,251	0,25	0,478
Несовпадение в символической сфере – несовпадение в материальной сфере	0,47	0,126	0,31	0,414
Отсутствие отношения к символической сфере – совпадение в материальной сфере	0,73	0,004	0,57	0,058

стандартами идентичности в символической сфере – отсутствие отношения к материальной сфере».

Обсуждение

Результаты исследования соответствовали предварительным ожиданиям. В том случае, когда характеристики чужой группы обнаруживают связь с собственными идеально-символическими и материально-экономическими стандартами человека, и они совпадают с одними стандартами и вместе с тем не совпадают с другими, амбивалентность ощущается гораздо сильнее, чем в том случае, если эти характеристики не имеют отношения к идентичности или не противоречат друг другу. Очевидно, что чужие группы не оцениваются исключительно негативно при любой воспринимаемой угрозе собственной идентичности. Поэтому по сравнению с работой Стивена и др. (Stephan et al., 2000) становится несомненной полезность таких форматов измерения установок в межгрупповых исследованиях, где респондентам предоставляется возможность выразить конфликтные тенденции при оценке. В приведенном здесь исследовании амбивалентность оценивалась на основе данных самоотчета, по соответствующей шкале теста BEAMs (Cacioppo et al., 1997). Результаты проведенного анализа рассматривались в качестве первых указаний на доброкачественность немецкого перевода.

Следует констатировать, что в большинстве случаев, когда испытуемым давалась информация, противоречив-

шая стандартам идентичности, они реагировали амбивалентными чувствами. С точки зрения гипотезы о противоречивости, отстаиваемой в современных концепциях установки, объяснить это сразу нельзя. Однако этот результат соответствует гипотезам, выдвинутым Шефером и Шлёдером в рамках разрабатываемой ими модели чуждости (Schäfer, Schlöder, 1994; Schäfer, 1998). В данном исследовании уровень знания во всех условиях постоянно оставался незначительным. Поэтому условия, в которых из относящихся к идентичности сведений известны только такие, которые указывают на несовпадение с собственными стандартами, могут рассматриваться как случаи переживания чужого (незнакомое и расходящееся с идентичностью), где, согласно ступенчатой модели восприятия чужого, ожидается возникновение субъективной амбивалентности. Кроме того, этот результат согласуется с концепциями, разработанными в рамках теории установки, например, с концепцией ESM Качиоппо и Бернтсона (Cacioppo, Berntson 1994; Cacioppo et al., 1997). В ней постулируется, что активированная негативность, которая должна возникать в случае противоречивой информации, в большей степени способствует возникновению амбивалентности, чем позитивность. Однако прежде чем можно будет сделать далеко идущие выводы, выявленные эффекты должны быть сначала воспроизведены в других экспериментальных условиях или на других выборках.

Касаясь оценки сформулированных выше предположений, остается прояс-

нить, не вызывает ли противоречивая информация – независимо от того, идет ли речь об относящихся или не относящихся к идентичности сведениях – всегда амбивалентные реакции (Scarabis, данный номер журнала). Это соответствовало бы общей гипотезе, известной из исследования установок, о том, что возникновение амбивалентности объясняется исключительно структурными характеристиками (противоречивостью) знаний, используемых при оценке. В противоположность этому, согласно представленной выше концепции расхождения с идентичностью, в качестве условия возникновения амбивалентности – наряду с противоречивостью – рассматривается значение соответствующих стандартов для самоопределения человека. Предполагается, что в том случае, когда чужая группа, хотя и наделяется неоднозначными характеристиками, но они не столь значимы (то есть не относятся к стандартам идентичности), возникает гораздо более слабая амбивалентность. В соответствующем эмпирическом исследовании такую ситуацию, в которой противоречивыми являются несущественные характеристики, можно было бы противопоставить другой ситуации, в которой противоречивость относится к стандартам идентичности.

При условии, что противоречащие идентичности характеристики чужой группы известны, в дальнейшем необходимо проверить, возникает ли амбивалентность также и в том случае, когда противоречивая информация относится к стандартам из одной области идентичности (например, од-

новременно совпадение и несовпадение со стандартами идентичности в материальной сфере). В соответствии с нашей моделью мы бы предположили, что амбивалентность возникнет и в этих случаях, тогда как в рамках других подходов (Fishbein, Ajzen, 1975), предполагается, что такая противоречивость оценок устраняется, например, благодаря мультиатрибутивной компенсаторной стратегии принятия решений. Случай, рассмотренный в данном исследовании (противоречивость в отношении стандартов из двух областей идентичности), ставит под сомнение универсальность стратегии подсчетов всех плюсов и минусов, поскольку речь здесь идет не просто о противоречивости, а о несоизмеримости (Tetlock, Peterson, Lerner, 1996).

Из характеристики материально-экономических стандартов как представлений, которые проясняют значение ценностей, то есть вытекают из них и могут ими обосновываться, возникает еще одна постановка вопроса, нуждающаяся в эмпирическом исследовании. В работах, где используется концепция «экономической угрозы» как детерминанты отвержения членов чужих групп (Esses et al., в печати; W.G. Stephan et al., 1998; Van Dijk, 1987), в качестве важного признака экономической угрозы единодушно отмечается воспринимаемая конкуренция, связанная с ограниченными ресурсами («zero-sum-beliefs», Esses et al.). Однако согласно вышеизложенной концепции идентичности, такое восприятие конкуренции не является обязательным условием для расхождения с идентичностью, связанной с ма-

териально-экономическими стандартами. Оно может возникнуть тогда, когда ставятся под сомнение относящиеся к идентичности притязания на собственность, даже если не ясно, кто от этого выиграет. Поскольку эффекты непосредственной конкуренции из-за рабочих мест и других ресурсов могут считаться вполне доказанными, в рамках концепции стандартов идентичности желательно эмпирически изучить именно такие случаи, в которых восприятия конкуренции не существует, однако ставятся под сомнение собственные материальные притязания в связи с более высокими по рангу ценностями других людей. В работе Скарабиса (Scarabis, 1997), как уже отмечалось, студенты сталкивались с противоположными для них мнениями по вопросу о введении платы за обучение (то есть с требованием платить за учебу). Эта информация связывалась с группами, которые не получали непосредственной выгоды от такого перераспределения материальных ресурсов, и имела отношение к аргументации правовых аспектов. Несмотря на

отсутствие конкуренции, отчетливо проявились негативные реакции по отношению к вымышленным группам.

Подводя итоги, можно констатировать, что данное исследование свидетельствует о пригодности концепции расхождения с идентичностью для предсказания оценочных реакций на чужие группы.

От авторов

Адрес для корреспонденции:

Martin Scarabis, Psychologisches Institut IV, Westfälische Wilhelms-Universität Münster, Fliednerstr. 21, D-48149 Münster.

E-Mail: scarabis@psy.uni-muenster.de

Мы благодарим Карин Бронстеринг и Аню Мерш за поддержку при планировании и проведении этого исследования.

Некоторые изложенные в данной статье результаты были представлены на 42-м конгрессе Немецкого общества психологии (Scarabis, Schulze, Bronstering, Mersch, 2000).

Литература

- Bargh, J. A., Chaiken, S., Govender, R., & Pratto, F. (1992). The generality of the automatic attitude effect. *Journal of Personality and Social Psychology*, 62, 839-912.
- Biernat, M., Vescio, T. K. & Theno, S. A. (1996). Violating American values: A «value congruence» approach to understanding outgroup attitudes. *Journal of Experimental Social Psychology*, 32, 387-410.
- Breckler, S. J. (1994). A comparison of numerical indexes for measuring attitude ambivalence. *Educational and Psychological Measurement*, 54, 350-365.
- Brömer, P. (1999). *Informationsverarbeitung bei ambivalenten Einstellungen*. Regensburg: Roderer.
- Bronstering, K. (2000). *Ambivalenz, Indifferenz oder Valenz – Untersuchung über die Wirkung fremder ökonomischer und symbolischer Standards auf die Einstellung*. Münster: Unveröffentlichte Diplomarbeit.

- Byrne, D. (1969). Attitudes and attraction. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 4, pp. 35-89). San Diego: Academic Press.
- Cacioppo, J. T., & Berntson, G. G. (1994). Relationship between attitudes and evaluative space: A critical review, with emphasis on the separability of positive and negative substrates. *Psychological Bulletin*, *115*, 401-423.
- Cacioppo, J. T., Gardner, W. L. & Berntson, G. G. (1997). Beyond bipolar conceptualizations and measures: The case of attitudes and evaluative space. *Personality and Social Psychology Bulletin*, *1*, 3-25.
- Conner, M., Sherlock, K. & Orbell, S. (1998). Psychosocial determinants of ecstasy use in young people in the UK. *British Journal of Health Psychology*, *3*, 295-317.
- DeRidder, R. & Tripathi, R. C. (1992) (Eds.). *Norm violation and intergroup relations*. Oxford: Clarendon Press.
- Esses, V. M., Haddock, G. & Zanna, M. P. (1993). Values, stereotypes, and emotions as determinants of intergroup attitudes. In D. M. Mackie & D. L. Hamilton (Eds.), *Affect, cognition, and stereotyping: Interactive processes in group perception* (pp. 137-166). San Diego: Academic Press.
- Esses, V. M., Jackson, L. M, Nolan, J. M. & Armstrong, T.L. (in press). Economic Threat and Attitudes Toward Immigrants. To appear in S. Halli & L. Drieger (Eds.), *Immigrant Canada: Demographic, economic and social challenges*. Toronto: University of Toronto Press.
- Fishbein, M., & Ajzen, I. (1975). Belief, attitude, intention, and behavior: An introduction to theory and research. Reading: Addison-Wesley.
- Gaertner, S. L. & Dovidio, J. F. (1986). The aversive form of racism. In J. F. Dovidio & S. L. Gaertner (Eds.), *Prejudice, discrimination, and racism* (pp. 61-89). New York: Academic Press.
- Greenberg, J., Solomon, S. & Pyszczynski, T. (1997). Terror management theory of self-esteem and cultural worldviews: Empirical assessments and conceptual refinements. In M. P. Zanna (Ed.), *Advances in Experimental Social Psychology* (Vol. 29, pp. 61-139). New York: Academic Press.
- Haddock, G., Zanna, M. P. & Esses, V. M. (1994). The (limited) role of trait-laden stereotypes in predicting attitudes toward Native peoples. *British Journal of Social Psychology*, *33*, 83-106.
- Horn, J. L. (1965). A rationale and test for the number of factors in factor analysis. *Psychometrika*, *20*, 179-185.
- Jonas, K., Diehl, M. & Brömer, P. (1997). Effects of attitudinal ambivalence on information processing and attitude-intention consistency. *Journal of Experimental Social Psychology*, *33*, 190-210.
- Kaplan, K. (1972). On the ambivalence-indifference problem in attitude theory and measurement: A suggested modification of the semantic differential technique. *Psychological Bulletin*, *77*, 361-372.
- Katz, I. (1981). *Stigma: A social psychological analysis*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum.
- Katz, I., Wackenhut, J. Hass, R. G. (1986). Racial ambivalence, value duality, and behavior. In J. F. Dovidio & S. F. Gaertner, (Eds.), *Prejudice, discrimination, and racism* (pp. 35-59). Orlando: Academic Press.
- Lea, M. & Duck, S. (1982). A model for the role of similarity of values in friendship development. *British Journal of Social Psychology*, *21*, 301-310.
- Maio, G. R., Bell, D. W. & Esses, V. M. (1996). Ambivalence and persuasion: The processing of messages about immigrant groups. *Journal of Experimental Social Psychology*, *32*, 513-536.
- Maio, G. R., Esses, V. M. & Bell, D. W. (1994). The Formation of Attitudes Toward New Immigrant Groups. *Journal of Applied Social Psychology*, *24*, 1762-1776.

- McConahay, J. B. (1986). In J. F. Dovidio & S. L. Gaertner (Eds.), *Prejudice, discrimination, and racism* (pp. 91-125). New York: Academic Press.
- Mersch, A. (2000). *Affektive Reaktionen als Folge wahrgenommener Bereicherung oder Bedrohung der Eigenheit*. Münster: Unveröffentlichte Diplomarbeit.
- Moore, M. (1973). Ambivalence in attitude measurement. *Educational and Psychological Measurement*, 33, 481-483.
- Moore, M. (1980). Validation of the Attitude Toward Any Practice scale through the use of ambivalence as a moderator variable. *Educational and Psychological Measurement*, 40, 205-208.
- Osgood, C. E., Suci, G. J. & Tannenbaum, P. H. (1957). *The measurement of meaning*. Urbana: University of Illinois Press.
- Priester, J. R. & Petty, R. E. (1996). The gradual threshold model of ambivalence: Relating the positive and negative bases of attitudes to subjective ambivalence. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71, 431-449.
- Rokeach, M., Evans, R. I & Smith, P. W. (1960). Two kinds of prejudice or one. In M. Rokeach (Ed.), *The open and the closed mind* (pp. 132-168). New York: Basic Books.
- Scarabis, M. (1997). *Identitätsdiskrepanz, Potenz und die Erfahrung des Anderen*. Münster: Unveröffentlichte Diplomarbeit.
- Scarabis, M. (dieses Heft). Wertinkonsistenz, Wertkonflikt und Ambivalenz.
- Scarabis, M., Schulze, R., Bronstoring, K. & Mersch, A. (2000). *Der Einfluß ökonomischer und symbolischer Identitätsdiskrepanzen auf die affektiv-evaluativen Reaktionen gegenüber Fremden*. Beitrag zum 42. Kongreß der Deutschen Gesellschaft für Psychologie, Jena.
- Schäfer, B. (1998). Bedingungen der Ambivalenz sozialer Einstellungen. In K.C. Klauer & H. Westmeyer (Hrsg.), *Psychologische Methoden und soziale Prozesse* (S. 372-400). Lengerich: Pabst.
- Schäfer, B., Scarabis, M. & Schlöder, B. (dieses Heft). Identität, Wissen, Ambivalenz – Ein sozialpsychologisches Modell der Erfahrung des Fremden.
- Schäfer, B. & Schlöder, B. (1990). Nationalbewußtsein als Aspekt sozialer Identität. In P. Leidinger & D. Metzler (Hrsg.), *Geschichte und Geschichtsbewußtsein. Festschrift Karl-Ernst Jeismann zum 65. Geburtstag* (S. 309-348). Münster: Institut für Didaktik der Geschichte.
- Schäfer, B. & Schlöder, B. (1994). Identität und Fremdheit. Sozialpsychologische Aspekte der Eingliederung und Ausgliederung des Fremden. *Jahrbuch für Christliche Sozialwissenschaft*, 35, 69-87.
- Schwartz, S. H. (1996). Value priorities and behavior: applying a theory of integrated value systems. In C. Seligmann, J. M. Olson & M. P. Zanna (Eds.), *The Psychology of Values: The Ontario Symposium* (Volume 8, pp. 1-24). Mahwah: Lawrence Erlbaum.
- Sherif, M. (1966). *Group conflict and cooperation. Their social psychology*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Singer, M. S. (1997). Socioeconomic impacts of new Asian business immigrants: A study of the expectations of European New Zealanders. *International Journal of Intercultural Relations*, 21, 447-457.
- Stephan, W. G., Martin, T., Esses, V. M. & Stephan, C. W. (2000). *The effects of realistic and symbolic threats on attitudes toward immigrants*. Unpublished manuscript, New Mexico State University.
- Stephan, W. G. & Stephan, C. W. (1996). Predicting Prejudice. *International Journal of Intercultural Relations*, 20, 409-426.
- Stephan, W. G., Ybarra, O., Martinez, C.-M., Schwarzwald, J. & Tur-Kaspa, M. (1998). Prejudice towards immigrants to Spain and Israel: An intergrated threat theory analysis. *Journal of Cross Cultural Psychology*, 29, 559-576.

- Sutter, J. A. & McCaul, E. J. (1993). Issues in cross-cultural counselling: An examination of the meaning and dimensions of tolerance. *International Journal for the Advancement of Counselling*, 16, 3-18.
- Tetlock, P. E., Peterson, R. S. & Lerner, J. S. (1996). Revising the value pluralism model: Incorporating social content and context postulates. In C. Seligman, J. M. Olson & M. P. Zanna (Eds.), *The psychology of values: The Ontario symposium* (Vol. 8, pp. 25-51). Mahwah: Lawrence Erlbaum.
- Thompson, M. M., & Zanna, M. P. (1995). The conflicted individual: Personality-based and domain-specific antecedents of ambivalent social attitudes. *Journal of Personality*, 63, 259-288.
- Thompson, M. M., Zanna, M. P., & Griffin, D. W. (1995). Let's not be indifferent about (attitudinal) ambivalence. In R. E. Petty & J. A. Krosnick (Eds.), *Attitude Strength: Antecedents and consequences* (pp. 361-386). Mahwah: Lawrence Erlbaum.
- Thurstone, L. L. (1931). The measurement of social attitudes. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 26, 249-269 (Nachdruck in M. Fishbein (Ed.) 1967. Readings in attitude theory and measurement. New York: Wiley. S. 14-25.).
- Vallacher, R. R., Nowak, A. & Kaufman, J. (1994). Intrinsic dynamics of social judgment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67, 20-34.
- Van Dijk, T. A. (1987). *Communicating Racism. Ethnic Prejudice in Thought and Talk*. Newbury Park: Sage.
- Zaller, J. & Feldman, S. (1992). A simple theory of the survey response: Answering questions versus revealing preferences. *American Journal of Political Science*, 36, 579-616.
- Zick, A. (1997). *Vorurteile und Rassismus – eine sozialpsychologische Analyse*. Münster: Waxmann.

ВОСПРИЯТИЕ ЧУЖОГО КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ АМБИВАЛЕНТНЫХ ЧУВСТВ

М. СКАРАБИС, Н. БАЛИНГХОРСТ, Р. ШУЛЬЦЕ, Б. ШЕФЕР

Мартин Скарабис (Martin Scarabis) – научный ассистент в группе проф. Шефера в Университете Мюнстера. Интересуется проблемой обработки социальной информации, амбивалентности отношений, автоматическими ассоциациями и скрытыми аттитюдами. Занимается приложением социально-психологических знаний к области исследования рынка, маркетинга и пищеобеспечивающего поведения. Получил диплом психолога в Университете Мюнстера в 1997 г., Ph.D. – в 2001 г. Является членом Общества по изучению личности и социальной психологии.

Николь Балингхорст (Nicole Bahlinghorst) получила диплом психолога в 2001 г. в Мюнстере. В ее дипломной работе исследовалась проблема амбивалентного отношения к иностранцам. Сейчас она продолжает обучение как психотерапевт.

Ральф Шульце (Ralf Schulze) – научный ассистент в Психологическом институте г. Мюнстера. Его научные интересы лежат в области социальной психологии, индивидуальных различий, личности и исследовательских методов. Свой диплом психолога Ральф Шульце получил в Университете Манхейма в 1995 г. С 1997г. – в группе проф. Шефера в Мюнстерском университете. В настоящее время работает над книгой о развитии и применении мета-анализа.

Бернд Шефер (Bernd Schäfer) – профессор психологии (full professor for psychology), работает в области социальной психологии в Институте психологии IV при Вестфальском университете Вильгельма в г. Мюнстер, Германия (Westfälische Wilhelms-University). Он изучал психологию и социологию в университетах Вены, Бонна, Кельна и Праги с 1963 по 1968 г. Степень доктора философии (Ph.D.) получил в 1971 г. и занял полный профессорский пост в Мюнстере в 1976 г. после habilitation в Бонне. Его основные интересы лежат в области социальных аттитюдов, стереотипов и предубеждений.

Резюме

В данной статье чужое понимается с точки зрения ступенчатой модели Шефера и Шлёдера как сочетание неполной известности и испытанности, с одной стороны, и расхождения с идентичностью – с другой (Schäfer, Schlöder, 1994; Schäfer, Scarabis, Schlöder, данный номер журнала).

В экспериментальном исследовании у испытуемых целенаправленно создавалось ощущение чужого и выявлялось возникновение амбивалентных чувств, количественно оценивавшихся с помощью немецкоязычной версии теста BEAMs (Cacioppo, Gardner, Bernston, 1997). Как и ожидалось, в создаваемых условиях испытуемые реагировали на чужое интенсивными амбивалентными чувствами.

Амбивалентность, двойственность чувств, считается характерным выражением переживания чужого (Baumann, 1992; Graumann, 1997; Hahn, 1993; Nassehi, 1995; Schäffter, 1991). До сих пор это предположение эмпирически не проверялось (за исключением работы Шефера [Schäfer, 1998]), поскольку, с одной стороны, не существовало психологически релевантной модели чужого, а с другой стороны, амбивалентности аффективно-оценочных реакций и их измерению только с недавних пор стало уделяться повышенное внимание (Bargh, Chaiken, Govender, Pratto, 1992; Breckler, 1994; Brömer, 1999; Gönner, Sherlock, Orbell, 1998; Jonas, Diehl, Brömer, 1997; Maio, Esses, Bell, 1994; Moore, 1973; 1980; Priester, Petty, 1996; Thompson, Zanna, Griffin, 1995; Vallacher, Novak, Kaufman, 1994). Концепция чужого разрабатывается Шефером и Шлёдером с целью понять особенности восприятия чужого и суметь предсказать соответствующие реакции (Schäfer, Schlöder, 1994; Schäfer, 1998; Schäfer, Scarabis, Schlöder, данный номер журнала). При этом под чужим в узком смысле понимаются такие люди, объекты и данно-

сти, которые для воспринимающего человека из-за недостающего (пока еще) знания имеют непонятное отношение к его собственным стандартам идентичности. В результате недостаточности знания об объекте и его отношения к идентичности индивида под сомнение ставится его собственная идентичность. Следовательно, чужое понимается как сочетание обычно недостаточного знания о нем с одновременно воспринимаемым расхождением позиций чужого с собственными представлениями о том, что правильно или неправильно, хорошо или плохо (от стандартов идентичности). Такое переживание чужого рассматривается как важный фактор возникновения амбивалентных, противоречивых чувств. Понятие амбивалентности, которое можно использовать в эмпирических исследованиях, необходимо разрабатывать с учетом современных социально-психологических исследований установок (Schäfer, Scarabis, Schlöder, данный номер журнала). Изучение амбивалентности привело к появлению методов измерения, которые должны надежно и достоверно количественно оценивать интенсив-

ность субъективно воспринимаемой конфликтности (так называемое прямое измерение амбивалентности, см., например, Cacioppo, Gardner, Berntson, 1997).

Единственное на сегодняшний день эмпирическое исследование, предметом которого являлось изучение взаимосвязи восприятия чужого и субъективной амбивалентности, принадлежит Шеферу (Schäfer, 1998). В этом исследовании общественные группы (например баптисты, мусульмане, осужденные, демократы, вегетарианцы) оценивались испытуемыми по основным переменным, относящимся к концепции чужого (известность, знакомость, отношение к идентичности), а затем ранжировались по градациям чужести (несущественное, чужое, свое). При прямом измерении амбивалентности выявилась вариация суждений, соответствующая теоретическим предположениям, то есть обнаружилось большое количество амбивалентных суждений при умеренной степени известности, испытанности и расхождении с идентичностью по сравнению с такими объектами суждения, которые оценивались либо как малоизвестные и малоиспытанные, либо как хорошо известные, хорошо испытанные и соответствующие идентичности. Поскольку использовались реальные понятия, которые наряду с изучаемыми переменными, возможно, отличаются еще и по другим признакам, нельзя исключать того, что выявленная взаимосвязь объясняется иными переменными, а не теми, что были взяты из концепции чужого. Поэтому в данном экспериментальном исследовании

ощущение чужого создавалось у испытуемых целенаправленно. При этом проверялась предположение о том, что ощущение чужого, понимаемое в рамках концепции Шефера, Скарабиса и Шлёдера, является причиной субъективно переживаемой амбивалентности.

Метод

План эксперимента. Была использована однофакторная модель повторного измерения (фактор повторного измерения: несущественное – чужое).

Операционализация плана исследования. Испытуемым предлагались описания ситуаций (сценарии), позволявшие оценить, были ли субъекты этих ситуаций чужими испытуемым или нейтральными. Описания чужих ситуаций должны были соответствовать средней степени знакомости оценивающему человеку и средней степени отклонения от стандартов его идентичности. Нейтральные информационные сообщения не должны были быть для испытуемых ни знакомыми, ни относящимися к их идентичности. Для конструкции соответствующих сценариев на основе имевшихся описаний (Axteyl, 1989) идентифицировалась подходящая по содержанию информация. Подобный подход также использовался Гассером и Таном при создании шкалы для оценки межкультурной толерантности (Gasser, Tan, 1999). Выбранные сообщения состояли из коротких описаний специфических для разных культур традиций (например: «В Того жемчужные ожерелья носят не на шее, а исключительно

на бедрах, чтобы поддерживать своеобразную набедренную повязку под юбкой», Axteyl, 1989, с. 8; см. Bahlinghorst, 2000, где приводится полный перечень сообщений).

В предварительном исследовании сообщения были предъявлены 47 студентам, которые оценивали их по двум вопросам относительно их знакомости опрашиваемому человеку и по двум другим вопросам – по их отношению к идентичности испытуемого. Устранялись такие сведения, которые указывали на происхождение описанного обычая. Для основного исследования были выбраны четыре ситуации, которые можно классифицировать либо как нейтральные (то есть малознакомые ситуации, не имеющие отношения к идентичности), либо как чужие (в целом знакомые ситуации, имеющие средние значения расхождения с идентичностью) в соответствии с моделью Шефер и Шлёдера (Schäfer, Schlöder, 1994; Schäfer, 1998) (табл. 1).

Основное исследование. В основном исследовании приняли участие 97 студентов из университета г. Мюнстера (75 женского пола, 22 – мужского). Из них 68 человек изучали психологию в качестве основного предмета, 26 – в качестве дополнительного предмета при обучении в магистратуре, трое изучали другой учебный предмет. У 84,5% выборки во время исследования шел 1–3 семестр, остальные учились на старших курсах. Анкеты обрабатывались частично во время учебных занятий, частично дома.

Процедура проверки. В основном исследовании с помощью вопросов, которые использовались еще на пред-

варительном этапе классификации ситуаций, устанавливалось, в какой степени описываемая ситуация знакома и близка испытуемому. Задавались два вопроса и испытуемых просили по пятибалльной системе оценить, насколько знакома им данная ситуация («Взгляды и формы поведения этого человека мне по личному опыту...» 1 = вообще не знакомы или очень мало знакомы; 5 = очень хорошо знакомы; «С людьми, взгляды и формы поведения которых соответствуют взглядам и формам поведения данного человека, я...» 1 = вообще никогда лично не контактировал; 5 = вступал в личный контакт очень часто). Далее испытуемые оценивали отношение представленных взглядов к его убеждениям: как соответствующее – несущественное – не соответствующее («Взгляды и формы поведения этого человека...» от +3 = мне кажутся правильными до -3 = мне кажутся ошибочными; от +3 = соответствуют тому, что я отстаиваю до -3 = противоречат тому, что я отстаиваю). Средняя точка шкалы «0» в обоих случаях характеризовалась как «несущественное». Были подсчитаны рейтинги известности приводимых описаний и расхождения позиции испытуемых с предлагаемыми рассуждениями. Полученные данные представлены в табл. 2.

На основании полученных результатов два сценария («Набедренная повязка» и «Духи») можно классифицировать как малознакомые и несущественные, поскольку отмечается незначительная степень их знакомости и связи с идентичностью испытуемых. Для сценариев «Споры» и «Слабость»

степень знакомости находится возле средней точки шкалы, расхождение с идентичностью также имеет среднее значение. Сходные в этом смысле сценарии объединялись в ходе последую-

щего анализа как эквивалентные, и данные по *несущественным ситуациям* («Набедренная повязка» и «Духи») противопоставлялись *ситуациям чужого* («Споры» и «Слабость») (табл. 3).

Таблица 1. Описания ситуаций, использованных в эксперименте

Классификация	Название	Текст
Несущественная ситуация	"Набедренная повязка"	Представьте себе, что вы живете в общежитии, и уже два месяца с вами живет новая соседка. Ей нравится носить свободную, удобную одежду. Она вам рассказывает, что носит жемчужное ожерелье не на шее, а на бедрах, чтобы поддерживать своеобразную набедренную повязку под юбкой. Она считает, что это единственный вид нижнего белья, который позволяет женщине по-настоящему комфортно себя чувствовать. Она играет в настольный теннис и много читает.
	"Духи"	Представьте себе, что вы приезжаете в новый город, в котором никого раньше не знали, и знакомитесь там с группой людей. Они никогда не наступают на порог двери, потому что верят, что там живут добрые духи, которые нужны в каждом доме. Они собираются вместе, пьют кофе или гуляют. Летом они любят делать гриль. Они предлагают вам чаще бывать вместе с ними.
Ситуация чужого	"Слабость"	Представьте себе, что на вечеринке вы долгое время беседуете с одной женщиной, которая производит впечатление совершенно благополучной. Она вам рассказывает, что больше всего любит готовить запеканку, и считает глупым, если кто-то признается другим в какой-нибудь слабости, потому что тем самым он делает себя уязвимым. Поэтому для нее очень важно сохранять лицо в любой ситуации и не терять самообладания. Она живет в общежитии и говорит, что в этом общежитии живет кто-то, кого вы тоже знаете.
	"Споры"	Представьте себе, что вы приезжаете в новый город, в котором никого раньше не знали, и знакомитесь там с группой людей. Время от времени они играют вместе в настольные игры или устраивают вечеринки. Некоторые из них вместе играют в волейбол. Они избегают любых споров и сразу же переводят разговор на безопасную тему, потому что считают, что совместное время слишком ценно для споров. Они предлагают вам чаще бывать вместе с ними.

Таблица 2. Известность представленных ситуаций испытуемым и расхождение предлагаемых суждений со взглядами испытуемых

		Известность	Расхождение
Сценарий	"Споры"	3,01 <i>(1,05)</i>	-1,46 <i>(1,22)</i>
	"Слабость"	3,15 <i>(0,88)</i>	-1,31 <i>(1,42)</i>
	"Набедренная повязка"	1,81 <i>(0,90)</i>	-0,27 <i>(1,09)</i>
	"Духи"	1,9 <i>(1,01)</i>	-0,19 <i>(1,28)</i>

Стандартные отклонения выделены курсивом и заключены в скобки

Таблица 3. Обобщенные данные по несущественным ситуациям и ситуациям чужого

Обобщенные показатели	Ситуации чужого	Знакомость	Расхождение
		3,08 <i>(0,79)</i>	1,39 <i>(1,10)</i>
	Несущественные ситуации	1,90 <i>(0,75)</i>	-0,23 <i>(0,90)</i>

Стандартные отклонения выделены курсивом и заключены в скобки

Различия между классами ситуаций¹ значимы для обеих переменных (знакомость: $t[95] = 12,49$, $p < 0,001$; расхождение: $t[95] = 7,60$, $p < 0,001$).

Измерения. Амбивалентность: степень субъективной амбивалентности

оценивалась с помощью немецкоязычной версии шкалы амбивалентности теста BEAMs (Scarabis, Schulze, Schäfer, данный номер журнала), α Кронбаха которой для различных сценариев колебалась между 0,82 и 0,88.

¹ В качестве первого шага проверялось, различаются ли сценарии, отнесенные к классам ситуаций, по обоим переменным. Этого выявить не удалось. И наоборот, при сравнении ситуаций чужого с несущественными ситуациями были получены значимые различия как по параметру «знакомость», так и по параметру «расхождение».

Результаты

Угроза идентичности из-за чужести и субъективной амбивалентности.

На рисунке представлены средние значения субъективной амбивалентности в условиях нейтральности и чужести. Различия между классами ситу-

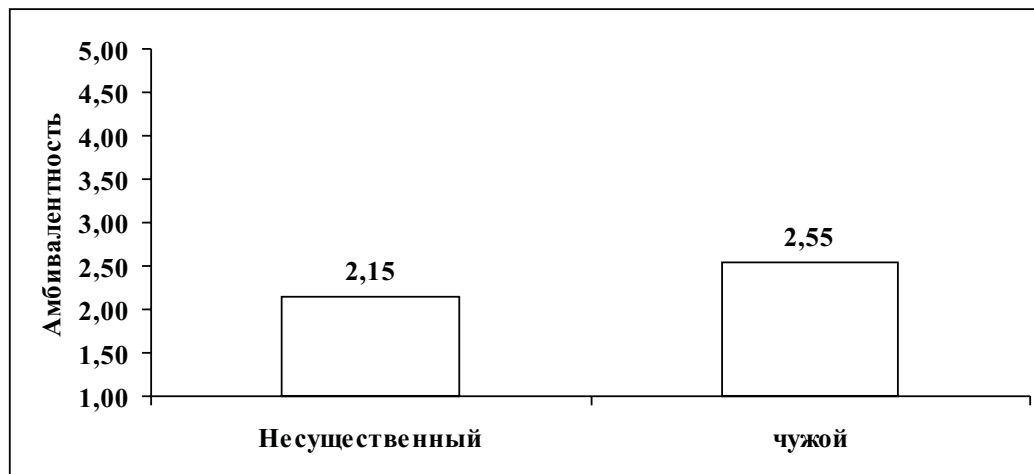

Рисунок. Средние значения субъективной амбивалентности в несущественных ситуациях и ситуациях чужого

аций соответствует ожиданиям (более высокая амбивалентность при чужести, нежели при несущественности) и является статистически значимым; $t[96] = 4,82, p < 0,001$.

Обсуждение

В данном исследовании удалось показать, что получение информации, которая, согласно модели Шефера и Шлёдера (Schäfer, Schlöder, 1994) классифицировалась как чужая, фактически вело к более высокой степени субъективной амбивалентности по сравнению с получением информации, которая для участников была несущественной. Этот результат представляет собой экспериментальное доказательство главной гипотезы в модели чужого. Он интересен по двум причинам. В подходе Шефера и Шлёдера обозна-

чены основные в мультидисциплинарном обсуждении характеристики чужого (как проблема нестабильной ориентации и как понятие отношения, амбивалентность чужого, см. Schäfer, Scarabis, Schlöder), которые доступны экспериментальной проверке (Schäfer, Schlöder, 1994; Schäfer, 1998; Schäfer, Scarabis, Schlöder, данный номер журнала). Кроме того, несмотря на активное изучение феномена амбивалентности социальных установок в рамках социально-психологического исследования можно говорить о необходимости изучения того, что этим установкам предшествовало. Данное исследование открывает новые перспективы в изучении этого вопроса (Brömer, 1999; Cacioppo et al., 1997; Katz, Wackenhut, Hass, 1986; Zaller, Feldman, 1992; McGregor, Newby-Clark, Zanna, 1999; Priester, Petty, 2001; Thompson, Zanna, 1995).

Литература

- Axtell, R. E. (Hrsg.) (1989). *Vorsicht Fettnäpfchen. Fremde Länder, andere Sitten*. Frankfurt: wdv-Wirtschaftsdienst.
- Bahlinghorst, N. (2000). *Interindividuelle Unterschiede in der Ambivalenz sozialer Einstellungen. Eine Untersuchung zum Zusammenhang von Fremdheit, Ambivalenz und Offenheit für Erfahrungen*. Münster: Unveröffentlichte Diplomarbeit.
- Bargh, J. A., Chaiken, S., Govender, R., & Pratto, F. (1992). The generality of the automatic attitude effect. *Journal of Personality and Social Psychology*, 62, 839-912.
- Baumann, Z. (1992). *Moderne und Ambivalenz. Das Ende der Eindeutigkeit*. Hamburg.
- Bornewasser, M. (1995). Motivationale Hintergründe von Fremdenfeindlichkeit und Gewalt. In S. Müller, H.-U. Otto & U. Otto (Hrsg.), *Fremde und Andere in Deutschland. Nachdenken über das Einverleiben, Einebnen, Ausgrenzen* (S. 87-102). Opladen: Leske & Budrich.
- Breckler, S. J. (1994). A comparison of numerical indexes for measuring attitude ambivalence. *Educational and Psychological Measurement*, 54, 350-365.
- Brömer, P. (1999). *Informationsverarbeitung bei ambivalenten Einstellungen*. Regensburg: Roderer.
- Cacioppo, J. T., Gardner, W. L. & Berntson, G. G. (1997). Beyond bipolar conceptualizations and measures: The case of attitudes and evaluative space. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1, 3-25.
- Conner, M., Sherlock, K. & Orbell, S. (1998). Psychosocial determinants of ecstasy use in young people in the UK. *British Journal of Health Psychology*, 3, 295-317.
- Gasser, M. B. & Tan, R. N. (1999). Cultural tolerance: Measurement and latent structure of attitudes toward the cultural practices of others. *Educational and Psychological Measurement*, 59, 111-126.
- Graumann, C. F. (1997). Die Erfahrung des Fremden: Lockung und Bedrohung. In A. Mummendey & B. Simon (Hrsg.), *Identität und Verschiedenheit. Zur Sozialpsychologie der Identität in komplexen Gesellschaften* (S. 39-62). Bern: Huber.
- Hahn, A. (1993). Soziologie des Fremden. In Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg (Hrsg.), *Erfahrungen des Fremden* (S. 23-34). Heidelberg: Heidelberger Verlagsanstalt.
- Jonas, K., Diehl, M. & Brömer, P. (1997). Effects of attitudinal ambivalence on information processing and attitude-intention consistency. *Journal of Experimental Social Psychology*, 33, 190-210.
- Katz, I., Wackenhut, J. Hass, R. G. (1986). Racial ambivalence, value duality, and behavior. In J. F. Dovidio & S. F. Gaertner, (Eds.), *Prejudice, discrimination, and racism* (pp. 35-59). Orlando: Academic Press.
- Maio, G. R., Esses, V. M. & Bell, D. W. (1994). The Formation of Attitudes Toward New Immigrant Groups. *Journal of Applied Social Psychology*, 24, 1762-1776.
- McGregor, I., Newby-Clark, I. R. & Zanna, M. P. (1999). "Remembering" dissonance: Simultaneous accessibility of inconsistent cognitive elements moderates epistemic discomfort. In E. Harmon-Jones & J. Mills (Eds.), *Cognitive dissonance: Progress on a pivotal theory in social psychology* (pp. 325-353). Washington: APA.
- Moore, M. (1973). Ambivalence in attitude measurement. *Educational and Psychological Measurement*, 33, 481-483.
- Moore, M. (1980). Validation of the Attitude Toward Any Practice scale through the use of ambivalence as a moderator variable.

- Educational and Psychological Measurement*, 40, 205-208.
- Mummendey, A. (1993). Fremde im Spiegel sozialer Vorurteile. In Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg (Hrsg.), *Erfahrungen des Fremden* (S. 127-138). Heidelberg: Heidelberger Verlagsanstalt.
- Nassehi, A. (1995). Der Fremde als Vertrauter. *Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 47, 443-463.
- Priester, J. R. & Petty, R. E. (1996). The gradual threshold model of ambivalence: Relating the positive and negative bases of attitudes to subjective ambivalence. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71, 431-449.
- Priester J. R., Petty R. E. (2001). Extending the bases of subjective attitudinal ambivalence: interpersonal and intrapersonal antecedents of evaluative tension. *Journal of Personality and Social Psychology*, 80, 19-34.
- Scarabis, M., Schulze, R. & Schäfer, B. (dieses Heft) Ökonomische und symbolische Identitätsdiskrepanzen als Determinanten von Ambivalenz gegenüber Fremdgruppen.
- Schäfer, B. (1998). Bedingungen der Ambivalenz sozialer Einstellungen. In K.C. Klauer & H. Westmeyer (Hrsg.), *Psychologische Methoden und soziale Prozesse* (S. 372-400). Lengerich: Pabst.
- Schäfer, B. Scarabis, B. & Schlöder, B. (dieses Heft) Identität, Wissen, Ambivalenz - Ein sozialpsychologisches Modell der Erfahrung des Fremden.
- Schäfer, B. & Schlöder, B. (1994). Identität und Fremdheit. Sozialpsychologische Aspekte der Eingliederung und Ausgliederung des Fremden. *Jahrbuch für Christliche Sozialwissenschaft*, 35, 69-87.
- Schäffter, O. (Hrsg.) (1991). *Das Fremde. Erfahrungsmöglichkeiten zwischen Faszination und Bedrohung*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Thompson, M. M. & Zanna, M. P. (1995). The conflicted individual: Personality-based and domain-specific antecedents of ambivalent social attitudes. *Journal of Personality*, 6, 259-289.
- Thompson, M. M., Zanna, M. P., & Griffin, D. W. (1995). Let's not be indifferent about (attitudinal) ambivalence. In R. E. Petty & J. A. Krosnick (Eds.), *Attitude Strength: Antecedents and consequences* (pp. 361-386). Mahwah: Lawrence Erlbaum.
- Vallacher, R. R., Nowak, A. & Kaufman, J. (1994). Intrinsic dynamics of social judgment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67, 20-34.
- Zaller, J. & Feldman, S. (1992). A simple theory of the survey response: Answering questions versus revealing preferences. *American Journal of Political Science*, 36, 579-616.

КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ И АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЧУВСТВ

М. СКАРАБИС

Мартин Скарабис (Martin Scarabis) – научный ассистент в группе проф. Шефера в Университете Мюнстера. Интересуется проблемой обработки социальной информации, амбивалентности отношений, автоматически ассоциациями и скрытыми аттитюдами. Его исследования ассоциативных процессов и социального поведения поддержаны грантом Немецкого исследовательского общества. Совместно с другими внешними организациями он занимается приложением социально-психологических знаний к области исследования рынка, маркетинга и пищеобеспечивающего поведения. Мартин Скарабис получил диплом психолога в Университете Мюнстера в 1997 г., Ph.D. – в 2001 г. Он является членом Общества по изучению личности и социальной психологии.

Резюме

Основываясь на данных Скарабиса, Шульце и Шефера (данный номер журнала), автор в настоящем исследовании изучает, какое влияние оказывают несовместимые установки к идеально-символическим ценностям человека на возникновение у него амбивалентных чувств. При этом учитываются, какие ценностные представления затрагиваются – периферические или центральные. Эти аспекты изучались в экспериментальном исследовании, проведенном со 142 студентами. Исходные гипотезы удалось подтвердить лишь частично. В соответствии с ожиданиями было установлено, что в том случае, когда объект суждения обнаруживал признаки, несогласованные с основными ценностями индивида, последний реагировал гораздо более выраженными амбивалентными чувствами, чем в том случае, когда объект имел однотипную связь с этими ценностями. Сравнение между собой результатов, полученных в разных условиях эксперимента, гипотез не подтвердило. Вместе с тем удалось показать, что субъективная амбивалентность сопровождается негативным аффектом (диссонансом). Обсуждаются операционально-методические причины полученных данных и теоретические выводы.

В исследовании Скарабиса, Шульце и Шефера (данный номер журнала) удалось показать, что в том случае, когда при вынесении суждения вступают в конфликт ценности, релевант-

ные представлению человека о себе и относящиеся к различным областям идентичности, возникает субъективная амбивалентность. В указанной работе испытуемые сталкивались с ситу-

ациями, в которых вымышленная группа чужих людей получала либо непротиворечивые, либо противоречивые оценки с точки зрения идеально-символических и материально-символических ценностей. В обоих условиях друг другу противостояли идеально-символические и материально-экономические стандарты идентичности. Так, например, описывалась вымышленная группа, пребывание которой в университете должно было быть связано с введением новой системы оценок в учебе (подкрепление идеально-символических стандартов) и одновременно с увеличением для студентов расходов при пользовании Интернетом (нарушение материально-экономических стандартов). Во второй ситуации нарушение идеально-символических стандартов сочеталось с подкреплением материально-экономических стандартов. Ни в одном из случаев не противостояли друг другу стандарты только из одной области идентичности.

Вместе с тем в соответствии с гипотезой, вытекающей из модели чужого (Шефер, Скарабис, Шлёдер, данный номер журнала), противоречивость стандартов идентичности в разных сферах идентичности не является обязательной для возникновения амбивалентных чувств. Скорее, решающее значение должен иметь общий критерий отношения к идентичности, то есть всякий раз, когда стандарты идентичности в ситуации суждения предполагают противоположные оценки, возникает субъективный конфликт (амбивалентность). Это созвучно предложениям Спаркса (Sparks, 2000;

Sparks, Guthrie, 1998). Последний утверждает, что модели принятия решения, основанные на концепции *ожидаемой субъективной выгоды* (SEU-модели), недостаточно правильно описывают процесс переработки информации, когда релевантными суждению являются ценности, связанные с идентичностью человека.

Следующий аспект – это вопрос о значимости соответствующих суждений. В концепции идентичности, представленной Шефером и др., главную роль играет понятие ценности, относящейся к идентичности. Таким образом, подчеркивается то обстоятельство, что люди не чувствуют себя в равной степени связанными со всеми возможными ценностями. Скорее, они обращаются к ограниченному репертуару главных ценностей. На индивидуальной важности ценностей в аспекте аффективных реакций или установок делается главный акцент в концепциях Розенберга (Rosenberg, 1956) и Пика (Peak, 1955) при предсказании направленности и интенсивности аффективно-оценочных реакций. Чем важнее позитивно или негативно затрагиваемая воздействием ценность, тем более интенсивной должна быть реакция.

Вместе с тем в подходах Розенберга и Пика далее не обсуждается тот факт, что один и тот же объект может воплощать одну ценность и противоречить другой. Этот аспект рассматривается в исследовании амбивалентности (см. Шефер, Скарабис, Шлёдер, данный номер журнала) в качестве важной детерминанты амбивалентной установки, причем релевантность соответст-

вующих параметров суждения здесь практически не обсуждается (за исключением Alvarez, Brehm, 1995; 1997). Поэтому требуется проверка предположения, что в ситуации противоречивости для объяснения субъективно конфликтных реакций необходимо учитывать содержание основных параметров суждения (центральных по отношению к периферическим).

Следующий вопрос, который должен быть изучен в данном исследовании, вытекает не из концепции чужого как таковой, а из подходов в рамках теории диссонанса. Если в ситуации оценки суждения, относящиеся к идентичности, вступают друг с другом в конфликт, то это значит, что существуют противоречивые когнитивные элементы, связанные с личностью человека. Они, если следовать авторам, работающим в рамках теории диссонанса, таким как Аронсон (Aronson, 1968; 1992) или Келман и Барон (Kelman, Baron, 1968), должны сопровождаться негативным аффектом (диссонансом). Если субъективная амбивалентность – индикатор интенсивности переживаемой конфликтности (Scarbis, 2000), то можно предсказать, что она обнаружит позитивную связь с диссонансом. Это означает: чем сильнее испытываемый конфликт, тем сильнее и негативный аффект. Брёмер проверял предположение, что «амбивалентность, если она переживается осознанно, сопровождается психологическим дискомфортом или негативным аффектом» (Brömer, 1999, с. 19). Он сумел показать наличие соответствующей корреляции. Однако в его работе наличие диссонанса определялось только

по двум параметрам, и в ней нет никаких сведений о валидности (то же самое относится и к полученным им данным об амбивалентности). Здесь важно было бы показать, что можно провести различие между негативным аффектом в смысле диссонанса и негативной оценкой.

В настоящем исследовании данные Брёмера должны быть перепроверены с использованием надежного измерительного инструмента. Это необходимо сделать по разным причинам. Негативный аффект, связанный с конфликтными установками, в качестве важного мотивационного элемента обсуждается во многих статьях, посвященных изучению амбивалентности (Hass, Katz, Rizzo, Bailey, Moore, 1992; McGregor, Newby-Clark, Zanna, 1999), порой без эмпирических доказательств наличия подобных переживаний (Maio, Bell, Esses, 1996). То же самое относится к работам, в которых обсуждается принцип диссонанса. Поэтому Эллиот и Дивайн настаивают на том, чтобы при исследовании процессов диссонанса *психологический дискомфорт* рассматривали скорее на психологическом, а не на физиологическом уровне (Elliot, Devine, 1994).

Главный вопрос, который был затронут выше и проверяется в данном исследовании, заключается в следующем: можно ли наблюдать влияние информации на возникновение амбивалентных чувств в том случае, если при оценке объекта затрагивается только один класс стандартов идентичности (например, только идеально-символические стандарты). Предполагается, что при противоречии (одновременно

позитивном и негативном отношении) идеально-символических стандартов человека будут проявляться более интенсивные амбивалентные реакции, чем в условиях непротиворечивости. Кроме того, ожидается, что будет возникать так называемый эффект релевантности. То есть в условиях непротиворечивости человек будет отвечать более выраженными амбивалентными реакциями, если затрагиваются центральные ценности, чем в том случае, когда речь идет о малозначимых ценностях. Далее будет показана позитивная взаимосвязь между субъективной амбивалентностью и диссонансом.

Метод

План исследования. Для проверки гипотез была использована схема 3x2, то есть в эксперименте исследовалось влияние двух факторов, один из которых имел три уровня, а другой – два. Первый фактор относился к тому, как ценности воплощались в объекте: 1) все – позитивно; 2) все – негативно; 3) противоречиво: один – позитивно, а другие – негативно. Второй фактор характеризовал важность ценностей, связанных с объектом: она могла быть либо незначительной, либо высокой.

Операционализация плана исследования. В соответствии с планом исследования испытуемым предъявлялась письменная информация о вымышленной и, стало быть, незнакомой группе, которая включала в себя непротиворечивые или несовместимые ценности, относившиеся к менее важным либо очень важным ценностным представлениям испытуемых.

1. Выбор ценностей. Цель этого первого этапа состояла в том, чтобы идентифицировать такие ценности, которые оцениваются большинством испытуемых как важные для них принципы, а также ценности, которые релевантными или особенно значимыми не считаются. Для этого в предварительном исследовании испытуемых (студенты, $N = 32$) просили по 9-балльной шкале указать значимость для них 75 ценностей (Scarabis, 2000). Формат ответа без каких-либо изменений был заимствован из теста Schwartz Value Survey (SVS) (см. ниже). В качестве проблематичного или, по меньшей мере, обращающего на себя внимание можно рассматривать ответ –1 (противоречит моим ценностям), который в аналогичной форме встречается также у Брэйтуэйта и Лоу (Braithwaite, Law, 1985). Шварц (Schwartz, 1992) указывает на то, что таким способом удается выявить также негативные ценности,

Формат ответа на вопрос о значимости ценности:

В качестве руководящего принципа моей жизни эта ценность...

противоречит моим ценностям	не важна			важна			очень важна	крайне важна
-1	0	1	2	3	4	5	6	7

что, в частности, можно рассматривать как сильную сторону теста при проведении сравнительных исследований разных культур. Брэйтуэйт и Лоу тоже не обсуждают вопрос, не смешиваются ли здесь два разных аспекта (релевантность и расхождение с ценностью). Вместе с тем валидность и психометрические качества теста SVS, используемого для выявления индивидуальных ценностных приоритетов, до сих пор могут считаться бесспорными (Schmitt, Schwartz, Steyer, Schmitt, 1993).

Модификация по сравнению с оригинальной версией теста SVS состоит в том, что предлагаются названия ценностей, которые сформулированы здесь в форме существительных. Тем самым мы отказались от разделения на терминальные и инструментальные ценности, которое для данной постановки вопроса значения не имеет и, кроме того, отнюдь не бесспорно (Heath, Fogel, 1978; Schwartz, Bilsky, 1987). В даль-

нейшем первоначальный список ценностей был дополнен. В конечном счете благодаря выбранному здесь методу из широкого класса возможных ценностей можно выделить такие, которые обладают относительно высокой степенью соответствия в выборке как основные или малосущественные. Для эксперимента были выбраны следующие ценности:

Центральные ценности: «безопасность семьи» ($M=5,41$, $SD=1,19$, ранг 4) и «настоящая дружба» ($M=5,38$, $SD=1,45$, ранг 5).

Периферические ценности: «обмен любезностями» ($M=1,81$, $SD=1,64$, ранг 70) и «комфорт» ($M=1,31$, $SD=1,75$, ранг 72).

Ценности, названные здесь центральными, относятся к «горсти ценностей» (Rokeach, 1968), которыми люди, по их мнению, руководствуются в своей жизни. Различие в важности между ценностями «безопасность семьи» и

Таблица 1. Частота ответов, соответствующих разным участкам шкалы, при оценке релевантности четырех ценностей

	Безопасность семьи	Настоящая дружба	Обмен любезностями	Комфорт
-1	0	0	2	3
0	0	0	6	10
1	0	1	4	6
2	0	0	11	6
3	2	4	5	4
4	7	2	2	2
5	4	4	1	0
6	14	16	1	0
7	5	5	0	1
	32	32	32	32

«настоящая дружба» не является значимым ($t[31] = 0,12$; $p < 0,90$), равно как и различие между ценностями «обмен любезностями» и «комфорт» ($t[31] = 1,13$; $p < 0,27$). И наоборот, различия между обеими центральными и обеими периферическими ценностями значимы на уровне $p < 0,001$.

Из табл. 1 видно, во-первых, что центральные ценности не были отвергнуты ни в одном случае. Во-вторых, на шкале важности в области, которой были приписаны соответствующие ценности на основе средних значений релевантности, отмечается явное увеличение частоты ответов.

Центральные ценности, выбранные с помощью этого метода, – это такие ценности, которые люди выделяют из множества других в качестве наиболее соответствующих руководящим принципам своей жизни.

2. *Создание описаний вымышленного образа жизни.* Выбранная тема «Гуаньчжи» по результатам предварительного исследования ($N = 26$) оказалась неизвестной ($M = 0,15$; $SD = 0,78$ по шкале от 0 = совсем неизвестная до 5 = хорошо известная).

Были сформулированы высказывания, касающиеся представлений о «гуаньчжи», которые содержали позитивное или негативное отношение к ценностям «безопасность в семье», «настоящая дружба», «обмен любезностями» или «комфорт». В отличие от работы Скарабиса и др. (данный номер журнала) с помощью этого метода стандарты идентичности студентов с содержательной стороны не изучались. Скорее, на первом этапе была предпринята попытка выявить такие ценности, кото-

рые для большинства выборки представляют собой основные руководящие принципы, и отделить их от менее важных ценностей. Затем другие испытуемые оценивали информацию, содержащую позицию в отношении важных или не особенно важных ценностей. Предположение, лежавшее в основе эксперимента, состояло в том, что испытуемые, хотя и считают ценность «дружба» крайне важным принципом, все же должны были понимать информационную единицу, содержащую, по сути, негативную позицию в отношении «дружбы» как соответствующую их собственным стандартам, и выражать позитивные суждения. Если бы у испытуемых удалось вызвать соответствующее отношение к стандартам, то, например, в данном случае должны были бы доминировать негативные суждения.

Задуманные отношения описанного образа жизни к соответствующим ценностям участниками предварительного исследования ($N = 26$) в основном распознавались правильно (верные ответы составили 88–100%). На основании полученных данных в основном исследовании использовались информационные единицы, представленные в табл. 2.

Как видно из текстов, они не содержат сведений о том, что сторонники гуаньчжи целиком отказываются от соответствующей ценности, например «дружбы», или выступают за нее. Каждый раз по две из этих информационных единиц предъявлялись в различных сочетаниях вслед за одинаковым для всех участников предварительным описанием вымышленного образа жизни, которое имело следующее содержание:

Таблица 2. Информация, использовавшаяся в эксперименте

Ценность	Позитивная позиция	Негативная позиция
Безопасность в семье	Обычно члены семьи живут вблизи друг от друга, например, как соседи. Важный принцип гуаньчжи гласит, что любой человек всю жизнь пользуется защитой семьи. Проблемы отдельного члена семьи, как правило, решаются вместе.	Обычно члены семьи живут вдали друг от друга. Важный принцип гуаньчжи гласит, что каждый человек должен стремиться к независимости от своей семьи. Проблемы отдельного члена семьи, как правило, должны решаться без участия родственников.
Настоящая дружба	Вне семьи тесные социальные отношения играют главную роль. Хорошие друзья считаются огромной ценностью. К ним, согласно представлениям гуаньчжи, нужно относиться с большим уважением. Каждый член сообщества может полагаться на поддержку своего круга друзей.	Вне семьи тесные социальные отношения никакой роли не играют. Отношения с другими людьми, согласно представлениям гуаньчжи, хотя и должны быть дружелюбными, но все-таки должны оставаться поверхностными. Поэтому никто не должен надеяться на особую поддержку знакомых.
Обмен любезностями	Желание отблагодарить должно играть важную роль в совместной жизни. Это означает, что люди, которые получили поддержку от едва знакомых людей, как правило, чувствуют себя обязанными возместить это, например, таким же оказанием помощи или подарками.	Желание отблагодарить не должно играть никакой роли в совместной жизни. Это означает, что люди, которые получили поддержку от едва знакомых людей, как правило, не чувствуют себя обязанными возместить это, например, таким же оказанием помощи или подарками.
Комфорт	Важный принцип гуаньчжи гласит, что люди должны стремиться к комфортабельной жизни и избегать напряжения и хлопот. Это означает, что во многих жизненных ситуациях следует предпочитать простой путь трудному, и именно он ведет к цели.	Важный принцип гуаньчжи гласит, что люди не должны стремиться к комфортабельной жизни и избегать напряжения и хлопот. Это означает, что во многих жизненных ситуациях только трудный путь ведет к цели.

Гуаньчжи – это определенный образ жизни, возникший на основе разных философских традиций и осуществляющийся в повседневной жизни различные принципы. Люди, живущие по основным принципам гуаньчжи, следуют разным обычаям и правилам, которые касаются самых разных сфер жизни и проявляются,

например, в построении общественной совместной жизни или в общении друг с другом.

По оценкам, около 75000 людей во всем мире считают себя приверженцами принципов гуаньчжи, причем среди взрослых людей примерно половину составляют женщины. Распространение этого образа жизни

не связано с определенными географическими регионами.

Следующая информация показывает, какую роль для этих людей играют [ценность 1] и [ценность 2]...

Основное исследование

В основном исследовании приняли участие 142 студента (118 женского пола, 24 мужского) из университетов Мюнстера и Дуйсбурга. У 82,1% выборки (115 человек) во время исследования шел 1–5 семестр, остальные учились на старших курсах. Средний возраст составил 22,1 года. Участникам говорили, что в данном исследовании изучается формирование мнений и установок. Цель исследования объяснялась после обработки анкет, длившейся 20–30 минут.

Манипуляционная проверка

Ценностные предпочтения испытуемых. Участников просили проранжировать согласно своим предпочтениям (личной важности) четыре вида ценностей (защита семьи, дружба, обмен любезностями и комфорт). Таблица 3 демонстрирует частоту (процент опрошенных), с которой ценностям отводилось определенное место.

Распределение ценностных предпочтений соответствует ожиданиям, поскольку основная часть испытуемых в предварительном исследовании ставила ценности, идентифицированные как важные, на 1-е или 2-е место, а две других ценности – на 3-е или 4-е.

Реализация ценностных представлений. Сразу после того как испытуе-

мые прочитали тексты про «гуаньчжи», им предлагалось оценить следующее высказывание: «Люди, живущие по основным принципам “гуаньчжи”, придают большое значение [обмену любезностями, защите семьи, удобству, дружбе]». Семибалльная биполярная шкала имела значения от –3 (совершенно не соответствует) через 0 (не знаю) до +3 (полностью соответствует). Результаты этих оценок, распределенные в соответствии с условиями эксперимента, представлены в табл. 4. При этом для отдельных условий эксперимента указаны только те ценности, которые действительно должны были затрагиваться (центральность ценности незначительная: обмен любезностями и комфорт; центральность ценности высокая: защита семьи и дружба).

Положительные значения в таблице означают воспринятое позитивное отношение группы «гуаньчжи» к определенной ценности, отрицательные значения – негативное отношение.

Можно признать, что полученные средние значения соответствуют задуманным условиям эксперимента. Однако анализ стандартных отклонений показал, что не во всех условиях эксперимента отношения распознавались с равной определенностью. Кроме того, по формуле Мэйо, Эссеса и Белла (Maio, Esses, Bell, 2000) был подсчитан индекс противоречивости для центральных ценностей (защита семьи и дружба)¹.

¹ Противоречивость: реализация «защиты семьи» – реализация «дружбы». Этот индекс имеет значения от 0 до 6, причем 6 свидетельствует о наивысшей степени противоречивости.

Таблица 3. Распределение ценностных предпочтений в выборке испытуемых

	Защита семьи	Дружба	Обмен любезностями	Комфорт
Ранг 1	72 (51,4%)	60 (42,9%)	3 (2,1%)	5 (3,6%)
Ранг 2	53 (37,9%)	72(51,4%)	14 (9,9%)	1 (0,7%)
Ранг 3	9 (6,5%)	4 (2,9%)	96 (69,1%)	30(21,6%)
Ранг 4	8 (5,7%)	4 (2,9%)	26(18,6%)	102(72,9%)

Таблица 4. Средние значения (стандартные отклонения) оценки реализации ценностей в экспериментальных текстах

			Реализация ценностей		
			непротиворечивая позитивная	непротиворечивая негативная	противоречивая
Центральность ценностей	низкая	обмен любезностями	0,60 (2,68)	-2,23 (1,54)	1,58 (2,27)
		комфорт	2,55 (1,36)	-3,00 (0,00)	-2,05 (2,12)
	высокая	защита семьи	2,83 (0,38)	-0,50 (2,31)	-1,40 (2,04)
		дружба	2,89 (0,32)	-2,25 (1,33)	2,70 (0,92)

Таблица 5. Средние значения (стандартные отклонения) противоречивости важных ценностей в условиях эксперимента

		Реализация ценностей		
		непротиворечивая позитивная	непротиворечивая негативная	противоречивая
Центральность	низкая	1,05 (1,00)	0,76 (1,26)	0,58 (1,35)
	высокая	0,06 (0,24)	2,35 (1,95)	4,10 (2,20)

Высокие показатели означают высокую степень противоречивости.

Таблица 6. ANOVA с факторами «центральность ценностей» и «реализация ценностей» и зависимой переменной «субъективная амбивалентность»

Источник	Тип III сумма квадратов	df	Средняя сумма квадратов	F	Sig.	Eta2
Центральность ценностей	0,478	1	0,48	0,76	0,386	0,007
Реализация ценностей	2,94	2	1,47	2,33	0,102	0,039
Центральность ценностей × реализация ценностей	4,26	2	2,13	3,37	0,038	0,056
Ошибка	72,01	114	0,63			

В разных условиях эксперимента выявились соотношения, представленные в табл. 5.

Анализ средних значений показывает, что и в условиях, в которых ценности, классифицированные как центральные, не затрагивались, у испытуемых порой создавалось впечатление противоположного отношения вымышленной группы «гуаньчжи» по отношению к этим ценностям. Кроме того, по-видимому, не удавалось создать однозначно негативное отношение к важным ценностям при высокой центральности ценностей. В этих условиях было получено очень высокое значение показателя противоречивости. Анализ табл. 4 заставляет предположить, что это объясняется неоднозначностью при интерпретации сведений на тему «защита семьи». Анализ распределения ответов в этих условиях показывает, что лишь примерно у половины испытуемых действительно создавалось задуманное (негативное) отношение.

Анализ зависимых переменных

Субъективная амбивалентность. Для выявления субъективной амбивалентности использовалась шкала амбивалентности теста BEAMs (Cacioppo, Gardner, Berntson, 1997) (Scarabis et al., данный номер журнала), α Кронбаха которой для данной выборки составила 0,77.

Диссонанс. По инструкции «С точки зрения моих оценок и ощущений по отношению к “гуаньчжи” я чувствую себя...» испытуемые оценивали десять пунктов (неприятный, беспокойный, неуравновешенный, серди-

тый, растерянный, возбужденный, раздраженный, нервный, напряженный, невозмутимый) по 5-балльной однополярной шкале (нет – немного – умеренно – очень – крайне); α Кронбаха после перекодировки пункта 10 («невозмутимый») в данном исследовании составила 0,89. Пункты для этой шкалы большей частью были взяты из англоязычной литературы (Elliot, Devine, 1994; Hass et al., 1992; Monteith, 1996), а затем переведены и дополнены автором данной работы. Более подробные сведения о конструкции шкал и анализе теста содержатся в статье Скарабиса (Scarabis, 2000).

Результаты

Центральность ценностей, противоречивость ценностей и субъективная амбивалентность. В табл. 6 представлен результат ANOVA с зависимой переменной «субъективная амбивалентность» и постоянными факторами «центральность ценностей» (низкая – высокая) и «реализация ценностей» (непротиворечивая позитивная – непротиворечивая негативная – противоречивая). Во всех последующих анализах учитывались только такие испытуемые, которые при оценке ценностных предпочтений (см. выше) ставили на 1-е или 2-е место ценности «безопасность в семье» или «дружба» ($N = 120$), потому что в противном случае индивидуальных предпосылок для эффективной манипуляции не было.

Оба проверявшихся основных эффекта не были значимыми, тогда как эффект взаимодействия оказался ста-

Рис. 1. Субъективная амбивалентность в зависимости от центральности и реализации ценностей

статистически достоверным. Представленные на рис. 1 средние значения субъективной амбивалентности, полученные при различных условиях эксперимента, свидетельствуют о том, что в целом создавалась умеренная степень амбивалентности.

Применение теста Tukey HSD показало наличие различий между двумя экспериментальными условиями, «высокая центральность ценностей – несовпадение реализации ценностей» и «высокая центральность ценностей – позитивная реализация ценностей» с самой низкой выраженностью субъективной амбивалентности ($p < 0,06$). Последнее условие отличается также – по крайней мере, на уровне тенденции – от большинства других условий (табл. 7).

Как и ожидалось, при данной противоречивости степень субъективной амбивалентности выше в том случае, когда противоречивость относится к центральным ценностным представлениям. Однако это различие значимым не является, $t[37] = -0,78$, $p < 0,22$.

Дальнейший анализ взаимосвязи противоречивости ценностей, важных ценностей и субъективной амбивалентности. Как уже отмечалось, экспериментальная манипуляция восприятием противоречивого отношения к центральным ценностям удалась не полностью. Также и в условиях, в которых важные ценности, собственно говоря, не должны были затрагиваться, испытуемые устанавливали связь с – открыто не высказывавшимися – центральными ценностями (табл. 5). Однако между обоими условиями, обнаруживающими различие в степени субъективной амбивалентности в соответствии с выдвинутой гипотезой (высокая центральность ценностей – непротиворечивая позитивная реализация ценностей и высокая центральность ценностей – противоречивая реализация ценностей), существует также отчетливое различие в аспекте субъективно воспринимавшейся противоречивости в отношении центральных ценностей (см. табл. 5). Данная взаимосвязь была

Таблица 7. Различия средних значений и статистическая достоверность для условия позитивная реализация ценностей – высокая центральность ценностей по отношению к другим условиям

	Реализация ценностей позитивная – центральность ценностей высокая	
	Разность средних значений	Достоверность
Реализация ценностей позитивная – центральность ценностей низкая	– 0,67	0,055
Реализация ценностей негативная – центральность ценностей низкая	– 0,66	0,052
Реализация ценностей противоречивая – центральность ценностей низкая	– 0,47	0,230
Реализация ценностей негативная – центральность ценностей высокая	– 0,77	0,018
Реализация ценностей противоречивая – центральность ценностей высокая	– 0,65	0,064

проанализирована более подробно. С этой целью посредством медианного разбиения ($MD = 1$) рассчитанного индекса противоречивости (Maio et al., 2000) было проведено сравнение степени субъективной амбивалентности при условии низкой и высокой субъективной противоречивости по отношению к более важным ценностям² («безопасность в семье» и «дружба»). Были получены взаимосвязи, представленные на рис. 2. Различие между обоими условиями, которое можно там обнаружить, имеет ожидаемую на-

² Предположение, что ценности «дружба» и «безопасность семьи» являются более важными, чем ценности «комфорт» и «обмен любезностями», относится ко всем испытуемым, поскольку испытуемые с иной структурой ценностей – как уже отмечалось – из анализа были исключены.

правленность и достигает пограничного статистически значимого уровня, $t[116] = -1,64$, $p < 0,10$.

Взаимосвязь субъективной амбивалентности и диссонанса. В соответствии с ожиданиями была выявлена положительная корреляция ($r[120] = 0,40$, $p < 0,001$) между субъективной амбивалентностью и психологическим дискомфортом. В целом она соответствует значениям, полученным Брёмером (Brömer, 1999, исследование 1) ($r[100] = 0,35$, $p < 0,001$). Однако в данном исследовании обе переменные величины оценивались с помощью шкал, которые до этого были проверены с точки зрения их психометрических свойств.

Обсуждение

Эмпирически выявить все предсказанные эффекты четко не удалось.

Рис. 2. Субъективная амбивалентность в зависимости от противоречивости по отношению к центральным ценностям

В соответствии с ожиданиями были обнаружены различия в степени субъективной амбивалентности в том случае, когда предмет суждения имел только позитивные связи с центральными ценностными представлениями испытуемых, в отличие от тех случаев, когда создавалась противоречивая реализация ценностей в отношении центральных ценностей. По меньшей мере, еще в одном случае (непротиворечивое позитивное отношение к нецентральным ценностям) можно было ожидать отчетливое различие условий противоречивости. Прежде всего это противоречит обобщенной гипотезе о противоречивости, в которой содержательные области идентичности (материально-экономические или идеально-символические) не противопоставляются.

В условиях противоречивости степень субъективной амбивалентности, как и следовало ожидать, оказывается выше, если речь идет о более важных

ценностях, однако с точки зрения статистики это различие выступает как случайный эффект. Если в исследовательской части производится сравнение по критерию субъективной противоречивости (индекс Мэйо для центральных ценностей), то различия проявляются несколько отчетливее, однако показатели достоверности достигают только пограничных значений.

Отчасти эти данные, сложные для интерпретации в рамках расширенной гипотезы о противоречивости ценностей, по-видимому, объясняются тем, что недостаточно удалась организация эксперимента. Примерно так же, как и в исследовании Фитера (Feather, 1995), оказалось, что даже тогда, когда активировать важные ценности не предполагалось, испытуемые создавали подобные связи. Так, при рассмотрении индекса Мэйо оказалось, что за исключением условия непротиворечивого позитивного отношения к центральным ценностям, при котором была вы-

явлена также самая низкая степень субъективной амбивалентности, всегда проявляется определенная степень противоречивости в отношении важных ценностей. Умозрительно этот феномен можно объяснить тем, что в ситуациях, в которых люди заняты некими общими представлениями и должны вынести суждение (как это было в экспериментальной ситуации), им приходится активно искать возможные связи с важными характеристиками суждения или их конструировать, чтобы не дать оценку, основывающуюся на несущественных критериях. Возможно, эта тенденция усиливалась тем, что и от тех людей, которые сталкивались с неинформативным с точки зрения важных ценностей материалом, требовалось дать оценку предмета этих ценностей. В рамках исследований «ценностно-релевантной вовлеченности» и сопротивления навязываемым взглядам Остром и Брок (Ostrom, Brock, 1968, ср. Levin, Nichols, Johnson, 2000) использовали так называемую задачу на соединение ценностей (*value-bonding task*). В своем исследовании, проведенном в 1968 г., Остром и Брок использовали парадигму убеждения, чтобы показать, что установки, связанные с центральными ценностями, являются более резистентными к влияниям, нежели установки, связанные только с периферическими ценностями. Участники исследования получали фиктивный документ, направленный против участия Гренландии в «Панамериканском банке». Эта письменная аргументация должна была создать позицию отвержения по отношению к обсуждаемому

мероприятию. За этим следовала «задача на соединение ценностей»: участники должны были указать по поводу отдельных утверждений из документа, насколько сильно они связаны с более общей идеей (ценностью). Ценности, относительно которых нужно было обсуждать отдельные утверждения, выбирались в соответствии с тем, как оценивались они в предварительном исследовании – как центральные или как менее важные. Это задание должно было привести к тому, что сведения, которые сообщались испытуемым по вопросу об участии Гренландии в «Панамериканском банке», связывались либо с периферическими, либо с центральными ценностными представлениями. После этого задания участники получали следующую информацию, но уже в поддержку вышеизложенного проекта. При этом степень расхождения с первоначальной позицией была либо незначительной, либо высокой. Как и ожидалось, на испытуемых, которые связывали содержание первой аргументации с собственными центральными ценностями, противоположная аргументация оказывала меньшее влияние, чем на участников эксперимента, которые установили связь только с периферическими ценностями. Поэтому представляется вполне возможным, что уже самим по себе задаваемым вопросом испытуемые побуждались к установлению подобных связей, причем, по всей видимости, независимо от того, имелась ли на этот счет эксплицитная информация.

Следующая проблема, которая, возможно, касается операционализации

независимых переменных в данном исследовании, – это применение «принципа конструктора» к комбинации различных информационных единиц. Хотя отдельные части использованных описаний проверялись на их пригодность, тем не менее не исключено, что при определенных компоновках появляются новые значения, нежелательные в смысле экспериментального контроля над вариацией плана исследования.

Взаимосвязь между субъективной амбивалентностью и диссонансом, о которой сообщал Брёмер (Brömer, 1999), воспроизвести не удалось. По разным причинам этот результат следует рассматривать как дополнение к полученным данным. В нашем исследовании для измерения диссонанса использовалась шкала из 10 пунктов, которая до этого подверглась различным тестовым анализам (Scarabis, 2000). Амбивалентность оценивалась с помощью соответствующей шкалы из теста BEAMs (Cacioppo et al., 1997), которая тоже была исследована с точки зрения ее психометрических свойств (ср. Scarabis et al., данный номер журнала). С помощью этого более надежного измерительного инструмента удалось показать, что переживавшаяся конфликтность действительно сопровождалась негативным аффектом. Этот результат

позволяет сделать определенные выводы относительно ожидаемых мотивационных эффектов, связанных с субъективной амбивалентностью и вместе с тем также с переживанием чуждости. По аналогии с подходами, относящимися к теории диссонанса, можно предположить, что это негативное аффективное состояние мотивирует человека разрешать конфликты оценки. Остается выяснить, какими стратегиями для этого располагает индивид и какую стратегию он избирает в конкретных условиях. Вполне возможно, например, что сам по себе диссонанс оказывает влияние на способ и интенсивность когнитивной переработки (Jonas, Diehl, Brömer, 1997). Возможно, однако, это относится также только к определенным классам людей или оценочных ситуаций (Hardyck, Kardush, 1968), тогда как у других индивидов или при других суждениях будут задействованы простые механизмы подавления (Bargh, Chaiken, Govender, Pratto, 1992).

Подводя итоги, остается констатировать, что сформулированные выше предположения по поводу эффектов противоречивости и центральности ценностей нуждаются в дальнейшей эмпирической проверке, в ходе которой должна использоваться альтернативная операционализация независимых переменных.

Литература

Alvarez, R.M. & Brehm, J. (1995). American ambivalence towards abortion policy: Development of a heteroskedastic probit model of competing values. *American Journal of Political Science*, 39, 1055-82.

Alvarez, R.M. & Brehm, J. (1997). Are americans ambivalent towards racial policies? *American Journal of Political Science*, 41, 345-374.

- Aronson, E. (1968). Dissonance theory: Progress and problems. In R.P. Abelson, E. Aronson, W.J. McGuire, T.M. Newcomb, M.J. Rosenberg & P.H. Tannenbaum (Eds.), *Theories of cognitive consistency: A sourcebook* (pp. 5-27). Chicago: Rand McNally.
- Aronson, E. (1992). The return of the repressed: Dissonance theory makes a comeback. *Psychological Inquiry*, 3, 303-311.
- Bargh, J. A., Chaiken, S., Govender, R., & Pratto, F. (1992). The generality of the automatic attitude effect. *Journal of Personality and Social Psychology*, 62, 839-912.
- Braithwaite, V.A. & Law, H.G. (1985). Structure of human values: Testing the adequacy of the Rokeach Value Survey. *Journal of Personality and Social Psychology*, 49, 250-263.
- Brömer, P. (1999). *Informationsverarbeitung bei ambivalenten Einstellungen*. Regensburg: Roderer.
- Cacioppo, J.T., Gardner, W.L. & Berntson, G.G. (1997). Beyond bipolar conceptualizations and measures: The case of attitudes and evaluative space. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1, 3-25.
- Elliot, A.J. & Devine, P.G. (1994). On the motivational nature of cognitive dissonance: Dissonance as psychological discomfort. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67, 382-394.
- Feather, N.T. (1995). Values, valences, and choice: The influence of values on the perceived attractiveness and choice of alternatives. *Journal of Personality and Social Psychology*, 68, 1135-1151.
- Hardyck, J.A. & Kardush, M. (1968). A modest modish model for dissonance reduction. In R.P. Abelson, E. Aronson, W.J. McGuire, T.M. Newcomb, M.J. Rosenberg & P.H. Tannenbaum (Eds.), *Theories of cognitive consistency: A sourcebook* (pp. 684-692). Chicago: Rand McNally.
- Hass, G. R., Katz, I., Rizzo, N., Bailey, J. & Moore, L. (1992). When racial ambivalence evokes negative affect, using a disguised measure of mood. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 18, 786-797.
- Heath, R.L. & Fogel, D.S. (1978). Terminal and instrumental? An inquiry into Rokeach's value survey. *Psychological Reports*, 42, 1147-1154.
- Jonas, K., Diehl, M. & Brömer, P. (1997). Effects of attitudinal ambivalence on information processing and attitude-intention consistency. *Journal of Experimental Social Psychology*, 33, 190-210.
- Kelman, H.K. & Baron, R.M. (1968). Determinants of modes of resolving inconsistency dilemmas: A functional analysis. In R.P. Abelson, E. Aronson, W.J. McGuire, T.M. Newcomb, M.J. Rosenberg & P.H. Tannenbaum (Eds.), *Theories of cognitive consistency: A sourcebook* (pp. 670-683). Chicago: Rand McNally.
- Levin, K.D., Nichols, D.R. & Johnson, B.T. (2000). Involvement and persuasion: Attitude functions for the motivated processor. G.R. Maio & J.M. Olson (Eds.), *Why we evaluate: Functions of attitudes* (pp. 163-194). Mahwah: Lawrence Erlbaum.
- Maio, G.R., Bell, D.W. & Esses, V.M. (1996). Ambivalence and persuasion: The processing of messages about immigrant groups. *Journal of Experimental Social Psychology*, 32, 513-536.
- Maio, G.R., Esses, V.M. & Bell, D.B. (2000). Examining conflict between components of attitudes: Ambivalence and inconsistency are distinct constructs. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 32, 58-70.
- McGregor, I., Newby-Clark, I.R. & Zanna, M.P. (1999). «Remembering» dissonance: Simultaneous accessibility of inconsistent cognitive elements moderates epistemic discomfort. In E. Harmon-Jones & J. Mills (Eds.), *Cognitive dissonance: Progress on a pivotal theory in social psychology* (pp. 325-353). Washington: APA.

- Monteith, M.J. (1996). Contemporary forms of prejudice-related conflict: In search of a nutshell. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 22, 461-473.
- Ostrom, T.M. & Brock, T.C. (1968). A cognitive Model of attitudinal involvement. In R.P. Abelson, E. Aronson, W.J. Mc Guire, T.M. Newcomb, M.J. Rosenberg, & P.H. Tannenbaum (Eds.), *Theories of cognitive consistency: A sourcebook* (pp. 373-389). Chicago: Rand McNally.
- Peak, H. (1955). Attitude and motivation. In Jones, M.R. (Ed.), *Nebraska Symposium on Motivation* (pp. 149-189.). Lincoln: University of Nebraska Press.
- Rokeach, M. (1968). *Beliefs, attitudes and values*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Rosenberg, M.J. (1956). Cognitive structure and attitudinal affect. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 53, 367-372.
- Scarabis, M. (2000). Sozial- und differential-psychologische Aspekte des Erlebens und der Verarbeitung von identitätsrelevanten Wertkonflikten. Münster: Dissertation.
- Scarabis, M., Schulze, R. & Schäfer, M. (dieses Heft). Ökonomische und symbolische Identitätsdiskrepanzen als Determinanten von Ambivalenz gegenüber Fremdgruppen.
- Schäfer, B. Scarabis, M. & Schlöder, B. (dieses Heft). Identität, Wissen, Ambivalenz – Ein sozialpsychologisches Modell der Erfahrung des Fremden.
- Schmitt, M.J., Schwartz, S., Steyer, R. & Schmitt, T. (1993). Measurement models for the Schwartz values. *European Journal of Psychological Assessment*, 9, 107-121.
- Schwartz, S.H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M.P. Zanna (Ed.), *Advances in Experimental Social Psychology* (Vol. 25, pp. 1-65). Orlando: Academic Press.
- Schwartz, S.H. & Bilsky, W. (1987). Toward a universal psychological structure of human values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 53(3), 550-562.
- Sparks, P. (2000). Subjective expected utility-based attitude-behavior models: The utility of self-identity. In D.J. Terry & M.A. Hogg (Eds.), *Attitudes, behavior, and social context* (pp. 31-46). Mahwah: Lawrence Erlbaum.
- Sparks, P. & Guthrie, C.A. (1998). Self-identity and the Theory of Planned Behavior: A useful addition or unhelpful artifice? *Journal of Applied Psychology*, 28, 1394-1411.
- Tetlock, P.E., Peterson, R.S. & Lerner, J.S. (1996). Revising the value pluralism model: Incorporating social content and context postulates. In C. Seligman, J.M. Olson & M.P. Zanna (Eds.), *The psychology of values: The Ontario symposium, volume 8* (pp. 25-51). Mahwah: Lawrence Erlbaum.

Практическая психология

ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ЛИДЕРСТВО

Д. ДАЙЛ, Дж. КАНДЖЕМИ, К. КОВАЛЬСКИ

Дэвид Дайл (David Dile) – бакалавр искусств в области психологии в Университете Западного Кентукки. В Элизабеттаун Кентукки он руководит Центром консультирования в области бизнеса. Он работает индивидуально и с организациями, направляя деловые успехи и повышая индивидуальный потенциал при долговременном планировании.

Джозеф Канджеми (Joseph Cangemi) закончил Государственный Нью-Йоркский университет, степень магистра получил в Сиракузском университете, докторат проходил в Университете Индианы. С 1968 г. занимается проблемами лидерства и развития организационной деятельности во множестве организаций по всему миру (в Италии, Испании, Португалии, Коста-Рике, Мексике, Венесуэле, Канаде, Китае, России). Он – автор и соавтор 19 книг и монографий, более 300 статей. В настоящее время он главный редактор журнала *Psychology: A Journal of Human Behavior*.

Казимир Ковальски (Cash Kowalski) родился в 1942 г. в Польше. В 9 лет вместе с родителями иммигрировал в США, где получил высшее образование и ученую степень в Университете Западного Кентукки и Индианы. Более 20 лет он работает над проблемами организационного поведения, преподает в государственных и частных организациях и университетах США и других стран. Он – автор и соавтор 8 книг по организационной психологии. Его статьи публикуются в журналах Америки и других стран. Д-р Ковальски – редактор-распорядитель журнала *Psychology: A Journal of Human Behavior*.

Резюме

В конце 1970-х гг. возник стиль лидерства, удовлетворяющий растущие требования высокого уровня. Эти требования были определены в книгах Маслоу «Eupsychian Management» и «Motivation and Personality.» Данный стиль лидерства был назван Дж. Мак-Грегор Бернсом «трансформирующим», его он противопоставил лидерству «трансактивному». Он определял трансформирующее лидерство как включающее в мотивацию индивидуума стремление к позитивности, продуктивности, достижению целей, важных для организации. Трансактивные лидеры направлены на взаимодействие с персоналом, ориентируясь на аспекты оплаты труда, признания, продвижения при условии хорошей работы или наказания за плохую работу. В предлагаемой статье обсуждаются достоинства трансформирующего лидерства.

Лидерство универсально. Где бы ни появились люди, среди них есть лидеры. Не было обнаружено ни одной группы, в которой бы полностью отсутствовало лидерство. Хотя лидерство является древним феноменом, интенсивные его исследования начались всего несколько десятилетий назад. Среди таких работ можно отметить изучение нового лидерства, теорию лидерства 1976 г., атрибутивную теорию харизмы, проблемы вызова лидерством, духовного лидерства (Bass, 1997). В конце 1970-х гг. появился новый термин – *трансформирующее (изменяющее действительность) лидерство*. Его изучением вначале занимался Джеймс Мак-Грегор Бернс, определивший традиционное лидерство как *основанное на взаимодействии* и противопоставивший его изменяющему действительность лидерству, направленному на удовлетворение возникающих у последователя потребностей более высокого уровня в иерархии Маслоу. Согласно Дж. Бернсу, лидерство бывает *основанным на взаимодействии* или *изменяющим*, но не обоими одновременно. Более поздние исследования показали, что в некоторых отношениях они могут сосуществовать. Дж. Бернс (Burns, 1978) определил трансформирующее лидерство как «процесс, направ-

ленный на достижение коллективных целей через взаимное использование мотивов достижения планируемого изменения, имеющихся у лидера и последователей» (Pawar, Eastman, 1997; с. 82). В течение двух десятилетий исследования лидерства, основанные на раннем определении Дж. Бернса, велись в Центре по изучению лидерства Государственного университета Нью-Йорка в Бингхэмптоне под руководством Бернарда Басса. Большинство полученных результатов свидетельствует о *позитивном и продуктивном характере трансформирующего действительность лидерства*. Хотя необходимы интенсивные дальнейшие исследования, уже полученные данные позволяют прийти к нескольким определенным выводам: трансформирующее лидерство может быть выявлено; оно в корне отлично от основанного на взаимодействии, поддается точному измерению, улучшает любую организацию, обнаруживается повсюду, на всех уровнях, может быть следствием унаследованных тенденций, ему можно научиться, оно может быть связано с контекстом; лучший практический результат дает сочетание трансформирующего и основанного на взаимодействии лидерства.

Трансформирующее лидерство может быть определено

Лидерство высшего уровня – трансформирующее действительно лидерство – имеет место, когда лидер расширяет интересы подчиненных, когда он генерирует в них осознанность и принятие целей и задач группы, когда он пробуждает в них стремление смотреть за пределы собственных интересов ради блага всей группы (Bass, 1990, с. 21).

Лидеры могут достигнуть этого несколькими способами. Трансформирующее лидерство может быть определено по нескольким основным признакам и некоторым второстепенным. Основные признаки рассматриваются ниже.

Изменяющие действительность лидеры обладают *харизмой*. Они дают подчиненным понимание цели, возбуждают в них гордость, вызывают к себе уважение и доверие (Bass, 1990). Такие лидеры провидят будущее, показывают, как оно может быть достигнуто, подают пример, устанавливают высокие стандарты, демонстрируют уверенность в себе и решимость. Они источают оптимизм и энтузиазм, ободряют подчиненных. Харизма трудно поддается определению, однако такие лидеры характеризуются энергией, уверенностью в себе, решительностью, интеллектом, ораторским искусством и выраженными личностными идеалами (Bass, 1990). Они предпочитают личное общение и проявляют готовность делиться полномочиями. Б. Басс проводит четкую границу между настоящей и ложной харизмой. Он называет незрелого, склонного к самовосхвалению претендента на обладание харизмой *псевдотрансформирующим* лидером. Такой лидер может казаться вдохновляющим, однако на самом деле он очень своекорыстен и ненадежен. Вопрос о том, ка-

кие именно этические и моральные факторы отличают истинную и ложную харизму, требует дальнейшего изучения.

Харизма, несомненно, наиболее неопределенный термин из всех, связанных с трансформирующим лидерством. Юкл (Yukl, 1989) отмечает: «Главное расхождение во мнениях заключается в том, является ли харизма по большей части результатом свойств лидера, условий ситуации или влиянием процесса взаимодействия между лидером и последователем. Это расхождение напоминает различающиеся подходы к проблеме лидерства, встречающиеся в литературе: связанные с качествами, с ситуацией, с взаимным влиянием. Считается, что харизма является следствием восприятия последователем качеств и поведения лидера. На восприятие влияет контекст ситуации лидерства и индивидуальные и коллективные потребности последователя» (Yammarino, 1995, с. 796).

Трансформирующие действительность лидеры обеспечивают воодушевление. Они передают своим последователям высокие ожидания, используют символы для сосредоточения усилий, выражают важные цели понятно и доходчиво (Bass, 1990).

Трансформирующие лидеры обеспечивают интеллектуальную стимуляцию. Они поощряют интеллигентность, рациональность, тщательное решение задач (Bass, 1990). Такие лидеры помогают последователям делаться более креативными и склонными к инновациям. Они подвергают сомнению старые взгляды и старые парадигмы, поощряют создание новых перспектив и способов действия, возникновение новых идей.

Изменяющие действительность лидеры обладают индивидуальным подходом. Они общаются на личностном уровне, воспринимают каждого служащего индиви-

дуально, слушают внимательно, наставляют, советуют (Bass, 1990). Они дают задания, рассчитанные на личностный рост.

Несмотря на эти четыре аспекта, общие для трансформирующих лидеров, их персональные стили сильно различаются. Они не обязательно яркие люди. Трансформирующее действие лидерство – не то же самое, что демократия. Такие лидеры могут быть как авторитарными, так и демократичными; они могут придерживаться руководящего стиля или участвовать во всех начинаниях – при условии, что соблюдаются остальные основные принципы; они часто проявляют элементы как руководящего, так и участвующего стили в разных случаях и при разных обстоятельствах.

В дополнение к четырем главным аспектам, перечисленным выше, есть и несколько *менее значительных* свойств, присущих изменяющим действие лидером. Хаус и Шамир (House, Shamir, 1993) нашли, что трансформирующие лидеры вызывают в своих последователях следующие качества:

«Первенство коллективной идентичности в самовосприятии; чувство согласованности между самовосприятием и действиями на пользу лидеру и коллективу; более высокий уровень самоуважения и чувства собственной ценности; сходство самовосприятия и восприятия лидера; чувство коллективной эффективности; чувство значимости своей работы и жизни» (Bass, 1999b, с. 23).

По мнению Б. Басса, важнейшая связь между харизматическим поведением лидера и самовосприятием и самоуважением последователя была отмечена еще в 1976 г. Хаусом. Дж. Хауэлл и Фрост в 1988 г. сделали то же наблюдение, что Шамир, Хаус и Артур в 1993 г. Только харизматическое руководство может поддерживать высо-

кую производительность в условиях низких норм выработки (Bass, 1999b). *Необходимо обращаться к чувству собственной ценности* последователя; это является *одним из сильнейших средств создания мотивации трансформирующим лидером* и позволяет создавать у последователей мотивацию, выходящую за пределы кратковременных личных интересов. Становится важным сделать то, что *правильно*.

Продвижение за пределы собственного интереса соответствует иерархии Маслоу, и исследователи давно ищут ясную связь между этими двумя показателями. Трансформирующее действие лидерство, несомненно, поднимает последователей на высшие уровни иерархии Маслоу. Однако Б. Басс отмечает, что Дж. Бернс (Burns, 1978) и Хэнди (Handy, 1994) предположили необходимость распространения иерархии Маслоу вверх, чтобы учесть трансформирующее действие лидерство. Самоактуализация рассматривается как верхний уровень схемы Маслоу (Bass, 1999b). Дж. Бернс и Хэнди, как и некоторые другие, отмечают: «Должна существовать стадия за пределами самореализации, стадия идеализации, стремления к идее или к цели, которые больше, чем личность. Именно эта дополнительная стадия искупает эгоцентричный тон теории Маслоу, который, хоть и представляется, согласно опыту, обоснованным, оставляет довольно горький привкус» (Bass, 1999b, с. 12).

Дж. Бернс, рассматривая этот вопрос, описывал трансформирующих лидеров как людей, заставляющих своих последователей выйти за пределы собственных интересов и тем самым за пределы самореализации.

Стивен Кови определяет трансформирующее действие лидерство как лидерство, которое способно произвести

необходимые изменения в момент возникновения новых тенденций в экономике, технике, социокультурных факторах. «Расширенное представление о человеческой природе заставляет видеть роль менеджера иной: не героя, а агента развития, не командира, а консультанта, не отдающего приказы руководителю, а воспитателя, не принимающего решения начальника, а лидера, делающего ясной цель, подающего пример. Менеджер нового типа отказывается от конфронтационных диалогов в пользу эмпатических, от стремления сосредоточить власть в своих руках к распределению властных полномочий, от противостояния к сотрудничеству, основанному на общих интересах. Можно рассматривать эту перемену парадигмы в терминах континуума, одним полюсом которого является внешний контроль, а другим – контроль внутренний, принятие цели; переход можно видеть в отказе от поверхностных контактов в пользу полного использования человеческих ресурсов» (Covey, 1992, с. 284).

Р. Дентон определяет трансформирующее лидерство как обладающее пятью свойствами: креативностью, интерактивностью, видением цели, способностью придавать силы, страстностью. Первые три качества более или менее соответствуют тому, что Б. Басс именуется харизмой или вдохновением. Способность придавать силы и страстность совпадают с индивидуализированным подходом (Denton, 1996).

**Трансформирующее
действительность лидерство
в корне отлично от основанного на
взаимодействии**

Трансформирующее действительность лидерство может быть наиболее точно

определено при противопоставлении его основанному на взаимодействии лидерству. Применяющий методы взаимодействия лидер действует путем транзакций с подчиненными или последователями. Он дает и выполняет обещания признания, оплаты или продвижения в обмен на хорошую работу и дает и выполняет обещания наказания за работу плохую. Такой вид лидерства может быть эффективным, однако Б. Басс отмечает, что «основанное на взаимодействии лидерство – предписание посредственности» (Bass, 1990). Трансформирующее лидерство, по-видимому, представляет собой собрание нескольких базовых, универсальных видов поведения, в то время как основанное на взаимодействии – четырехуровневая иерархия, верхний уровень которой – довольно эффективное руководство, а нижний может приводить к катастрофе.

Наиболее эффективная форма основанного на взаимодействии лидерства может быть названа *пропорциональным поощрением*. До последних двух десятилетий, когда большая часть исследований оказалась сосредоточена на трансформирующем лидерстве, такая форма могла считаться хорошим руководством. Лидер поощряет усилия, хорошую работу, достижения. Часто такой путь оказывается конструктивным и дает положительные результаты. Подобные лидеры ясно показывают, чего следует от них ожидать, дают обещания и предоставляют ресурсы в обмен на поддержку и успешно заключают соглашения и контракты.

Следующий уровень основанного на взаимодействии лидерства – *активное управление методом исключения*, когда лидер выполняет функции контролера качества, сторожевого пса, аварийной службы. Такой руководитель внимательно следит за качеством работы подчи-

ненных и принимает меры в случае необходимости, обеспечивает выполнение правил, отслеживает и исправляет любое отклонение от норм.

Еще ниже находится уровень *пассивного управления методом исключения*, когда руководитель отслеживает некачественную или могущую причинить вред работу подчиненных. Пассивность лидера выражается в том, что он ждет, пока его внимание не обратят на неполадки, вместо того чтобы активно искать требующие разрешения проблемы, и не вмешивается, пока дело не примет серьезный оборот. Такие руководители ошибочно считают, что если подождать, проблемы разрешатся сами собой или вообще исчезнут (Cangemy, Kowalski, Khan, 1998).

Наконец, *лидерство-невмешательство* на самом деле вовсе не является лидерством. Такой руководитель старается не брать на себя ответственность, не принимать решений, не совершать действий. Его девиз – «Раз ничего не сломалось, нечего и чинить». Подобного лидера обычно не удастся застать на месте, он не проявляет интереса к делу (Bass, 1997).

«Трансформирующее лидерство – совсем не то же самое, что основанное на взаимодействии. Первое в основном означает стремление изменить существующую реальность так, чтобы она лучше соответствовала нашим ценностям и идеалам. Второе сосредоточено на эффективном взаимодействии с изменяющейся реальностью. Трансформирующий лидер стремится к достижению «первого места в списке» и ставит во главу угла принцип. Применяющий методы взаимодействия лидер готов удовлетвориться «последним местом в списке» и ставит во главу угла событие» (Covey, 1992, с. 285).

Трансформирующее действие лидерства может быть точно измерено

Многие исследователи заявляют: «Если вы не можете измерить нечто, вы не знаете, о чем говорите». Это положение побуждает к продолжению поиска понимания лидерства как объективного явления. Б. Басс приводит высказывание Хэнди: «Первый шаг – измерить то, что легко поддается измерению. Само по себе это неплохо. Второй шаг – отвергнуть все, что не может быть с легкостью измерено, или приписать ему произвольную качественную ценность. Такие действия искусственны и уводят с правильного пути. Третий шаг – заключить, что все, что не может быть с легкостью измерено, не представляет важности. Это – слепота. Четвертый шаг – счесть, что все, что не может быть измерено, не существует. Это – самоубийство» (Bass, 1999b, с. 18).

Многофакторный опросник по лидерству (МОЛ) – инструмент, наиболее широко применяемый для измерения характеристик лидерства, и изменяющей действительности лидерства в особенности. Базой теста послужило обследование 1980 г. 70 южноафриканских руководителей высшего звена, которым задавался вопрос: приходилось ли кому-нибудь из них на протяжении жизни сталкиваться с трансформирующим лидером. Сам термин не применялся, однако характеристики были перечислены. Все участники обследования смогли назвать хотя бы одного человека, который определил их мотивацию и послужил ролевой моделью.

Исходный МОЛ, разработанный Б. Бассом в 1985 г., основывался на высказываниях этих 70 руководителей и имевшихся в то время литературных

данных о сущности харизмы и системы поощрений. Тест начинался со 141 утверждения, которые подготовленными экспертами были разделены на группы характеристик трансформирующего и основанного на взаимодействии лидерства; четырехбалльная шкала использовалась для оценки частоты соответствующих поведенческих проявлений. Тест в первоначальной форме был предложен высшим офицерам армии США, от которых требовалось оценить не себя, а своих начальников. Дальнейшее использование опросника показало, что характеристики разделяются на четыре основные категории: *влияние, порождающее идеи; вдохновляющая мотивация; интеллектуальная стимуляция; индивидуальный подход*. Остальные характеристики разделялись на четыре группы, относящиеся к основанному на взаимодействии лидерству: *пропорциональное поощрение, активное управление методом исключения, лидерство-невмешательство*. МОЛ используется для попытки измерить диапазон свойств лидера; предполагается, что такой диапазон существует и что все лидеры обладают определенным числом характеристик – некоторые большим, некоторые меньшим. После 1985 г. МОЛ был и расширен и сокращен за счет некоторых положений; часть утверждений подверглась изменениям. МОЛ использовался во многих странах на всех континентах, за исключением Антарктиды.

Многие исследования трансформирующего лидерства были проведены группами, оценивавшими своего лидера с использованием МОЛ. МОЛ также представляет собой инструмент, который можно использовать для оценки качества выполнения работы, однако наиболее продуктивным является использование

МОЛ по следующей схеме. Конкретного работника просят оценить качество своей работы, чем бы он ни занимался. Затем его оценивают как подчиненные, так и начальники, в наибольшей мере знакомые с деятельностью данного работника. Результаты сводятся вместе, а затем предъявляются работнику, который участвует в интервью или в консультационной беседе с целью выявления расхождений в оценках, их причин и путей исправления (Bass, 1990). Затем могут последовать тренировочные курсы для конкретного работника, команды, членом которой он является, или всей организации.

Существование утверждений, вызывавших сомнения и противоречия, позднее привело к изменениям в МОЛ. Первое из них относилось к термину «харизма». За истекшие годы харизма слишком тесно стала ассоциироваться с диктаторами типа Адольфа Гитлера; в печати харизма часто означала что угодно – от святости до революционности; некоторые исследователи использовали термин как собирательную характеристику для различных аспектов трансформирующего лидерства. Поэтому термин «харизма» был заменен на «влияние, порождающее идеи», и в МОЛ были произведены соответствующие изменения. Кроме того, Б. Басс нашел, что «существуют отдельные разделы литературы для харизматического лидерства и для вдохновляющего лидерства», хотя это два понятия и объединялись в термине «влияние, порождающее идеи». «Те лидеры, которые являются харизматическими, являются и вдохновляющими, однако имеют место различные стили поведения, компетенция, влияние... Может существовать нечто, отличающее харизму от вдохновляющей роли, однако измерить это нелегко» (Bass, 1999b, с. 19). В исследователь-

ских целях приведенные выше термины были переформулированы в виде трех факторов: *индивидуальный подход, интеллектуальная стимуляция и влияние, вдохновляющее и порождающее идеи*. Что касается попытки определить харизму, Б. Авوليو пишет: «Несмотря на мнение, что показатели харизмы, харизматического поведения и вдохновляющего лидерства концептуально различны, при использовании различных шкал МОЛ, представляющих каждый из этих факторов, взаимная корреляция составляет 0,8–0,9» (Avolio, 1999, с. 444). Одни и те же лидеры получают высокие оценки как по вдохновляющему влиянию, так и по харизме. Третья область, в которой возникли разногласия, охватывает статистику и мультиколлинеарность. Некоторые исследователи утверждают, что МОЛ измеряет влияние и эффекты, а не поведение, хотя большая часть утверждений теста касается именно поведения.

Хотя МОЛ остается основным стандартным инструментом изучения лидерства, используется также опросник по описанию поведения лидера (ООПЛ). ООПЛ особое внимание уделяет дружеской любви, доступности, менеджменту-участию. ООПЛ может заменить МОЛ применительно к основанному на взаимодействии лидерству, но не к изменяющему.

**Трансформирующее
действие лидерство
улучшает любую организацию**

Когда подчиненные и последователи побуждаются выйти за пределы собственных интересов, рост производительности, и количественный, и качественный, бывает очень заметным и часто не-

медленным. Однако любая организация выигрывает и по другим параметрам, кроме этих важнейших. Компания, имеющая многих трансформирующих лидеров на разных уровнях, обладает гораздо лучшим корпоративным имиджем и в обществе, и в деловом мире. «Фирма, пронизанная трансформирующим лидерством снизу доверху, показывает своему персоналу, равно как и клиентам, поставщикам, вкладчикам и обществу в целом, что смотрит в будущее, уверена в себе, обладает штатом, объединившимся для достижения общего блага, и поощряет интеллектуальные достижения, гибкость, развитие своих сотрудников» (Bass, 1990, с. 25).

Компания, в которой имеет место трансформирующее действие лидерство, добивается гораздо большего успеха в привлечении самых квалифицированных сотрудников, заставляя их конкурировать между собой. «Кандидатов привлекает организация, руководители которой являются трансформирующими лидерами; ее имидж в глазах общества характеризуется уверенностью в себе, успешностью, оптимизмом, динамичным руководством. Кроме того, успех интервью с кандидатами повышается благодаря индивидуальному подходу. На наиболее интеллигентных соискателей сильное впечатление производит перспектива интеллектуального стимулирования» (Bass, 1990, с. 25–26).

**Трансформирующее
действие лидерство может
быть обнаружено во всех сферах**

Несмотря на распространенное ошибочное мнение, трансформирующее действие лидерство распространено

но повсеместно. Б. Басс (Bass, 1997) выделяет *пять общих положений*, которые, как он считает, верны для всего мира. *Первое* из них просто констатирует, что лидерство существует. Как только группа людей объединяется для какого-то дела, всегда появляется лидер. Это положение не меняется со временем. Исторический анализ деятельности лидеров древности и исследования современных лидеров показывают одни и те же характеристики. *Второе* положение, касающееся разнообразия форм, утверждает, что для всех культур и организаций имеют место определенные закономерности в лидерстве. Большинство организаций любого типа возглавляются единственным руководителем, который действует через нижестоящих. *Третье* положение, касающееся функционирования, утверждает, что между различными переменными существует определенная связь. Примером этого может служить лидерство-невмешательство, приводящее к неэффективности. Как правило, такие лидеры отрицательно характеризуются подчиненными; они неизменно позволяют своим организациям идти ко дну. *Четвертое* положение, касающееся разнообразия форм функционирования, говорит о положительной корреляции между харизмой и удовлетворенностью служащих. Б. Аволио, Б. Басс и Д. Юнг (Avolio, Bass, Jung, 1999) нашли единственное исключение из этого правила при изучении работающих на правительство экономистов. *Пятое* положение, касающееся системных свойств поведения, устанавливает причинно-следственные связи в лидерстве применительно к различным культурам и организациям (Bass, 1997). Эти универсальные положения говорят о том, что основные концепции лидерства применимы всюду.

В какой бы стране, когда бы люди ни размышляли о лидерстве, их идеалы одни и те же. Полномасштабная программа развития лидерства, целью которой является создание учебного курса на основе МОЛ, охватила тысячи участников из разных стран и организаций: им предлагалось описать идеального лидера. Ответы оказывались почти всегда идентичными и почти всегда указывали на характеристики изменяющего действительность лидера. Б. Басс суммировал результаты исследований в разных странах и на разных континентах.

Хотя основополагающие свойства лидерства представляются универсальными, специфические формы поведения меняются от культуры к культуре и от организации к организации. Во-первых, трансформирующее действительность лидерство, сохраняя свои основные характеристики, может очень сильно различаться по форме – от демократии до диктата и от директив до участия в общей работе. Во-вторых, возможно, что в азиатских странах трансформирующее лидерство распространено более, чем на Западе. «Хотя исходная теория, модель и измерения возникли в индивидуалистических Соединенных Штатах, представляется, что они не менее, если не более, применимы в коллективистских обществах Азии. Коллективистские культуры дают лидерам готовую возможность стать изменяющими действительность лидерами. Трансформирующее лидерство скорее окажется поддержанным центральным положением работы в жизни людей и высоким уровнем ориентации на группу среди последователей» (Bass, 1999b, с. 16).

Как Б. Басс, Б. Аволио и Атуотер (Bass, Avolio, Atwater, 1996), так и С. Росс и Л. Офферман (Ross, Offermann, 1997) находят, что женщины в большей мере придерживаются трансформирующего стиля

в лидерстве, чем мужчины. Эффективность работы женщин-руководительниц, а также собственная удовлетворенность сотрудничеством с ними оценивалась их подчиненными, как женщинами, так и мужчинами (Bass, 1999b). Некоторые исследователи считают, что женщины должны существенно превосходить мужчин, чтобы преодолеть предубеждения и занять то же положение, что и мужчины. С. Карлесс (Carless, 1998) при большом обследовании австралийских женщин-руководительниц получила несколько иные результаты. По ее данным, начальники оценивали женщин-менеджеров как более трансформирующих, чем менеджеров-мужчин; женщины-менеджеры считали себя более склонными к поведению в стиле изменяющего действие лидера, чем считали себя менеджеры-мужчины. Однако подчиненные оценивали своих начальников – женщин и мужчин – одинаково. Чтобы разрешить возникшие противоречия, требуются дополнительные исследования в организациях, где женщины составляют значительную часть персонала.

Трансформирующее действие лидерство возникает на всех уровнях организации

Б. Басс признает, что вначале он считал, будто трансформирующее действие лидерство свойственно лишь представителям высших эшелонов руководства. Поэтому, начав в 1980 г. сбор данных, он ограничивался руководителями организаций и офицерами высокого ранга. Однако к 1985 г. он выявил, что феномен гораздо более универсален и может быть обнаружен среди руководителей среднего и низшего звена и

среди общественно активных домохозяек. Б. Басс цитирует работу, выявившую черты трансформирующего действия лидерства у заключенных, обслуживавших тюремную лавку! За последние два десятилетия данные МОЛ и других исследований показали, что трансформирующего действия лидерство имеет место в малых группах, в руководстве крупных организаций, среди руководителей движений и обществ.

Хотя признаки изменяющего действие лидерства обнаруживаются на всех уровнях, *они должны сначала проявиться на самом вершине*, чтобы организация могла двинуться в нужном направлении. Чтобы организация в целом обрела нужный характер, начать перемены должно высшее руководство. Ролевые модели возникают наверху и поощряются на каждом нижележащем уровне.

Трансформирующее действие лидерство может быть результатом унаследованных тенденций

Одним из главных вопросов, которые задаются в отношении действия лидерства, и в особенности трансформирующего действия лидерства, является следующий: лидерами рождаются или становятся? Это – еще одна вариация вопроса о преобладании врожденных или полученных вследствие воспитания свойств. Как ни удивительно, имеются данные о том, что некоторые люди от рождения обладают более трансформирующим стилем действия лидерства, чем другие. В 1995 г. Роуз провел обследование 100 пар монозиготных и дизиготных близнецов. По данным самоопределения МОЛ, монозиготные близнецы проявляли больше сходства в склонности к трансформирующему стилю действия лидерства, чем

дизиготные. Это наводит на мысль, что некоторые аспекты поведения носят генетический характер. Наследственность несет ответственность за 40% различий. Склонность как к активному, так и пассивному управлению методом исключения, а также лидерству-невмешательству передается по наследству. Лишь применительно к пропорциональному поощрению не было выявлено статистически значимой наследуемости (Bass, 1997). Маккарти и соавт. (McCarthy et al., 1998) нашли, что от 25 до 50% различий в баллах при самозаполнении МОЛ между монозиготными и дизиготными близнецами могут быть отнесены на счет наследственности (Bass, 1999a).

Несколько исследований, проведенных в 1990-х гг., показывают, что изменяющие действительность лидеры обнаруживают специфические личностные характеристики. С. Росс и Л. Офферман (Ross, Offermann, 1997) показали, что высокие показатели по МОЛ ассоциируются с такими чертами, как прагматизм, воспитанность, женские качества, уверенность в себе, низкий уровень критичности и агрессии (Vandenberghe, 1999). Дж. Хауэлл и Б. Аволио (Howell, Avolio, 1993) сообщают о связи между личностными свойствами, восприятием лидерства и руководящим поведением, включая внутренний локус контроля, целеустремленность, внутреннюю убежденность. Если то, что некоторые личностные качества ассоциируются с определенным стилем лидерства, соответствует действительности, главной проблемой последующих исследований должна стать такая: наследуются или являются следствием воспитания личностные особенности? Если когда-нибудь на этот вопрос будет дан исчерпывающий ответ, можно будет судить о том, является ли лидерство наследуемой или приобретаемой чертой.

Трансформирующему лидерству можно научиться

Хотя некоторые исследования говорят о том, что лидерами рождаются, Б. Басс твердо отстаивает мнение о том, что трансформирующему действительность лидерству можно научиться. «Трансформирующему лидерству можно научиться, и оно может и должно войти в курс подготовки и усовершенствования управленческих кадров. Результаты исследований говорят о том, что руководителей любого уровня можно научить харизматичности» (Bass, 1990, с. 27). По-видимому, характеристики трансформирующего лидера *рано выучиваются* и закрепляются. *Первый руководитель подготовки будущего менеджера может сыграть огромную роль в его или ее будущей карьере.* То, чему человек научится в плане лидерства на этом этапе, имеет решающее значение. Многие руководители, получившие высокие баллы при заполнении МОЛ их подчиненными, сообщали, что их первыми начальниками были люди с хорошей репутацией, *стиль которых они могли копировать.* К ним применялся индивидуальный подход, и они получали требовавшие от них приложения всех сил задания.

От изменяющего действительность лидера, согласно данным Канерта и П. Льюиса (Kuhnert, Lewis, 1987), требуется моральная зрелость. Моральные стандарты родителей и опыт лидерства в школе и во внеучебное время служат предикторами того, насколько трансформирующим окажется будущий стиль лидерства (Bass, 1999b). Б. Аволио и Гиббонс провели интервьюирование руководителей, которых высоко оценивали их подчиненные. Эти руководители сообщили, что родители ставили перед ними «трудные

задачи, но также оказывали поддержку усилиям будущих лидеров вне зависимости от того, добивались или нет те успеха» (Bass, 1999b, с. 14–15). Другие руководители описывали своих родителей как любящих, но требовательных и обладавших высокими стандартами. Несомненно, в таких условиях дети учились трансформирующему стилю у своих родителей.

Будучи твердо уверенным в том, что свойствам трансформирующего лидера можно научить и развить их, Б. Басс разработал учебную программу «Всеохватывающее лидерство», обеспечивающую подготовку и консультирование на основании данных МОЛ. Обследование через два года прошедших данный курс показало некоторое улучшение, особенно в тех областях, где участники стремились к улучшениям. *Однако Б. Басс признает, что обучение не может превратить полностью ориентированного на взаимодействие лидера в трансформирующего.*

Трансформирующее действительность лидерство может зависеть от контекста

Трансформирующее действительность лидерство не является панацеей. В одних ситуациях оно проявляет себя лучше, чем в других. Оно плохо работает в бюрократических учреждениях, не имеющих возможности расширения. Лидер может проявить трансформирующие тенденции, только если его работа позволяет ему исследовать, ставить диагноз, творить. Если работа заставляет такого руководителя сосредоточиться на мелких повседневных проблемах, он будет вынужден прибегнуть к управлению методом исключения. У него не окажется времени и сил на то, чтобы обдумывать перспективы и

предвидеть будущее, и уж тем более передавать это подчиненным.

Когда фирме предстоят изменения, рост и модернизация, только трансформирующее действительность лидерство может привести к успеху. Однако если фирма пребывает в стабильном состоянии, управление методом исключения будет вполне успешным и может даже оказаться предпочтительным. Если правила вполне точны и определены, *иногда вовсе нет потребности в лидере.*

Б. Павар и К. Истман (Pawar, Eastman, 1997) нашли, что организации сильно отличаются друг от друга в том, как они воспринимают трансформирующее лидерство. Наиболее благоприятное отношение оно встречает в организациях, претерпевающих изменения, руководимых оценивающими свои возможности группами, имеющими простую структуру или с клановым типом управления, которое уравнивает собственные интересы членов с целью организации в целом. Наиболее отрицательное отношение трансформирующее действительность лидерство встречает в организациях, действующих эффективно, находящихся в стабильном и предсказуемом положении, или в бюрократизированных, высокопрофессиональных, разделенных на отделения организациях. Стордер, К. Вандерберг и Дхур (Stordeur, Vandenberghe, D'hoore, 1999) полагают, что высокопрофессиональные организации наименее восприимчивы к трансформирующему лидерству. Исследование, проведенное ими в нескольких госпиталях, показало, что работающие там профессионалы настроены индивидуалистически и не отождествляют себя с организацией, госпиталем. Особенно отрицательно относились к руководителям, отличающимся индивидуальным подходом, ме-

дицинские сестры, обвиняя их в фаворитизме и поощрении неравенства (Vandenberghe, 1999). Б. Басс признает, что изменяющие действительность лидеры могут даже быть обвинены в нарушении этики за то, что используют эмоциональные обращения.

**Лучшей практикой
может оказаться соединение
трансформирующего лидерства
с основанным на взаимодействии**

Лучшие лидеры сочетают качества трансформирующих и ориентированных на взаимодействие. Трансформирующее действительность лидерство добавляет эффективности основанному на взаимодействии, однако не заменяет его. Лучшим сочетанием можно считать *трансформирующее лидерство, дополняемое пропорциональным вознаграждением*. Сочетания с другими типами основанного на взаимодействии руководства менее эффективны. Концепции вдохновения и вознаграждения наиболее выражены во всех культурах. Б. Басс отмечал в нескольких работах, что мера трансформирующего лидерства увеличивает меру ориентированного на взаимодействие, но не наоборот. Такой односторонний прирост наблюдается во многих культурах.

Трансформирующее действительность лидерство универсально. Оно не имеет культурных или половых ограничений, охватывает различные типы и уровни организаций. Трансформирующие лидеры вдохновляют своих последователей на вы-

ход за пределы собственных интересов, усиливают осознание ими того, что важно, и помогают им достичь более высоких уровней в иерархии Маслоу (Bass, 1999a). Трансформирующие лидеры обнаруживают харизму, вдохновляют, обеспечивают интеллектуальную стимуляцию, проявляют индивидуальный подход. Трансформирующее лидерство в корне отлично от основанного на взаимодействии тем, что идет дальше транзакций или контрактов. В некоторых ситуациях трансформирующее действительность лидерство может приносить ограниченную пользу, особенно в случаях высокопрофессиональных или очень стабильных организаций. Тем не менее для большинства организаций оно представляет собой лучший из возможных выборов и может в некоторых аспектах сочетаться с основанным на взаимодействии лидерством. Трансформирующее действительность лидерство может быть точно измерено с помощью МОЛ и других инструментов, поэтому допускает успешное обучение, развитие. Новые исследования требуются для того, чтобы ответить на вопрос о том, почему некоторые лидеры проявляют более выраженные трансформирующие тенденции, чем другие. Что именно рождает трансформирующий стиль лидерства? Существуют свидетельства того, что опыт в раннем детстве и в начале карьеры способствует обретению умений трансформирующего лидера. Ответ на вопрос «Рождаются ли лидерами или этому можно научиться?» будет определять степень того, насколько следует придавать значение тренировке качеств трансформирующего лидера.

Литература

Avolio, B. J., Bass, B. M. & Jung, D. I. (1999). Re-examining the components of

transformational and transactional leadership using the Multifactor Leadership Ques-

- tionaire. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 72, 441-462.
- Bass, B. M. (1990). From transcendent to transformational leadership: Learning to share the vision. *Organizational Dynamics*, 3, 19-31.
- Bass, B. M. (1994). *Improving organisational effectiveness through transformational leadership*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Bass, B. M. (1997). *Transformational Leadership: Industrial, Military, and Educational Impact*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.
- Bass, B. M. (1999a). Current developments in transformational leadership: Research and application. *The Psychologist-Manager Journal* 3, 1, 5-21.
- Bass, B. M. (1999b). Two decades of research and development in transformational leadership. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 8, 1, 9-26.
- Bycio, P., Alien, J. S., & Hackett, R. D. (1995). Further assessments of Bass' (1985) conceptualization of transactional and transformational leadership. *Journal of Applied Psychology*, 80, 4, 468-478.
- Carless, S. A. (1998). Gender differences in transformational leadership: An examination of superior, leader, and subordinate perspectives. *Sex Roles: A Journal of Research*, 39, 887-899.
- Cangemi, J., Kowalski, C. & Khan, H. (1998). *Leadership Behavior*. Lanham, MD: University Press of America.
- Covey, S. R. (1992). *Principle-Centered Leadership*. New York: Simon & Shuster.
- Denton, R. E., Jr. (1996). *Leadership: A communication perspective*, 2nd ed. Prospect Heights, Illinois: Waveland Press.
- Howell, J. M., & Avolio, B. J. (1993). Transformational leadership, locus of control, and support for innovation: Key predictors of consolidated business-unit performance. *Journal of Applied Psychology*, 8, 78, 6, 891-901.
- Kirby, P. C., Paradise, L. V., & King M. J. (1992). Extraordinary leaders in education: Understanding transformational leadership. *Journal of Educational Research*, 85, 5, 303-310.
- Kirkpatrick, S. A., & Locke, E. A. (1996). Direct and indirect effects of three core charismatic leadership components on performance and attitudes. *Journal of Applied Psychology*, 18, 1, 36-51.
- Lewis, P. V. (1996). Transformational leadership: A new model for total church involvement. Nashville: Broadman & Holman.
- Pawar, B. S. & Eastman, K. K. (1997). The nature and implications of contextual influences on transformational leadership: A conceptual examination. *Academy of Management Review*, 22, 1, 80-110.
- Ross, S. M., & Olferman, L. R. (1997). Transformational leaders: Measurement of personality attributes and work group performance. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 23, 10, 1078-1085.
- Tracey, J. B. & Hinkin, T. R. (1998). Transformational leadership or effective managerial practices? *Group and Organizational Management*, 23, 3, 220-237.
- Vandenberghe, C. (1999) Transactional vs. transformational leadership: Suggestions for future research. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 8, 1, 26-32.
- Yammarino, F. J., & Dubinsky, A. J. (1995). Transformational leadership theory: Using levels of analysis to determine boundary conditions. *Personnel Psychology*, 47, 787-811.
- Zorn, T. E., & Violanti, M. T. (1993). Measuring leadership style: A review of leadership style instruments for classroom use. *Communications Education*, 42, 70-77.

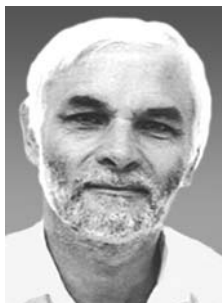

Психология и общество

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПСИХОЛОГИИ: БРИТАНСКИЙ ОПЫТ

Н. ФОРМАН, Р. РОУЛЗ

Найджел Форман (Nigel Foreman) – член Комитета по этике Британского психологического общества, член Комитета поддержки животных при Психологическом обществе Действующей партии по этическим процедурам, организатор Группы психологии этики в Университете Миддлсекса. Он член Британской восточноевропейской психологической группы, как приглашенный профессор читает лекции по этике на психологическом факультете Санкт-Петербургского университета.

Ричард Роулз (Richard Rawles) – вице-президент Этического комитета и глава Исследовательского объединения Российской психологии при Университетском колледже Лондона, а также председатель Британской восточноевропейской психологической группы.

Резюме

В последние годы для всех профессиональных психологов, работающих в области приложения академических данных в преподавании и исследовании, становится все более важной проблема этики в этих областях. В предлагаемой статье анализируются важные для развития этического кода в психологическом сообществе проблемы и исторические факты. Описываются трудности, встающие на пути его разработки, обсуждается роль этического поведения в формировании «этичной среды» в психологии.

---

1. Возрастающее значение моральных и этических проблем в психологии

Клятва Гиппократа, обязывающая врача придерживаться этических правил поведения, была написана две с половиной тысячи лет назад и стала обязательным условием вступления в медицинское сообщество. Клятва определяла моральную ответственность врача и перед коллегами, и перед пациентами. Обязательства перед пациентами касались двух основных областей: непричинение вреда и соблюдение врачебной тайны. В теории все этические обязательства врача могут быть определены всеохватывающим принципом: «Я буду назначать лечение, опираясь на свои лучшие умения и знания, ради интересов больного и никогда – ради нарушения закона или причинения вреда». К несчастью, опыт показывает, что этот, казалось бы, ясный принцип оказывается слишком расплывчатым, когда применяется в повседневной практике, связанной с профессиональными этическими дилеммами.

Несомненно, психологи, как и представители других областей науки (Frolov, Yudin, 1986), несут этическую ответственность, вытекающую из гуманности и законов общества, независимо от их деятельности в профессиональной сфере. Тем не менее, контакты психологов с обществом – с клиентами и коллегами, а также при работе в лабораториях с испытуемыми-людьми и с подопытными животными приводят к возникновению этических проблем, носящих специфический характер, связанный с особенностями профессии (Wadeley, 1991).

2. Влияние на этику профессионального сообщества

Профессиональные сообщества обычно создают собственные этические кодексы, отражающие оптимальный уровень функционирования, к которому должны стремиться члены сообщества, и устанавливающие стандарты приемлемого минимума услуг. Целями, которые преследуют такие кодексы, являются:

(а) помощь в становлении профессионального сообщества, придерживающегося определенных стандартов профессиональной деятельности (консультирования, лечения, ухода);

(б) поддержка и консультирование отдельных представителей профессии;

(в) помощь профессиональному сообществу в осуществлении его потребностей;

(г) формулировка моральных принципов, помогающих отдельным представителям профессии разрешать этические дилеммы (Канадская психологическая ассоциация (КПА), 1991).

Почему возникают дилеммы?

К возникновению дилемм приводят многочисленные разнообразные обстоятельства. Например, если психологу приходится учитывать интересы многих клиентов (работодателя и работника, социальные и юридические факторы), он может столкнуться с необходимостью встать на чью-то сторону, не говоря уже о желании учитывать собственный финансовый интерес. Решения иногда приходится принимать не с целью полностью избежать вреда, а стремясь к минимизации отрицательных последствий и стресса посредством наилучших возможных практических мер.

Проблема конфиденциальности часто оказывается трудно разрешимой, если сохранение сведений о клиенте в тайне (отказ от сообщения информации, полученной в ходе лечения) может привести к потенциально серьезным, а иногда даже опасным последствиям для семьи клиента или его работодателя, а также общества в целом. Совет по медицинским исследованиям Великобритании (Farrar, 2000) издал руководство по этическому использованию конфиденциальной информации с целью увеличения доверия общества и защиты прав клиентов и здоровых испытуемых, участвующих в исследованиях.

Аналогично, специалист в области педагогической психологии может оказаться перед необходимостью сопоставлять клинические и образовательные потребности клиента с более общими интересами своего нанимателя – муниципального управления, – стремящегося, возможно, к минимизации стоимости услуг и равному распределению средств ограниченного бюджета. Разрешение проблемы особенно затрудняется тем, что, удовлетворив запросы одного клиента, приходится отказать в предоставлении ресурсов другим, имеющим равные или большие потребности. Психолог может также заподозрить, что коллега действует непрофессионально: например, продолжает практиковать, будучи неспособным к этому вследствие алкоголизма; оказывает неадекватные услуги из-за применения устаревших методов; сообщает за вознаграждение имена страдающих депрессией клиентов производящим соответствующие препараты фармацевтическим компаниям; вступает в дискредитирующие его сексуальные связи с клиентами. В какой момент, каким способом и кому должен сообщить об этом психолог?

Профессионализм

Принятие в профессиональное сообщество предполагает, что индивид получил соответствующее определенным стандартам образование и готов придерживаться предписанных правил. Профессиональное сообщество, как правило, вырабатывает процедуры для исключения из своей среды коллег, не соблюдающих профессиональный этический кодекс. Национальные психологические ассоциации (в Великобритании – Британское психологическое общество) сочли необходимым создать консультационные телефонные службы для своих членов, нуждающихся в совете в случае возникновения дилемм.

С усилением тенденции к приватизации и уменьшению контроля, проявившейся с начала 1980-х гг., а также с переходом к рыночной экономике во многих странах, стала очевидной необходимость в некоторой общественной защите от эксцессов рыночных отношений и от отдельных неразборчивых в средствах самоучек. Считается, что между профессионалом, предоставляющим услуги, и клиентом должен существовать общественный договор, основанный на взаимном уважении и доверии. Особенно это касается профессиональных сообществ, обладающих определенной независимостью в определении профессиональных правил: от них ожидается, что они будут ставить благо общества и отдельных его членов выше собственных интересов и интересов своих членов. Во многих областях, привлекающих профессиональных психологов, таких как бизнес, экспериментальные исследования, терапия, необходимы руководство и регуляция ради блага всех заинтересованных сторон. Специалисты в области этики, несомненно, могут обес-

печить поддержку и руководство практикующему психологу, столкнувшемуся с этической дилеммой; они также могут рекомендовать наилучшие способы предотвращения судебного процесса. Этическое поведение дает ощутимые коммерческие преимущества, этический бизнес – это здоровый бизнес, в меньшей мере страдающий от плохих отзывов в прессе, претензий и судебных исков (Francis, 1994). Введение этических процедур благоприятно отражается на прояснении ролей и существующих ограничений; они не носят дисциплинарного характера (хотя нежелание придерживаться этических норм может вызвать наказание) и представляют собой скорее профилактические и защитные меры. Действительно, соблюдение этических норм предполагает не только разрешение возникших проблем, но и предвидение возникновения этически противоречивых ситуаций. Более того, кодекс этики предназначен для того, чтобы создавать *этичную среду* в наиболее общем смысле, обращаясь к чувству справедливости и морали индивида, поощряя этическое поведение во всех областях, а не прибегая к угрозе наказания за нарушения.

В последние годы быстро развивается область исследований, посвященных этическим проблемам в психологии (Francis, 1999) и отражающих сходные процессы в бизнесе, юриспруденции и медицине. Весьма важным моментом являются различия применения этических принципов в разных странах. Между 1953–1991 гг. Канадская психологическая ассоциация (КПА) пользовалась кодексом этики Американской психологической ассоциации; впоследствии было решено, что «существующие различия в культурных традициях могут быть более точно отражены в кодексе *Made in Canada*» (КПА, 1991); еще больших различий

можно ожидать между сильнее отличающимися друг от друга культурами. Организации, носящие интернациональный характер, придают этическим проблемам первостепенное значение. Европейская федерация психологических ассоциаций располагает специальным подразделением этики. Кросскультурная гармонизация этических процедур, по общему согласию, полезна для защиты интересов психологов и их клиентов во всех странах (Foreman, Colley, 1998, 2001). Более того, работа Международной конференции по гармонизации (МКГ) показала, что возможно создание общих этических рекомендаций для регулирующих организаций, занимающихся планированием, проведением и освещением клинических испытаний, в Европе, Японии и США (ICH, 1997).

Впрочем, остается серьезная проблема, касающаяся развивающихся стран, которые в высшей степени уязвимы для неэтичных и эксплуататорских исследований в области здравоохранения, в частности, изучения психологического воздействия лекарств (Nuffield Council on Bioethics, 2000). В этом отношении термин «научный империализм» в некоторых случаях наиболее точно описывает действия развитых стран.

Неизбежно существование не единственного решения трудных этических проблем или дилемм. В отношении некоторых из них возможно создание общепринятых твердых правил как в практических вопросах (например, хранение историй болезни или экспериментальных данных в течение фиксированного периода времени), так и в вопросах принципиальных (например, признание приоритета благополучия индивида перед приобретением новых знаний). Тем не менее, в общем случае невозможно дать ответ прак-

тикующему психологу – как бы он ни желал и ни ожидал подобной рекомендации – относительно того, что один образ действий этичен, а другой – нет. Короче говоря, редко можно говорить об абсолютно правильном или абсолютно неправильном решении. Общество меняется, и общественная практика определяет пределы того, что считается этически приемлемым. Никогда нельзя заранее гарантировать отсутствие критики с позиций этики; кроме того, подобная критика играет позитивную и благотворную роль в определении границ дозволенности. Часто то, что начинается как выражение сомнения в этичности, превращается в обвинение в непрофессионализме и даже небрежности; может последовать судебный иск. Это обстоятельство подчеркивает необходимость для профессиональных объединений проявлять осторожность в этических рекомендациях своим членам.

Профессиональные объединения ответственны за следующее:

(а) выработка правил поведения, определяющих должный этический уровень;

(б) установление минимальных стандартов услуг;

(в) наблюдение за соблюдением кодекса и эффективное выявление нарушений, быстрый и действенный отклик на критику и жалобы;

(г) предоставление консультаций своим членам по вопросам этики;

(д) ознакомление своих членов с новыми достижениями в соответствующей области.

Рекомендации в области этики публикуются всеми главными психологическими обществами, такими, как Американская и Канадская психологические ассоциации. 102 обязательных положения, сформулированные на общедоступном американском английском, изданы

первой из них (Nagy, 1999); вторая сопроводила свою публикацию (СРА, 1991) перечнем примеров наиболее часто возникающих дилемм. Это превосходный учебный материал для студентов и аспирантов. Психологические общества, как правило, уделяют внимание двум основным областям: профессиональной практике (клинической, образовательной, в области бизнеса и профессиональной ориентации, юридической и консультативной) и преподаванию и исследованиям. Эти области во многом пересекаются, а потому имеют общие этические подходы, хотя некоторые проблемы носят специфический характер (эти вопросы будут рассмотрены ниже).

Кодекс поведения

Британское психологическое общество (BPS) имеет комитет по этике, который недавно выработал рекомендации для психологов в дополнение к существующему кодексу поведения. Отдельно рассматриваются вопросы, связанные с экспериментами на животных. Действие кодекса распространяется на всех психологов; особое внимание уделяется четырем темам:

(а) Уважение прав и достоинства человека; обеспечение и охрана права на тайну личной жизни, конфиденциальность, самоопределение и автономию (в соответствии с профессиональными обязательствами и законом), равные права клиента вне зависимости от расы, религии или социально-экономического положения. Для любых психологических оценок, вмешательств, участия в исследованиях требуется информированное согласие клиента/испытуемого; все клиенты/испытуемые должны знать о том, что вольны в любой момент отказаться, не приводя оснований, от контактов с профессионалом или от участия в исследовании.

(б) Компетентность – обеспечение высоких стандартов, максимальное использование знаний и опыта профессионала, оказание только тех услуг, которые профессионал компетентен оказывать. Ответственность за собственный постоянный профессиональный рост; отказ от практики в случае, если квалификация или способность составить суждение недостаточны.

(в) Ответственность – предотвращение причинения вреда, следование высоким стандартам, обеспечение того, чтобы услуги или знания психолога не использовались во вред или не по назначению, принятие на себя ответственности за необходимое продолжение профессиональных услуг клиенту (подчеркивается, что ответственность не прекращается с формальным прекращением профессиональных контактов).

(г) Честность в исследованиях, в обучении и в практике; точное указание на роль, которую играет психолог; обязанность объективно критиковать профессиональные действия коллег; признание необходимости точности; избегание обмана, уважение к условиям контракта, должное внимание к финансовым последствиям профессиональных взаимоотношений.

Не во всех терапевтических, учебных и консультационных ситуациях бывает возможно избежать неравенства отношений, приводящего к зависимости клиента; этот факт не должен остаться незамеченным, и из него не следует извлекать пользы. Существование разнообразных контактов (когда психолог несет разную ответственность перед разными клиентами в одной и той же ситуации) должно ясно оговариваться в целях избежания конфликта интересов. Дэвид Грин создал весьма полезный видеофильм на тему этических проблем в клиническом наблюдении (Green, 2003).

Приведенные выше принципы подробно рассматриваются в исходном документе (BPS, 1996), но требуют обсуждения для дальнейшего уточнения. Что касается взаимной зависимости указанных четырех принципов, Этический кодекс BPS гласит:

«Необходимо признать, что всегда существует выраженная взаимная зависимость и возможные противоречия в применении четырех основных этических принципов. Для психологов это означает, что разрешение этической проблемы или дилеммы требует размышлений и нередко диалога с клиентами и коллегами, взвешенного применения разных этических принципов. Принятие решений и действия необходимы, даже если все еще остаются противоречия. Во внимание также должны приниматься временные рамки. Иначе говоря, проблемы лучше всего разрешаются путем открытой дискуссии с теми, кого касается решение; психологи должны избегать принятия решений единолично. Рассмотрим иллюстрирующую эту ситуацию. Предположим, клиент сообщает психологу во время лечения, что испытывает суицидальные намерения. Было бы нарушением этики со стороны психолога сообщить об этом семье клиента без его согласия. Тем не менее важность информирования семьи может быть обсуждена с клиентом. Иногда юридические формальности принуждают к определенным действиям: суд может затребовать информацию, содержащуюся в истории болезни; однако даже в таких обстоятельствах со стороны психолога было бы неэтично представлять сведения, не полученные им лично в процессе лечения клиента. За исключением случаев, представляющих несомненный общественный интерес, конфиденциальность информации, полученной психологом от клиента, дол-

жна сохраняться. Пациенты должны иметь свободный доступ ко всем записям, касающимся курса лечения».

М. Варнок (Wapnick, 1999) указывает, что хотя решения руководящих органов играют важную роль, персональная мораль имеет ведущее значение; кодексы необходимы, но не менее необходима мотивация к их соблюдению.

3. Проблемы, которые часто ставятся перед консультантами в вопросах этики Британского психологического общества

Британское психологическое общество любезно предоставило классификацию запросов, получаемых им. Многие обращения отражают наивные взгляды на психологию, другие являются выражением гнева или разочарования, некоторые носят характер «Психолог А сделал то-то и то-то... Этично ли это?». Бывают запросы, ставящие под сомнение квалификацию психолога. Многие обращения профессионалов-психологов к своему сообществу касаются следующего:

(1) *Клиент и общественные интересы.* Наблюдая за ребенком на уроке, специалист в области педагогической психологии столкнулся с неприемлемым поведением учителя, обращавшегося к ученикам с угрозами. Психолог был озабочен тем, что формальная жалоба с его стороны уменьшит доверие педагогического коллектива к психологам и их работе в школе. (Полученный совет заключался в следующем: попытаться побеседовать с конкретным учителем; если это окажется невозможным или безуспешным, необходимо соотнести благополучие детей с доверием учительского коллектива.)

(2) *Ведение записей.* Сколько времени должны храниться архивы после прекращения психологом частной практики? Может ли учреждение здравоохранения настаивать на ознакомлении с записями психолога о его профессиональных действиях, имевших место более пяти лет назад? (Совет заключался в том, что в первом случае психолог может сократить объем сохраняемых в архиве данных, но об этом следует проинформировать клиентов; во втором случае невозможно дать однозначной рекомендации, но если соответствующее учреждение здравоохранения не имеет особых полномочий на ознакомление с архивом, оно не имеет права настаивать на таком ознакомлении.)

(3) *Донос и конфиденциальность.* Обязан ли психолог сообщать властям, если родители его клиента оказываются незаконными иммигрантами в Великобританию? (Совет: нет.)

(4) *Отношения с клиентами и конфликт интересов.* Женщина обратилась за советом по поводу влияния, которое оказывает на ее брата консультирующий психолог. Обратившаяся за советом интересовалась, допустимо ли психологу консультировать человека, который является его близким другом. Брат женщины стал отказываться предпринимать какие-либо шаги в любой области без рекомендации психолога. Женщина была озабочена тем, что, следуя рекомендациям, которые дает психолог, ее брат оказывается изолированным от собственной семьи. (Совет заключался в следующем: нужно связаться с консультирующим психологом и постараться получить его поддержку в разрешении возникших проблем; в случае неблагоприятного исхода предупредить психолога о том, что семья его клиента будет вынуждена обратиться с жалобой в Британское психологическое общество.)

Этические кодексы следует регулярно обновлять. Они должны оперативно реагировать на технологические прорывы и тенденции. В последние годы для он-лайн терапии все активнее используется Интернет; это создает новые острые проблемы в связи с конфиденциальностью и возможностью выполнения медицинского долга при заочном общении клиента и психолога. В последнее время объектом дебатов стал интерес к возвращенным воспоминаниям (предположительно подавленным воспоминаниям о личных переживаниях, которые пациент «открывает для себя» в процессе терапии – зачастую терапии в связи с подозрением на пережитое в детстве сексуальное насилие). Такие воспоминания могут быть вымышленными, вызванными действиями психолога, стремящегося найти свидетельства насилия. Делаются предположения, что определенные поведенческие синдромы (например некоторые нарушения питания), связываемые с сексуальным насилием в детстве, выявляются в результате наводящих вопросов психолога и скрытого поощрения фантазий, а не истинных воспоминаний. Психологам следует, с одной стороны, понимать, что получаемые от пациента свидетельства – это их собственная реальность, которой они вправе обладать, а с другой – учитывать, что никакое воспоминание о предположительно имевших место переживаниях не может быть признано истинным восстановленным воспоминанием без каких-то независимых подтверждающих свидетельств (BPS, 2000a).

Недавний случай, вызвавший противоречивые высказывания, касался клинического психолога, которого дисциплинарный трибунал признал виновным в сексуальных домогательствах и сексуальной эксплуатации нескольких пациенток.

Психолог, о котором идет речь, являлся руководителем подготовки клинических психологов и заслуженным членом BPS (почетное звание, присуждаемое за вклад в исследования). Не было никаких сомнений в том, что данный психолог вел себя неэтично, совершив несколько серьезных прегрешений. Разногласия возникли в связи с тем, как его дело разбиралось дисциплинарным комитетом общества. Исключение из BPS оставило бы виновному возможность продолжать частную практику клинического психолога и рекламировать свои услуги (поскольку в настоящее время в Великобритании нет обязательной установленной законом регистрации психологов). Трибунал счел предпочтительным оставить виновного (который взял на себя обязательства перед BPS в будущем не практиковать клиническую психологию) под надзором. Многие члены BPS и пострадавшие сочли, что сохранение членства в BPS означает оправдание его прежнего поведения (иной взгляд содержится в публикациях Пилгрима (Pilgrim, 1999) и Гаррета (Garrett, 1999)). Впрочем, виновный в настоящее время живет за пределами Великобритании, где его регистрация и практика не зависят от BPS.

4. Проблемы, часто возникающие перед университетскими комитетами по этике

Рассмотрим теперь, как на психологические исследования в университетах Великобритании влияют университетские комитеты по этике.

Университеты и исследования: ответственность студентов и персонала

Стало общепринятым, что студенты и персонал университетских отделений

психологии не только учат и учатся, но и совместно участвуют в процессе получения знаний всевозможными экспериментальными методами. Такой подход означает, что и преподаватели, и студенты при проведении исследований обязаны соблюдать принципы этики.

Психологи придерживаются принципов, принятых Британским психологическим обществом (BPS, 1996), и руководствуются фундаментальным положением, согласно которому исследования должны «учитывать интересы всех участников; доступная предвидению угроза их психологическому благополучию, здоровью, взглядам или достоинству должна быть устранена». Кроме того, «исследователи должны учитывать, что в мультикультурном, мультиэтническом обществе, привлекая в качестве испытуемых людей разного возраста, пола и социального положения, они могут не обладать достаточными знаниями о последствиях исследования для его участников». Следует также помнить, что «лучшими судьями в том, не нанесет ли исследование обиду, могут быть представители той популяции, из которой набираются испытуемые». Необходимо иметь в виду, что «психолог, который находит, что другой психолог или исследователь проводит работу в нарушение приведенных выше принципов, должен побудить своего коллегу пересмотреть подход к исследованию».

Этическая ответственность персонала и студентов поддерживается соответственно созданными комитетами.

Характер и процедура создания университетских комитетов по этике

Общепринятой практикой, хотя пока и не подкрепленной законодательно, в Великобритании является рассмотрение

любого исследовательского проекта, предусматривающего участие испытуемых-людей, комитетом по этике, задачей которого является охрана прав, безопасности и благополучия всех участников исследования (Department of Health, 1991).

Существуют местные комитеты исследовательской этики (МКИЭ), в число которых входят университетские комитеты по этике. Недавно созданы Объединенные комитеты исследовательской этики (ОКИЭ), рассматривающие предложения по проведению исследований в пределах географического расположения пяти или более МКИЭ (Department of Health, 1997b). МКИЭ не обладает властью требовать пересмотра программ, уже одобренных ОКИЭ, но может, если обстоятельства того требуют, наложить на программу вето.

Состав МКИЭ может меняться, однако при рассмотрении проектов психологических исследований он включает обычно психологов, по возможности представляющих другое направление в науке. Например, членами комитета могут быть представители клинической, возрастной, социальной и экспериментальной психологии. В комитет должен входить статистик, который может оценивать адекватность анализа данных экспериментальных и наблюдательных программ (Williamson et al., 2000). П. Марчант из университета Лидса представил интересный отчет о первом году своей работы в МКИЭ (Marchant, 2003). Полезным является также участие юриста, который мог бы давать профессиональную консультацию по поводу гарантий безопасности экспериментаторов и прав испытуемых, равно как и о легальных последствиях спорных предложений. Большое значение имеет участие в работе комитета непрофессионалов (лиц, не

имеющих отношения к психологии), мнение которых может отражать взгляды потенциальных участников программы. Особенно приветствуется участие студентов, поскольку в университетах Великобритании они составляют наибольшие группы испытуемых. МКИЭ издают рекомендации для обращающихся (Department of Health, 1997a), так же как формы заявок в комитет по этике для тех, кто представляет свои исследовательские планы для этической оценки.

Вероятно, наиболее важными требованиями к любой заявке являются следующие:

(1) *Ясное и точное описание предлагаемого исследовательского проекта.* Оно должно быть сделано кратко, в общепонятных выражениях без жаргона и технических терминов, так что его могли бы с легкостью понять не являющиеся экспертами члены МКИЭ.

(2) *Указание на предполагаемую ценность исследования, а также необходимые научные обоснования.* Если исследование проводилось ранее, необходимо обоснование необходимости его повторного проведения. Следует заметить, что Датский национальный комитет по этике требует, чтобы обращающиеся за этической оценкой своего проекта представили полный систематический обзор соответствующей литературы, прежде чем новое исследование будет одобрено (Goldbeck-Wood, 1998).

Хотя студенческие исследовательские проекты не всегда соответствуют научным стандартам, на которых обычно настаивают МКИЭ, они обладают важным образовательным значением и всегда выполняются под тщательным руководством. Задача руководителя – совместно со студентом составить заявку для МКИЭ.

(3) *Описание характера и числа лиц (испытуемых), участвующих в исследовании.* Число участников должно делать ожидаемые результаты статистически значимыми, и нужно применять соответствующие процедуры проверки статистической достоверности. Впрочем, допустимы и качественные оценки, как, например, анализ протоколов интервью.

(4) *Текст объявления, целью которого является привлечение добровольцев для участия в исследовании.* Текст должен быть представлен на официальном бланке и давать полные сведения об экспериментаторах, а также информативное описание исследования. Неприемлемы объявления типа: «Придите в комнату 448 и получите 10 фунтов и бесплатную выпивку за участие в эксперименте по выявлению влияния алкоголя на память». Впрочем, скромное финансовое вознаграждение за отдаваемое испытуемыми на пользу науке время может быть предложено.

(5) *Инструкция, которую участники должны прочесть перед участием в эксперименте.* Инструкция должна просить о сотрудничестве по стороны испытуемого, а не требовать его. Обязательно должны быть включены два пункта: (а) «Вы не обязаны принимать участие в исследовании, если этого не хотите; если решите принять участие, в любой момент можете от него отказаться без объяснений. Решение о том, принять или нет участие в исследовании, никак не отразится на вашем лечении или процедурах» (последняя фраза добавляется только в тех случаях, когда испытуемыми являются пациенты, а не здоровые участники); (б) «Все заявки на исследование с участием испытуемых-людей рассматриваются комитетом по этике до их начала. Данная заявка была одобрена ... [название соответствующего комитета]».

(б) Расписка, подтверждающая согласие участника, составленная до начала эксперимента. Она должна включать ответы на шесть главных вопросов:

1. Прочли ли Вы инструкцию по данному исследованию? Да/Нет

2. Была ли Вам предоставлена возможность задать вопросы и обсудить данное исследование? Да/Нет

3. Получили ли Вы удовлетворительные ответы на все свои вопросы? Да/Нет

4. Получили ли Вы достаточную информацию относительно данного исследования? Да/Нет

5. Понимаете ли Вы, что можете выйти из исследования в любое время, не приводя для этого никаких оснований без последствий для Вашего будущего лечения? Да/Нет (данный вопрос не задается здоровым испытуемым)

6. Согласны ли Вы на участие в исследовании? Да/Нет

Особенно уязвимые группы – маленькие дети, лица пенсионного возраста, пенсионеры, страдающие поражениями головного мозга или психическими заболеваниями – нуждаются в особенно заботливом и осмотрительном руководстве при заполнении бланка расписки. Для них должна быть подчеркнута добровольность принятия решения об участии в исследовании.

Таким образом, МКИЭ ожидают представления обдуманного и тщательно заполненного расписки в согласии. Неполные или неправильно заполненные расписки возвращаются для уточнения.

МКИЭ требуют от исследователей ежегодных отчетов и уведомлений об окончании исследования. Тем не менее, проверки того, выполняются ли экспериментатором рекомендации МКИЭ, проводятся редко (Nicholson, 1998).

Когда случаются нарушения

Никакой МКИЭ не является непогрешимым, неправильные решения иногда принимаются. Например, одобрение получило «Изучение неудовлетворенности образом собственного тела среди девочек 9–12 лет», предполагавшее всего лишь заполнение простого опросника; однако оно вызвало беспокойство у некоторых девочек и их родителей, особенно в тех случаях, когда девочка не соответствовала принятому в определенной культуре представлению о совершенном телесном образе. Если бы исследование было названо просто «Изучение образа собственного тела», испытуемые, скорее всего, не оказались бы задеты, и претензий можно было бы избежать.

Могут возникать и гораздо более серьезные ошибки при проведении индивидуальных исследовательских проектов. Например, имели место жалобы на исследование, проведенное в Северо-стаффордширском госпитале. Испытуемыми были дети, родители или опекуны которых подозревались в приписывании симптомов или в намеренном провоцировании заболеваний ребенка (общепринятым наименованием такого рода плохого обращения с детьми является «синдром Мюнхгаузена по доверенности»), в результате чего детям причиняется физический или эмоциональный вред). Были проведены скрытые видеосъемки, которые могли бы рассматриваться как обычная диагностическая процедура в случаях, когда подозревается попытка со стороны родителей удушить ребенка, однако результаты исследования были опубликованы без одобрения со стороны комитета по этике.

При тщательной проверке (Nuffield Council on Bioethics, 2000) организации исследований в данном госпитале было

рекомендовано, чтобы, в числе прочего, МКИЭ всегда контролировал исследование, обеспечивая выполнение (и отсутствие выхода за рамки) одобренных мер, а также исследователи несли бы полную ответственность за предоставление МКИЭ регулярных отчетов.

Существует более широкая проблема «саморегуляции» исследований со стороны МКИЭ. Университеты часто предпочитают сами наблюдать за исследованиями, проводимыми на их факультетах психологии, не прибегая к контролю должным образом созданных внешних авторитетных и безусловно независимых инстанций.

Такая ситуация весьма драматично проявилась в случае печально известного английского семейного врача Г.Ф. Шипмана, который был признан виновным в умерщвлении более чем 140 своих престарелых пациентов. Его практика должна была регулироваться Кодексом медицинской помощи, целью которого является защита пациентов от злоупотреблений. В случае Шипмана это явно не имело места. Более того, медицинское сообщество не только само определяло закон, применимый к его членам, но и полностью распоряжалось механизмом наложения санкций в случае врачебных злоупотреблений (Renaud, 2000).

5. Этические проблемы, связанные с экспериментами на животных

Одной из областей, привлекающих наибольшее общественное внимание, является использование животных в психологических исследованиях. Возражения носят скорее эмоциональный, чем рациональный характер; лица, возражающие против научных экспериментов на жи-

вотных, сами нередко прибегают к лечению, разработанному в результате таковых. Тем не менее существуют группы, специально занимающиеся возникающими этическими проблемами: например, имеет ли право человек подчинять себе менее развитые виды, и оправдывают ли научные открытия цену, которую приходится платить в виде боли и страданий подопытных животных. Была составлена таблица соответствующих затрат и выгод (Bateson, 1989). Дж. Геттинби из Стратклайдского университета недавно опубликовал обзор этических проблем, связанных с планированием экспериментов на животных (Gettinby, 2003). Во многих случаях этические проблемы отступают на второй план по сравнению с вопросами местного управления исследованиями (одобрением исследовательских проектов, наблюдением и регистрацией процедур). В Великобритании приняты рекомендации для психологов, в каком-либо виде использующих животных, в том числе для терапии (BPS, 2000b). Основные этические принципы сводятся к следующим.

(1) *Сведение к минимуму.* Этот принцип предполагает создание экспериментальных и статистических методик, позволяющих извлечь максимум информации при минимальном числе подопытных животных.

(2) *Разработка современных методов.* Имеется в виду усовершенствование экспериментальных средств (анестезии, хирургического вмешательства, подготовки персонала) с целью минимизации боли и стресса у подопытных животных.

(3) *Замена.* Принцип замены предполагает использование таких методик, как клонирование клеток и замена подопытных животных экспериментальными моделями (где возможно, например, компьютерными моделями).

В настоящее время на первом месте стоит проблема использования в экспериментах приматов; законодательство Европейского Союза в ближайшем будущем может наложить на него полный запрет. Конечно, для многих главным остается вопрос: следует ли вообще использовать животных при изучении поведения, и всегда будут существовать группы, для которых любое использование животных неэтично. Это, несомненно, вызывает множество интересных вопросов, связанных с разнообразными законными видами использования животных; неясно, почему наука должна быть исключением. Недавно созданные этические кодексы принимают во внимание благополучие животных, которые выступают в роли компаньонов, участвующих в терапевтических исследованиях, в том числе в разработке десенсибилизирующих средств, и в рекламе.

В последние годы комиссия, состоящая из ученых и умеренных противников вивисекции (группа Бойда), рассматривает лучшие пути мониторинга экспериментов над животными на местном уровне. Эта группа предлагает создать соответствующие подразделения при местных комитетах по этике в исследованиях, способные рассматривать заявки и оценивать каждое конкретное обра-

ние, соотнося затраты (включая страдания животного) с потенциальной или реальной пользой. В прошлом местные комитеты по этике возглавлялись учеными; выражается надежда, что более широкое представительство вызовет большее доверие у общественности в отношении контролируемых соблюдение этики процедур.

6. Заключение

Этические проблемы требуют все большего внимания со стороны всех практиков и экспериментаторов, включая психологов, что связано с рядом обстоятельств, и не в последнюю очередь усилением тенденции юридического контроля. Психологические общества и ассоциации должны осознать ответственность в этом отношении перед своими членами. Факультеты психологии в университетах должны располагать соответствующими регулирующими комитетами. Психологам следует иметь экземпляры кодексов этики своих обществ и регулярно сверяться с ними.

Внимание к этическим процедурам имеет шанс стать существенным требованием к будущим международным психологическим проектам.

Литература

- American Psychological Association (1982) *Ethical Principles in the Conduct of Research with Human Participants*. Washington, DC.: APA.
- Bateson, P. (1986). When to experiment on animals. *New Scientist*, 109, 30-32.
- British Psychological Society (1996). *Code of Conduct, Ethical principles, Guidelines*. Leicester, UK: British Psychological Society. Revision due, 2003)
- British Psychological Society (2000a). Guidelines for psychologists working with clients in contexts in which issues to recovered memories may arise. *The Psychologist*, 13, 266.
- British Psychological Society (2000b). *Ethical Guidelines for Psychologists Working with Animals*. Leicester, UK: British Psychological Society.
- Canadian Psychological Association (1991).

- Companion Manual to the Canadian Code of Ethics for Psychologists*. Ottawa: CPA.
- Department of Health (1991). *Local Research Ethics Committees*. London: UK Department of Health.
- Department of Health (1997a). (vii) *Psychological research. A Briefing Pack for Research Ethics Committee Members*. London: UK Department of Health. pp. 85-88.
- Department of Health (1997b). *Ethics Committee Review of Multicentre Research: Establishment of Multicentre Research Ethics Committees*. London: UK Department of Health.
- Farrar, S. (2000). MRC code puts privacy first. *Times Higher Education Supplement*, 13th October, [1,457], 5.
- Foreman, N., and Colley, A. (1998). *Psychology inside and outside universities*. Paper delivered to the 275 year anniversary conference, St Petersburg University.
- Foreman, N., and Colley, A. (2001). Psychology inside and outside universities. *Psikhologicheskii zhurnal* (in press).
- Francis, R. D. (1994). *Business Ethics in Australia: A Practical Guide*. Sydney: The Law Book Company.
- Francis, R. (1999). *Ethics for Psychologists: A Handbook*. Leicester: BPS Books.
- Frolov, I., and Yudin, B. (1986). *Etiki Nauki: Problemy I Diskusii*. Moscow: Politizdat.
- Garrett, T. (1999). Sexual contact between clinical psychologists and service users: a response to Pilgrim. *Clinical Psychology Forum*, 125, 13-14.
- Gettinby, G. (2003). Current ethical issues in animal experimentation. Paper presented to the Medical Section, Royal Statistical Society, London, 24th June.
- Goldbeck-Wood, (1998). Denmark takes the lead on research ethics. *British Medical Journal*, 316, 1185.
- Green, D. (2003). Ethical issues in clinical supervision. Training Video available from LTSN Centre for Psychology, University of York, Heslington.
- ICH (1997). *ICH Harmonised Tripartite Guideline for Good Clinical Practice*. Maidenhead, Berks.: The Association of Clinical Research for the Pharmaceutical Industry.
- Marchant, P. (2003). One year on an LREC: Some impressions and thoughts. Paper presented to the Medical Section, Royal Statistical Society, London, 24th June.
- Nagy, T.F. (1999). *Ethics in Plain English: An Illustrative Casebook for Psychologists*. Washington, D.C.: American Psychological Association.
- Newell, S. (1995). *The Healthy Organisation: Fairness, Ethics and Effective Management*. London: Routledge.
- Nicholson, R. (1998). *Follow-up of studies post-approval by ethical committee*. Paper given to Royal Statistical Society, Liverpool, 5th May.
- Nuffield Council on Bioethics (2000). *The Ethics of Healthcare-Related Research in Developing Countries*. Consultation Document: July. London: Nuffield Council on Bioethics.
- Pilgrim, D. (1999). On keeping a disorderly house. *Clinical Psychology Forum*, 124, 4-7.
- Renaud, N.D. (2000). *The General Medical Council Code of Conduct: Is it a case of the profession protecting itself at the patients' expense?* Unpublished Paper. London: University College London Russian Psychology Research Unit.
- Review Panel (2000). *Report of a Review of the Research Framework in North Staffordshire Hospital NHS Trust*. West Midlands: NHS Executive West Midlands Regional Office.
- Wadeley, A. (1991) *Ethics in Psychological Research and Practice*. Leicester: BPS.
- Warnock, M. (1999). *Sound Bite*, Winter.
- Williamson, P., Hutton, J.L., Bliss, J., Blunt, J., Campbell, M.J. and Nicholson, R. (2000). Statistical review by research ethics committees. *Journal of the Royal Statistical Society A*, 163, 5-13.
- Wingate, P. (1976). Hippocratic Oath. *The Penguin Medical Dictionary*. Second Edition. Harmondsworth: Penguin Books. pp. 222-223.

Научная жизнь

Размышления о двух психологических конференциях 2003 г.: Восьмой европейский конгресс по психологии и Одиннадцатая встреча Международного общества по изучению индивидуальных различий

Д.В. ЛЮСИН

Люсин Дмитрий Владимирович – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН, доцент Института психологии им. Л.С. Выготского РГГУ. Окончил факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова в 1988 г. Защитил кандидатскую диссертацию в 1995 г. В 1997–98 гг. стажировался в США в рамках программы Фулбрайт, в 2000 г. занимался исследованиями во Франции в рамках программы Дидро.

В июле 2003 г. в Австрии прошли две крупные международные психологические конференции. Сопоставление их работы представляется интересным как с точки зрения последних тенденций в психологии, так и с точки зрения анализа форм, в которых протекает современная научная жизнь.

С 6 по 11 июля в Вене состоялся Восьмой европейский конгресс по психологии. Такие конгрессы организуются каждые два года Европейской федерацией психологических ассоциаций (ЕФРА). В этом году в конгрессе приняло участие около тысячи человек, представляющих не только европейские страны, но и практически весь мир – было много участников из Северной и Южной Америк, Восточной Азии и многих других стран. Ор-

ганизационный комитет дал конгрессу название «Психология в диалоге с родственными дисциплинами». Тем самым был подчеркнут междисциплинарный характер этого мероприятия.

Основной принцип организации научной программы состоял в объединении выступлений по направлениям психологической практики. Интересно само перечисление этих направлений, так как оно показывает, какие прикладные области являются наиболее важными с точки зрения современной европейской психологии. Вот некоторые из них, особенно широко представленные на конгрессе: организационная психология, психология здоровья, возрастная психология (с акцентированием внимания, прежде всего, на пожилом возрасте), политиче-

ская психология, психология транспорта, психология катастроф. Кроме этого, был прочитан ряд лекций специально приглашенными специалистами. Среди них можно отметить выступления Чарльза Спилбергера «Стресс, эмоции и здоровье», Роберта Стернберга «Почему умные могут оказаться глупыми: мудрость, школьное обучение и разные виды обществ», Энделя Тулвинга «Эпизодическая память: в каком смысле она уникальна?». Помимо научной программы проводился ряд обучающих семинаров «Инструменты для практиков», каждый из которых был посвящен отдельной конкретной практической проблеме.

Через несколько дней после конгресса, с 13 по 17 июля в г. Граце состоялась другая психологическая конференция – Одиннадцатая встреча Международного общества по изучению индивидуальных различий (ISSID). Такие встречи также проводятся каждые два года. В конференции приняло участие около трехсот человек, больше всего были представлены Германия, Испания, США, Австралия (в Австралии очень активно и серьезно работает группа психологов, занимающихся индивидуальными различиями). Принцип организации научной программы здесь был другой: симпозиумы и секции посвящались определенным научным проблемам. Можно выделить две общие темы, вокруг которых выстраивалось содержание конференции, – интеллект и личность.

Разнообразные доклады, посвященные личности, как правило, основывались на модели «Большая пятерка». Понятие личности в большинстве работ трактовалось очень широко. Можно сказать, что к личности относились все индивидуальные характеристики, кроме чисто когнитивных, непосредственно

связанных с переработкой информации. Ярким проявлением такого подхода явился симпозиум «Личность у животных: междисциплинарный подход». Здесь выступали зоопсихологи и этологи, которые на материале различных видов животных (приматов, гиен, собак, синиц) рассматривали вопрос о том, как формируются и проявляются индивидуальные различия у животных, и как они могут быть описаны с помощью факторных моделей, аналогичных факторным моделям личности человека.

В работах, посвященных интеллекту, чаще всего исповедовался психометрический подход, основанный на тестовом измерении уровня интеллекта. Много внимания уделялось связям психометрического интеллекта с отдельными когнитивными характеристиками (такими, как объем рабочей памяти или ментальная скорость), с физиологическими показателями, со здоровьем. Активно обсуждались проблемы измерения интеллекта. В качестве особой тенденции можно отметить повышенный интерес к проблеме соотношения интеллектуальных и личностных характеристик. Целых два заседания – симпозиум и секция – были посвящены эмоциональному интеллекту, проблемам его измерения и связи с когнитивными и личностными характеристиками.

Эти две психологические конференции, практически совпавшие по времени и месту проведения, произвели довольно разное впечатление. Конгресс в Вене был очень большим мероприятием. Казалось бы, это предоставляет уникальную возможность познакомиться со всем наиболее новым и интересным, что делается в мировой психологии. На самом деле, сориентироваться в этом море информации оказывается не так-то просто. Одна из причин этого состояла в организации

симпозиумов и секций по прикладным направлениям. В результате, иногда в одном заседании смешивались не только работы, очень разные по качеству, но и различающиеся по жанрам. Сугубо научные, академические доклады соседствовали с практическими сообщениями, а теоретические работы – с экспериментальными исследованиями. Интересные, сильные доклады, крупные имена растворялись в большом количестве формальных, неглубоких работ. Специалисту в какой-либо определенной научной области было довольно трудно найти нужные ему доклады. Например, специалисту по интеллекту пришлось бы посещать заседания, посвященные возрастной, клинической, организационной психологии и т.п.

В целом конгресс производил впечатление очень большой научно-практической конференции, посвященной сразу всем существующим психологическим проблемам. Некоторые выступления заставляли вспомнить характерные для советского времени инвективы в адрес «буржуазной» психологии, такие как критика «ползучего эмпиризма» и мелкотемья. Было бы неверно считать, что мировая психология действительно поражена болезнями такого рода, однако эта критика вполне применима к низкокачественной научной продукции, которую нередко можно было встретить на конгрессе.

К сожалению, многие российские участники, заявленные в программе конгресса, не смогли приехать (впрочем, эта проблема коснулась не только российских ученых). Причина этого очень проста – организационный взнос, необходимый для участия в конференции, равнялся примерно 400 евро, при этом не предусматривалось никаких источников финансовой поддержки для ученых из стран, находящихся в сложном экономическом

положении. Возможно, невысокий уровень многих докладов связан с тем, что организаторам конгресса не удалось найти верной пропорции между коммерческой и содержательной ориентацией.

Конференция в Граце произвела более благоприятное впечатление. Она была несколько меньше по размеру, хотя тоже очень представительной. Параллельно проводилось не более двух заседаний, что позволяло конференции работать как единому целому. Приехало много специалистов и целых исследовательских групп, активно работающих в области индивидуальных различий, поэтому участники были связаны общими профессиональными интересами. Многие из них хорошо знали друг друга лично или по публикациям, благодаря чему находились в одном «предметном поле». На заседаниях и в кулуарах разворачивались интересные живые дискуссии.

Опыт участия в обеих конференциях позволяет прийти к следующему выводу. Крупные международные конференции с широкой тематикой часто оказываются не очень плодотворными, так как на них представляются работы, слишком сильно отличающиеся друг от друга по качеству и по жанрам. Средний уровень докладов и секций снижается. Такие мероприятия получают слишком формальными и не позволяют выявить наиболее интересные и перспективные направления развития научной мысли. Более компактные конференции, посвященные определенной теме или проблеме, оказываются значительно более плодотворными. Повышается общий научный уровень конференции, а ее участники получают возможность обсуждать свои работы с компетентными заинтересованными специалистами и узнавать все новое и важное, что делается в их области.

SUMMARY OF THE ISSUE

T.N. Ushakova. Address to the Readers

Theory and Philosophy of Psychology

V.D. Shadrikov. The subject matter of psychology (The inner world of human life)

Any attempt in systematic definition of psychology's subject matter inevitably leads to the question of the inner world of human psyche. Evidence of the reality of this world ranges from everyday experience to the experiments with electric irritation of deep brain structures. The article analyses the appearance and development of the inner psychic world of a child. It addresses the following issues: representation of the outer in the inner; identification of the soul with the inner world; patterns in its functioning. The author formulates psychology's major task as a search of regularities in the development of the inner world and in the ways it is reflected in actual behavior.

Special Theme of the Issue: Psychology of strangeness (**B. Schäfer** – Guest Editor of the Special Theme)

D.V. Ushakov. Foreword

B. Schäfer, M. Scarabis, B. Schlöder. Identität, Wissen, Ambivalenz – Ein sozialpsychologisches Modell der Erfahrung des Fremden

Die Erfahrung des Fremden ist ein in der aktuellen sozialpsychologischen Forschung nahezu unbeachtetes Thema. Mit Bezug auf philosophische und soziologische Ansätze haben Schäfer und Schlöder (1994) ein Modell der Erfahrung des Fremden vorgelegt. Im Rahmen dieser Konzeption wird Fremdheit als Herausforderung der Identität einer Person oder eines sozialen Gebildes aufgefaßt. Als zentrale Komponenten der Identität werden präskriptive Anteile selbstbezogenen Wissens betrachtet, die aufgrund ihres Bezuges zu sozialen Werten mit einem Geltungsanspruch ver-

bunden sind. Es wird angenommen, daß das Fremde eine Abweichung von zentralen Identitätsaspekten signalisiert und damit eigene Identitätsansprüche in Frage stellt. Aufgrund fehlender Informationen und Erfahrungen mit dem Fremden kann vorläufig nicht entschieden werden, ob diese Abweichung als Chance oder Gefahr aufgefaßt wird. Es resultiert eine ambivalente Reaktion. Neben dieser Fremdheit im engen Sinne finden sich im Modell noch weitere Facetten der Erfahrung von Fremdheit, die aber zu anderen Reaktionsqualitäten führen (Indifferenz oder Valenz).

M. Scarabis, R. Schulze, B. Schäfer. Ökonomische und symbolische Identitätsdiskrepanzen als Determinanten von Ambivalenz gegenüber Fremdgruppen

In der vorliegenden Studie werden ambivalente Reaktionen gegenüber Fremdgruppen beleuchtet. Unter Bezugnahme auf einstellungstheoretische Beiträge und Konzeptionen aus dem Bereich der sog. Intergruppenforschung werden inkonsistente Beziehungen von Fremdgruppen und deren Mitgliedern zu den präskriptiven Identitätsstandards der Urteiler als eine Determinante von Ambivalenz untersucht. Dabei werden zwei inhaltlich unterschiedliche Klassen von Standards differenziert, nämlich ideell-symbolische und materiell-ökonomische Identitätsstandards. In einer experimentellen Untersuchung wurde eine fiktive Fremdgruppe mit Merkmalen in Verbindung gebracht, die hinsichtlich der beiden Identitätsbereiche konsistente, inkonsistente oder keine Beziehungen aufwies. Entsprechend den Hypothesen wurde in den Inkonsistenzbedingungen das höchste Maß an subjektiver Ambivalenz beobachtet. Ambivalenz wurde mit Hilfe einer adaptierten deutschen Version der „Bivariate Evaluation and Ambivalence Measures“ (BEAMs; Cacioppo, Gardner & Berntson, 1997) erfaßt.

M. Scarabis, N. Balinghorst, R. Schulze, B. Schäfer. Das Erleben von Fremdheit als Determinante subjektiver Ambivalenz

Der vorliegende Beitrag untersucht das Erleben von Fremdheit als eine Determinante für das Entstehen subjektiver Ambivalenz. Fremdheit wird dabei unter Bezugnahme auf das Stufenmodell von Schäfer und Schlöder (1994; Schäfer Scarabis & Schlöder, dieses Heft) als Kombination mäßiger Bekanntheit und Vertrautheit mit Identitätsdiskrepanz aufgefaßt. In einer experimentellen Studie wird Fremdheit in diesem Sinne gezielt hergestellt und zu subjektiver Ambivalenz, gemessen mit einer deutschen Version der BE-AMs (Cacioppo, Gardner & Bernston, 1997), in Beziehung gesetzt. Erwartungsgemäß zeigt sich unter den Fremdheitsbedingungen ein erhöhtes Ausmaß an berichteter Ambivalenz.

M. Scarabis. Wertinkonsistenz, Wertkonflikt und Ambivalenz

Anknüpfend an die Befunde von Scarabis, Schulze und Schäfer (dieses Heft) wird in der vorliegenden Studie geprüft, welchen Einfluß inkonsistente Beziehungen der Merkmale eines Einstellungsobjekts zu ideell-symbolischen Werten auf subjektiv erlebte Ambivalenz haben. Zusätzlich wird dabei berücksichtigt, ob es sich um periphere oder zentrale Wertvorstellungen handelt. Diese Aspekte wurden in einer experimentellen Studie mit 142 Studierenden untersucht. Dabei ließen sich die Vorhersagen nur teilweise bestätigen. Es wurde erwartungsgemäß festgestellt, daß dann, wenn ein Urteilsobjekt mit Merkmalen verbunden war, die einen inkonsistenten Bezug zu zentralen Wertmaßstäben aufwiesen, deutlich stärker ambivalent reagiert wurde, als wenn ein Objekt nur positive Beziehungen zu diesen Wertmaßstäben hatte. Vergleiche zwischen anderen Bedingungen des Experiments fielen nicht hypothesenkonform aus. Außerdem konnte gezeigt werden, daß subjektive Ambivalenz mit negativem Affekt (Dissonanz) einhergeht. Operational-methodische Ursachen

der Befunde und theoretische Implikationen werden diskutiert.

Practical Psychology

D. Dile, J. Cangemi, C. Cowalski. Transformational Leadership: A Brief Overview

In the late 1970's a label was used to identify an emerging leadership style which had as its outcome the potential to satisfy the individual's high level growth needs, needs identified by Maslow earlier in his books «Eupsychian Management» and «Motivation and Personality.» That emerging leadership style was coined by James McGregor Burns as «transformational» leadership, which he contrasted with «transactional» leadership. He identified transformational leadership as the process of tapping into the individual's motivation to be positive, productive, and achievement oriented regarding the organization's goals. Transactional leaders operate by making transactions with employees regarding pay, recognition, advancement, etc., in exchange for good performance — or penalties for poor performance.

Psychology and Society

N. Forman, R. Rowles. Ethical issues in psychology: the UK experience

In recent years, ethical issues have become increasingly important for all psychologists, working in professional fields of application or in academic teaching and research. This paper reviews some of the historical factors and issues that have been significant in the development of ethical codes for psychological societies and associations. It describes some of the difficulties associated with the development and policing of a comprehensive ethical code, and discusses the roles of codes of ethical conduct in the evolution of an «ethical environment» within psychology as a profession.

Scientific life

D.V. Lioussine. Reflections on two psychological conferences of 2003